

61:03 - 7/244-0

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИЧЕРСИТЕТ
им М.В. ЛОМОНОСОВА
Институт стран Азии и Африки

На правах рукописи

МОРОЗОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В МОНГОЛИИ
в 20-40-х годах XX века**

Научный руководитель
д.и.н. М.И. Гольман

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история.

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Москва - 2002

О ГЛАВЛЕНИЕ

	С.
Введение. Монгольское общество на рубеже веков (XIX – XX).	3
Глава I. Источниковедческий и историографический очерк.	18
Основные проблемы изучения истории Монголии XX века.	
Глава II. 1921-1924. Теократическая монархия и революция в Монголии.	45
Глава III. 1925-1928. Республика на перепутье...	71
Глава IV. 1929-1932. Старый и новый монгольский террор.	99
Глава V. 1933-1939. Между русским коммунизмом и японским милитаризмом.	125
Глава VI. 1940-1945. Монгольское общество и Вторая мировая война.	150
Глава VII. 1946-1952. Противоречия социалистического строительства после войны.	172
Заключение.	194
Библиография.	211

Введение.
Монгольское общество на рубеже веков (XIX – XX).

1) Обоснование выбора темы.

- a) Историко-философское вступление. Общество в эпоху кризиса и смены эпох. Методологические проблемы.
- b) Монгольское общество в начале XX века. Историческая ретроспектива.
- c) Монгольское общество и монгольский национализм в Эпоху Пробуждения Азии.

2) Цель и задачи диссертации.

Обоснование выбора темы

Историко-философское вступление. Общество в эпоху кризиса и смены эпох. Методологические проблемы.

История Центральной Азии и Монголии на рубеже веков (XIX и XX, XX и XXI) демонстрирует колossalное напряжение в регионе. В 20-ых годах XX века, а через семьдесят лет в 90-ых в Монголии происходит смена эпох, характеризующаяся значительными социальными переменами, в результате которых перед нашими глазами каждый раз предстаёт новое общество и государство. Так, из окраины империи Цин в 1911 молниеносно формируется государство со своеобразной формой теократической монархии, которое спустя десять лет переживает революционный взлёт и переходит к республике в 1924, а в 1940-ых встаёт на путь социализма, по прохождении которого преобразуется в «одно из самых демократических и открытых обществ в Азии»¹. При первом приближении поражает стремительность перемен. Очевидно участие Монголии в глобальных социальных потрясениях XX века (Эпохе Пробуждения Азии и революции, гражданской и мировой войнах, построении социалистического государства и его болезненном крахе, процессах демократизации и шоковой

¹ Такая формулировка содержится на официальном веб-сайте ООН в Монголии. <http://www.un-mongolia.mn> Мы приводим её здесь не потому, что разделяем взгляды этой организации, а как образец подхода мировой конъюнктуры к современной Монголии.

терапии перехода к рыночной экономике). Однако при пристальном анализе истории страны и вдумчивом знакомстве с её современностью, начинает проступать некая константа всех этих изменений. События, какими бы противоречивыми они не казались, нанизываются одно на другое, приводя нить к своему началу, - и в современности мы видим лики прошлого. Россия готова частично простить, частично реструктурировать многомиллионный долг МНР, руководствуясь своими стратегическими интересами в регионе, как и в 20-ых годах прошлого века, Китай ищет возможности реставрации маньчжурской политики², а в самой Монголии Монгольская Народно-Революционная Партия (МНРП) сейчас пытается вернуть свои былые позиции, утраченные за последние десять лет демократических реформ³. Это «постоянство вечных изменений» придаёт изучению рубежей эпох особый смысл.

Мы выделяем период 20-40-ых XX века в истории Монголии как переходный этап. За эти двадцать лет монгольское общество переживает массу болезненных пертурбаций: от тактического альянса первых революционеров с ламами и князьями к ликвидации последних как социальной прослойки, от острой борьбы «левых» и «правых» в МНРП к диктатуре Чойбалсана, от монархии к республике, от «некапиталистического развития» к социалистическому строительству. Это сложный и противоречивый отрезок истории, и чтобы не сбиться в анализе всех событий, мы постарались выявлять и разграничивать старые и новые элементы в монгольском обществе. Теоретической основой для избранного нами метода анализа стали работы известных структуралистов. Мы исходим из того, что революционные преобразования и переход к «некапиталистическому» пути развития в Монголии не носили характера радикально нового, а происходили от объединения традиционных и внешних, привносимых факторов в системе социума. Особый акцент мы хотели бы сделать на структурном целом

² Из беседы с академиком Ш. Бирой. Сентябрь 2001. Ш. Бира полагает, что Китай поддерживает реставрацию ламаистской обрядности в современной Монголии и ратует за восстановление управления буддийской сангхой в том виде, в котором она сформировалась к началу XX века, когда маньчжуры господствовали в стране, разделяя и сталкивая светских и духовных иерархов. Академик считает, что такая политика является реакционной и может увести Монголию в «тёмное прошлое» и зависимое положение.

³ Из интервью с членами МНРП и журналистами в Монголии.

монгольского общества, обеспечиваемым константными элементами системы (в первую очередь, кочевым хозяйством). Принятие, усвоение или отталкивание влияний, проникающих извне (например, русской революции 1917), зависит от проявления тех или иных стабилизирующих и дестабилизирующих факторов, латентно присутствующих в общественной структуре. Поскольку в изучаемый период равновесие системы монгольского общества было нарушено под влиянием дестабилизирующих и случайных элементов, в Монголии создавалась благоприятная среда для усвоения инноваций, переструктурировавших в результате всю систему. Мы стремились проанализировать, какие внешние факторы вызывали реакцию внутренних, приводя систему к переформированию. Для комплексного обозначения внутренних факторов монгольского общества (системы константных элементов) мы позволим себе использовать термин «*традиционное общество*». Однако с самого начала подчеркнём, что будем употреблять этот термин только в обозначенном выше смысле, не участвуя в широкой дискуссии «*традиционное общество – модернизация*».

Проблема структурного анализа общества заключается в возможной недооценке человеческого фактора в истории. Так, очевидно, что в Монголии к 60-ым удалось перекроить общество по образу и подобию СССР, создав послушную национальную номенклатуру. Однако подобные изменения социума невозможны без усилий отдельных ярких личностей той эпохи. В Монголии были и есть свои собственные положительные и отрицательные герои, которые способствовали активной трансформации монгольского общества на всём протяжении XX века. Не вдаваясь в дискуссию о роли личности в истории, заметим, что характеристики деятелей монгольской революции являются для нас немаловажным, но не главным фактором, так как, на наш взгляд, эти «герои» были порождены самим обществом, остро чувствовали его потенциал и настроения, были способны предугадать «*направление ветра*».

Итак, мы определили, что предпосылки социальных перемен будем искать в расстановке структурных элементов традиционного общества и постараемся представить как можно более полную картину разнонаправленных течений в монгольском обществе в переходный период, выделяя при этом суммарный вектор изменений.

Обозначенный методологический принцип мы применяем к оригинальному конкретному историческому материалу, который является основой исследования.

Монгольское общество в начале XX века. Историческая ретроспектива.

Центральная Азия, в особенности, её восточная часть (современная Монголия), играла неизменную роль в истории возникновения и заката фактически всех великих Империй Востока; её обширные пространства являлись территориями различных племенных и государственных образований, а времена перемен всегда отражались в социальной и культурной трансформации региона. Гигантские миграции и переселения народов брали своё начало в монгольских степях, именно там зарождались кочевые империи, стремившиеся к установлению контроля над известными торговыми путями, пролегавшими через Центральную Азию и соединявшими Запад и Восток.

Народы, с издревле населявшие пространства центра материка Евразия, всегда демонстрировали преемственность в социальном устройстве⁴. Например, некоторые черты общественной организации Хунну повторяются в новой и новейшей истории Центральной Азии⁵. В некоторых районах в наши дни сохраняются и клановые структуры, и родоплеменная принадлежность, что отчасти подтверждает известный тезис о «ренессансе незападных государственных моделей в XXI веке»⁶.

Неизменной чертой Центральной Азии остаётся её срединность⁷: особое «центристское» географическое положение с древнейших времён определяло

⁴ Преемственность социальных структур (в особенность родства) любят подчёркивать антропологи: Lindholm, Charles. Kinship Structure and Political Authority: The Middle East and Central Asia // Comparative Studies in Society and History. - Cambridge University Press, 1983. - vol. 28, P. 338-343.

⁵ Академик В.В. Бартольд отметил совпадение 24 должностей империи Хунну с 24 старейшинами в общинках мервских туркмен⁵. Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. - Ташкент, 1928, С. 4.

⁶ См.: Неклесса А.И. Постсоветский мир в новой системе координат // Восток, 1997. - №2.

⁷ См.: Gunder Frank, Andre. The Centrality of Central Asia // Bulletin of Concerned Asia Scholars. - vol. 2. - n. 2 (1992).

стратегическую важность региона. Климатические изменения в центре Евразии⁸ влекли за собой хозяйственные⁹, - и к XIII веку, ко времени расцвета Великой Монгольской Империи, Центральная Азия представляла собой пояс степей, полустепей и пустынь, перемежавшихся горными местностями, - зону **кочевого скотоводства** как превалирующего типа хозяйства. Производственные изменения в кочевой экономике детерминированы экологическими и биологическими факторами и исключительно в малой степени зависят от количества вложенной человеческой энергии. Поэтому для кочевого скотоводства характерно и слабое развитие техники, и недифференцированность экономической специализации¹⁰.

Этот тип хозяйства и стал **матрицей формирования социальной системы у кочевников**. Для кочевого общества характерно постоянное присутствие сильного дестабилизирующего фактора, выраженного, во-первых, в открытости системы, стремлении к освоению и покорению пространства¹¹, во-вторых, в относительной **рыхлости** (фактическом отсутствии) **административного деления**, основанного на родовом принципе. Стабилизирующим же фактором кочевого общества является вечная **тенденция к сильной ханской власти**. В определённый исторический момент, под действием внешних сил, эти разноконтролированные силы в обществе начинают двигаться в одном направлении, и тогда на арену истории выходит новая кочевая империя и её полулегендарные вожди. В такой империи господствует военная система администрации¹² и террор. Сильная единоличная власть и жёсткие методы контроля над подданными – одни из наиболее отличительных черт кочевых империй, в особенности Монгольской XIII века. Так, из текста и сюжетов «Сокровенного сказания монголов» явственно следует, что таланты,

⁸ О гипотезах об изменении климата в прошлом см.: Huntington. Civilization and Climate. - New Haven, 1915; Gunder Frank, Ander. The Centrality of Central Asia // Bulletin of Concerned Asia Scholars. - vol. 2, n. 2 (1992), P.52.

⁹ Стоит вспомнить о довольно развитых типах хозяйства, ирригационном земледелии, известных древним цивилизациям Центральной Азии.

¹⁰ См.: Крадин Н.Н. Империя Хунну. - Владивосток, 1996, С. 20-25.

¹¹ См.: Морозова И.Ю. Китай – Монголия – Россия в XIII веке. Взаимопроникновение общественных моделей // Ломоносов-96. - Москва, 1996. - выпуск 1, С. 89-90.

¹² О кочевых империях см.: Крадин Н.Н. Империя Хунну. - Владивосток, 1996, С. 23-25, 34-38.

смекалка, сила, благородство и прочие качества Чингисхана есть не что иное, как благоволение Вечного Синего Неба¹³, а почитание великого хана как «природного» хозяина – моральный кодекс кочевника, нарушение которого должно караться только смертью¹⁴. Каждый, кто служит хану, является звеном высокоорганизованной гвардии и участником облавной охоты. Ничего, что могло бы свидетельствовать о формировании государственных институтов и бюрократии, в тексте «Сокровенного сказания» мы не видим. Отношения в обществе регулируются **обычным правом**, соблюдаются **социально-возрастные нерархии**. Эти константы традиционного монгольского общества практически не изменились к XX веку.

Для жизнедеятельности кочевой империи не нужна бюрократия, более того, она как неотъемлемый атрибут государства просто не имеет шансов для развития. Её появление – знак заката кочевой империи. Несколько иначе эту мысль выразил Елой Чуцай: «Завоевать мир на коне можно, удержать – нет».

«В чём же секрет, что это государство держится?», – однажды задал вопрос один деятель Коминтерна в отношении Монголии 30-ых годов; и вопрос, и последовавший за ним ответ вполне можно отнести и к Империи Чингисхана, и к другим кочевым образованиям, вкратце он сводится к следующему: «потому что армия её организована по-нашему». Что означает «по-нашему» в данном контексте? Коминтерновцы имели в виду, прежде всего, политический контроль над армейскими частями, основанный не только на идеологии, но и на страхе: советская кадровая политика распространялась и на армию. Деспотия, пронизывавшая армию, а также другие институты власти, не была изобретением СССР, она имела своё «тёмное» прошлое в истории России и... Монголии. Поэтому, коминтерновцев можно было бы поправить: армия была организована не «по-нашему», а «по-вашему», по-монгольски или по-кочевому. Монгольский деспотизм посеял свои зёрна на русской почве ещё в XIII веке¹⁵, как утверждают некоторые историки, Русь Московская стала прямой наследницей

¹³ Козин С.А. Сокровенное сказание монголов. Хроника 1240 г. - М.-Л., 1941, § 224.

¹⁴ Там же, § 35, 59, 126, 187, 200.

¹⁵ См.: Seiden, Jacob. The Mongol impact on Russia from the 13th century to the present: Mongol contributions to the political institutions of Muscovy, Imperial Russia, and the Soviet state. - Georgetown University, 1971. - (volumes I-III), P. 1005.

Руси Ордынской¹⁶. Характерно, что и в XX веке Монгольская Народная Республика окончательно оформилась, преодолев политические кризисы и восстания, только при единоличном правлении Чойбалсана, после массовых репрессий, осуществляемых по его указаниям. Получается, что харизматический и жестокий правитель-деспот, сжимавший в своём кулаке судьбы народов, - повторяющийся через века сюжет монгольской истории.

Ни Советская Империя в XX веке, ни Монгольская в XIII не привели свои народы к экономическому процветанию, а даже, наоборот, к маргинализации целых слоёв общества¹⁷. После затухания действия стабилизирующего фактора – сильной единоличной власти – элементы системы приходили в состояние флюктуации, и возникал социальный хаос.

Для преодоления этой нестабильности, в поиске новых стабилизирующих факторов, монгольские ханы обратили свой взор к «тибетской модели», а именно, - к договорным отношениям между духовным наставником и светским правителем¹⁸. Собственно говоря, этот **альянс между политической властью и буддийской сангхой** не был непосредственно тибетским изобретением, подобные партнёрские отношения – древняя традиция, корни которой уходят в Индию. Для Хубилай-хана в XIII веке, как и для Алтан-хана в XVI «договоры» с буддийскими иерархами Тибета являлись попытками укрепления верховной централизованной власти. Буддизм казался возможным источником лидерства, способным нивелировать дестабилизирующие элементы монгольского общества и способствовать созданию единой системы управления. Однако «тибетская модель» представляла собой ещё и борьбу кланов и школ, т.е. содержала ряд дестабилизирующих факторов, идущих в разрез с принципом сильной централизованной ханской власти. По иронии истории, буддизм, призванный стать фактором интеграции монгольского общества, с XVII века становится

¹⁶ Фурсов А.И., Пивоваров Ю.С. Русская система // Политическая наука. Теория и модернизация (проблемно-тематический сборник). - Москва: ИНИОН, 1997, С. 186-189.

¹⁷ Табак Ф. Ars Longa, Vita Previs? Pax Mongolica в геоисторической перспективе // Афро-азиатский мир: региональные исторические системы и капитализм. - Москва: ИНИОН РАН, 1999, С. 33-34.

¹⁸ Рерих Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIVвв. // Филология и история монгольских народов. - Москва, 1958, С. 338.

основным рычагом династии Цин по разобщению политических сил Монголии: маньчжуры сумели направить интересы различных социальных групп друг против друга, провоцируя постоянные распри между высшим ламством и князьями в борьбе за власть.

Вместе с политической функцией буддизма монголы усвоили и **корпоративную систему** администрирования и хозяйствования. Она заключалась в симбиозе местечковых светских и религиозных властей на основе экономических отношений: налогообложения и эксплуатации населения. Эти «корпорации», создав локальные бюрократические институты, «сами увековечили себя, выбирая и назначая своих религиозных иерархов и административный аппарат, а также, прикрепляя к земле население, чей труд не только содержал их, но и обеспечивал излишки для торговли...»¹⁹ Как верно замечал П.К. Козлов, политico-социальную роль селений и городов в Монголии заменяли монастыри, «являвшиеся не только сосредоточием богослужений, но часто и общественных, и торговых центров, и центров управления»²⁰. Сильное корпоративное управление монастырей на местах цементировало натуральный уклад быта кочевников, одновременно держа их в благоговейном трепете перед ламами. Религия проникала во все сферы жизни людей; семьи обращались к ламам и во время болезни, и в случае смерти, и при рождении и при любом другом важном событии или необходимости принятия решения²¹. Эти константные элементы общественной системы у монголов (как жаловались коминтерновцы, «застывшая в анабиозе периферия») сдерживали центробежные силы системы, не способствовали созданию эффективного высшего бюрократического ламаистского аппарата. Минимальным был контакт и между монастырями²². Дезинтеграция, оторванность основной массы кочевников от политической жизни центра и помогла советским и монгольским революционерам взять Ургу в 1921. Работа же на местах долгое время не сдвигалась с мёртвой точки, поэтому революционные власти и пошли на

¹⁹ Lattimore O., Fujiko Isono. The Diluv Khutagt. - Wiesbaden, 1982, P. 8.

²⁰ Козлов П.К. Монголия и Амдо и мёртвый город Хара-Хото (1907-1909). - Москва-Петроград, С. 63.

²¹ Rupen R. Mongols of the XXth century. - Bloomington, 1964, P. 82; Larson F.A. The Lamas of Mongolia // Atlantic Monthly. – 1930. - vol. 145, P. 368.

²² Moses L.W. The Political Role of Mongol Buddhism. - Indiana University: Uralic Altaic Series. - Bloomington, 1977. - vol. 133, P. 132-134.

беспрецедентный шаг в начале 30-ых, начав кампанию по экспроприации монастырской собственности, а в середине 30-ых репрессии обрушились и на простое население аймаков и сомонов. Однако даже после таких жесточайших мер, призванных взломать и выкорчевать все элементы корпоративной системы ламаизма, монгольские араты сохранили традиционное почтение к старшим и доверие к ламам.

Стремление к жёсткому единоличному правлению и интеграционная функция буддизма в Монголии насилино подавлялись политикой маньчжурского двора. Здесь необходимо отметить ещё один важный интеграционный фактор для кочевников Центрально-азиатских степей, формировавшийся вследствие давления сильных соседей Китая и России, который мы назовём **стремлением к национальной независимости**, ведению равноправного диалога с сопредельными империями и государствами. Кочевники, чьё мироощущение и самосознание базируется на образе эпических героев-богатырей²³ и преданиях, легендах о великих ханах, не хотели мириться с их незначительным статусом в международных отношениях (каким он стал к XVI веку). Зажатые между Российской Империей и Цин они не оставляли идеи о восстании. Эта бунтарская струя, хотя и всячески подавляемая маньчжурами, продолжала течь в крови детей степи.

Таким образом, мы выделяем четыре основных константных «традиционных» элемента монгольского общества в том виде, в котором оно подошло к началу XX века: кочевое скотоводство, корпоративную систему на местах, тенденцию к объединению под руководством сильного лидера, «отца народа», и стремление кочевников к политическому и культурному обособлению от сильных соседей-земледельцев. Эти факторы во многом противоречили друг другу, в чём-то их направления совпадали, но очевидно одно: именно эти «старые» элементы системы стали компонентами грядущей действительности XX века.

²³ См.: Морозова И.Ю. Эпическое творчество кочевых народов // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Языки, фольклор, литература. - Улан-Удэ, 2000. - Том III, С. 244-249.

Монгольское общество и монгольский национализм в Эпоху Пробуждения Азии.

Начало XX века на Востоке – Эпоха Пробуждения Азии – возникновение различных концепций национального развития, появление паназиатизма и реформизма как существенного фактора в международных отношениях. Постепенное и неравномерное распространение западного капитала на Востоке, приведшее к жёсткой «расстановке сил» и острой поляризации в распределении прибыли, порождало вынужденное, а иногда и насильтвенное знакомство Азии с иным интеллектуально-духовным миром – Западом. Интегрируемые в международную капиталистическую систему восточные общества продемонстрировали целый спектр разноплановых реакций на западные модели развития, политические традиции и культуру – от принятия «чужих» приоритетов до полного их отрицания. В различных регионах Азии из интеллектуальной среды по-западному образованных людей выделялись особенно активные, испытывавшие кризис идентичности деятели – создатели националистских концепций и идей развития стран Востока.

Азиатскому национализму были необходимы яркие и вместе с тем доступные идеи, входящие также и в область мифологического, мистического сознания. Это часто выражалось в апелляции к «славному прошлому», «золотому веку» и, конечно же, к религиям, глубоко пустившим корни в общественном сознании народов Востока.

«Пробуждение» народов Азии приводило их к неравнозначным результатам в процессе трансформации традиционных институтов власти. Так, находившаяся «на отшибе» мировой системы Монголия испытывала лишь опосредованное влияние западных идеологий. Только ослабление внимания сильных соседей – России и Китая (вследствие внутренних конфликтов) привело монголов Халхи в 1911 к реструктурализации традиционных институтов и созданию своеобразной формы теократии. Витавшая в воздухе идея объединения всех монгольских народностей под знаменем этого независимого образования была неосуществима также из-за отсутствия национального единства. Как отмечает О. Латтимор, у каждой монгольской

народности исторически сложился свой национализм.²⁴ Халхасцы считали себя «основным ядром монгольских народов, живущими на исконно древних монгольских землях»²⁵ и ответственными за « поиск общего, национального решения проблемы своего будущего».²⁶ Поэтому именно они и предприняли упомянутую выше попытку реформации в 1911. Западные монголы были разобщены и склонны к восстаниям против Халхи (впоследствии они в последнюю очередь интегрировались в МНР). Их историческое прошлое указывало на то, что «только они из всех монголов действительно противостояли маньчжурам».²⁷

Так как тенденция монгольского общества к сильному национальному правителю-герою, богатырю-хану насилино подавлялась маньчжурами, только религиозный институт, несмотря на его уже упомянутую структурную слабость, был достаточно развит, чтобы сыграть основную интеграционную роль в начале XX века. В 1911 Внешняя Монголия объединилась под знаменем харизматического буддийского лидера – Восьмого Джебзун-Дамба-Хутухты. Проводимые им ежегодно буддийские фестивали выступали как символ единения монгольского народа под знаменем жёлтой веры. Религиозный оттенок зарождавшемуся монгольскому национализму придавали антикитайские настроения, более того, монголы считали, что именно Урга и Боддо-Гэгэн, а не Лхаса и Далай-Лама должны стать политическим центром монголо-буддийского мира. Тем не менее, в идее теократической монархии с Боддо-Гэгэном во главе мы видим нечто большее, чем традиционное стремление отстоять независимость у Китая. Национальная революция 1911 – это, прежде всего, попытка реформировать традиционные религиозные институты. Тем не менее, она была не совсем удачной (поэтому и стала возможной только в момент ослабления Китая), так как новых компонентов в социальной системе не появилось, произошла простая перетасовка старых: Боддо-Гэгэн сразу принял «завинчивать гайки» политически и экономически; группировка оппозиционных князей не замедлила обратиться к китайцам за помощью; а «новый» политический строй представлял собой странную смесь

²⁴ Lattimore O. Nationalism and revolution in Mongolia. - New York, 1955, P. 5-9.

²⁵ Там же, Р. 8

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, Р. 9

восточных и западных моделей, при этом так до конца и не оформился механизм взаимодействия высшего бюрократического аппарата и местных властей; и, наконец, из-за отсутствия национального единства не все монгольские народы были готовы так быстро сплотиться.

Объективно «авторами» монгольской национальной идеи явились буряты. Именно среди этой монгольской народности в начале XX века оказался необходимый элемент – по-западному образованная интеллигентская элита.

Оказавшиеся в 1689 году полностью в составе Российской Империи, буряты подверглись сильному политическому и культурному влиянию – русификации и охристианиванию. Впрочем, в последнем направлении своей политики русское правительство старалось действовать компромиссно – придать буддизму специфические бурятские черты, «чтобы уменьшить традиционное стремление к Тибету и Внешней Монголии». ²⁸ Именно русские придумали институт «Пандито-Хамбо ламы» – главы всех бурятских лам. Реформы Сперанского 1822 года обеспечили такую расстановку вертикальных и горизонтальных властей, что русские наместники и бюрократы не входили в большое противоречие с традиционными родовыми институтами. Отмена реформ Сперанского (1901), усиленная русификация, прикрепление кочевников к земле²⁹ вызывало естественное сопротивление бурятского народа. Национализм зарождался как реакция на Запад в лице России, а буддизм приобретал черты идеологии в противовес православию как одному из «рычагов» политического угнетения бурят.

Буряты не создали концепцию панбурятизма, так как подобная формулировка «прикрепляла» бы их к России, а инициировали панмонголизм, понимая, что независимости в одиночку никогда не достигнут.

Два наиболее видных представителя бурятской интелигенции – Ц. Жамцрано и Богданов – выражали диаметрально противоположные точки зрения о перспективах развития своего народа. Выходец из Иркутска, много путешествовавший по Европе, Богданов – «бурятский западник»³⁰ – считал, что

²⁸ Rupen R. The Mongols of the Twentieth Century. Bloomington: Indiana University Publications: Uralic and Altaic Series, 1964. - vol. 37, Part I, P.37.

²⁹ Национальное дело // Сибирские вопросы. - 1912. - №18, С. 26-29.

³⁰ Ширяпов Ю.С. Роль буддийского фактора в мировоззрении бурятской народнической интелигенции // Из истории философской и общественно-

«капиталистическое развитие разрушит все национальные различия»³¹, и буряты со всей своей архаикой и ламаизмом обречены на растворение в рыночной экономике. В ответ на выпады Богданова забайкальский бурят Жамцрано сформулировал основные тезисы панмонголизма, продемонстрировавшие поразительную живучесть на всём протяжении XX века:

- 1) антикапитализм;
- 2) обвинение Запада в политическом, идеологическом и нравственном диктате;
- 3) признание «свободного творчества» всех национальностей;
- 4) особая роль народных масс и необходимость их агитации;
- 5) Буддизм как «убежище национального духа» (православие – символ обрушения и насилия).³²

Пожалуй, что все пункты панмонгольской программы Жамцрано, за исключением пятого, могли быть достаточно легко и *положительно* восприняты пришедшими вскоре в Бурятию коммунистами и трансформированы в своеобразную «красную» форму национализма. Это явление и имело место в Бурятии в 20-ых годах.

Другим полюсом развития идеи панбуддизма была Внутренняя Монголия. Подвергшиеся беспощадной колонизации при маньчжурах, племена южных и восточных монголов, не имевшие ясной концепции развития после 1911 года³³, но стремившиеся к независимости от Китая, так же как и буряты искали возможность объединения с Халхой. Их лидеры старались противопоставить индо-тибето-монгольскую религиозную традицию китайской. Именно на этом в 30-ых годах старались сыграть японцы, «спонсировавшие» идеи панмонголизма и панбуддизма³⁴. Однако мечте о едином буддийском

политической мысли стран Центральной и Восточной Азии. - Улан-Удэ, 1995, С. 72-73.

³¹ Жамцрано Ц. Бурятское народническое движение и его критик // Сибирские вопросы. – 1907. - № 25, С. 16.

³² Там же, С. 16-20.

³³ Lattimore O. Nationalism and Revolution in Mongolia. - New York, 1955, P. 8.

³⁴ См.: Morozova I.Y. Japan and its Influence towards Panmongolism and Panbuddhism // International Journal of Central Asian Studies. - Seoul: Institute of Asian Culture and Development, 1999. - Volume 4.

государстве, объединяющем все кочевые племена Центральной Азии, никогда не было суждено сбыться.

Итак, к моменту проникновения свежих коммунистических идей из России монгольское общество уже находилось в состоянии, близком к хаосу: были приведены в движение все разновекторные факторы системы: стремление к единству и административно-политическая разобщённость, интегрирующие идеи буддизма и сопротивление корпоративной местечковой власти, западные идеи развития общества и усиливающееся недовольство китайской колонизацией. Появление нового сильного фактора к началу 20-ых годов – политики Советского Союза и Коминтерна – знаменовало начало преобразования структуры монгольского общества.

Цель и задачи диссертации.

Руководствуясь вышеобозначенной методологией и основываясь на оригинальных документах по истории Монголии 20-40-ых годов XX века³⁵, мы ставим в своём исследовании цель: проследить ход социальной трансформации Внешней Монголии с начального этапа революции (1921) до конца первой пятилетки МНР (1952) и выявить сочетание традиционных и новых элементов монгольского общества.

Цель диссертации заставляет нас сформулировать и ряд конкретизирующих задач:

- 1) представить и обосновать периодизацию социальной истории Монголии 20-40-ых годов;
- 2) описать характерные и отличительные черты каждого периода;
- 3) определить изменения в социальном составе монгольского общества для каждого периода, отмечая постепенное исчезновение определённых старых и появление новых прослоек;
- 4) для каждой социальной прослойки констатировать количественные и качественные изменения;

³⁵ См. описание источников в Главе I.

- 5) Проследить изменения в социальном составе и кадровой политике МНРП для каждого периода;
- 6) обозначить взаимозависимость курса социальных преобразований:
 - а) от политики Коминтерна и других советских ведомств в Монголии;
 - б) от внутриполитической борьбы в правительстве и МНРП;
- 7) выявить взаимосвязь изменений в монгольском обществе и перемен:
 - а) в международных отношениях и внешней политике СССР,
 - б) в советском руководстве и курсе ВКП(б).

Глава I. Источниковедческий и историографический очерк

Основные проблемы изучения истории Монголии XX века

1) Источники

2) Литература

A) Изучение новейшей истории Монголии до 90-ых годов XX века:

- i) Историки СССР и МНР;
- ii) Монголоведение на Западе.

B) Изучение новейшей истории Монголии после 90-ых годов XX века:

- i) Работы российских авторов;
- ii) Работы зарубежных авторов.

Источники

До недавнего времени исследователи новейшей истории Монголии сталкивались с проблемой отсутствия необходимых материалов, недоступности оригинальных документов, находившихся в архивах СССР и МНР под грифом секретности. Открытие фондов по Монголии в этих архивах происходило с начала 90-ых, предоставляя специалистам уникальную возможность пролить истиинный свет на события монгольской истории XX века.

Наша диссертация основана на архивных источниках и является следствием более чем пятилетней работы с документами Коминтерна и ЦК ВКП(б), содержащимися в **Российском Государственном Архиве Социально-Политической Истории (РГАСПИ)**³⁶. Мы аккумулировали и систематизировали материалы по истории Монголии 20-40-ых годов из двух фондов: «495. Восточный секретариат Коминтерна»; «17. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)». Мы также ознакомились с фондами: «372. Дальбюро ЦК РКП(б); «532. Коммунистический Университет Трудящихся Востока»; «493. Сиббюро ЦК РКП(б)».

³⁶ Результатом этой работы явилась также монография: Morozova I.Y. The Comintern and Revolution in Mongolia. - Cambridge: White Horse Press, 2002.

Из фонда 495 особенно хотелось бы отметить описи 154 и 152. Дела описи 154 содержат протоколы заседаний Коллегии Монголо-Тибетского отдела Секции Восточных Народов Сиббюро при ЦК РКП(б), Политсекретариата, Президиума (также опись 2) и монгольской комиссии ИККИ (опись 3), информационные телеграммы, переписку коминтерновцев с монгольскими революционерами (опись 3), стенограммы съездов МНРП и конгрессов Коминтерна, анкеты, дела и доклады их участников, резолюции Дальневосточного Секретариата ИККИ по монгольскому вопросу, доклады агентов Коминтерна по Внутренней Монголии, различные подборки и переводы. Дела описи 152 содержат протоколы внутренних совещаний Исполкома Коминтерна (ИККИ) по ситуации в Монголии, протоколы совещаний ИККИ с монгольскими делегациями, соглашения и проекты соглашений между ними по вопросам организации революционной борьбы, отчёты, записки, письма, телеграммы делегаций Коминтерна и отдельных его деятелей, работавших в Монголии, резолюции (опись 2), постановления и инструкции (опись 3) Восточного отдела ИККИ по монгольскому вопросу. Документы этих описей были введены нами в научный оборот для освещения событий 20-30-ых годов. По 40-ым мы в основном использовали дела описи 128 фонда 17 (протоколы пленумов ЦК МНРП и съездов МНРП).

Мы предпочитали самостоятельно работать в РГАСПИ, хотя небольшая часть документов Коминтерна по Монголии и была опубликована в сборнике «Коминтерн и Монголия»³⁷, изданном в рамках совместного проекта РГАСПИ и Государственного Центрального Исторического Архива (Улсын Түүхийн Төв Архив) Монголии. Стоит отметить конференцию, посвящённую документам Коминтерна по Монголии, и вышедший вслед информационный бюллетень³⁸.

В нашем исследовании мы также использовали материалы Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ). Документы фонда 200 «Министерство иностранных дел г. Омска», в частности, представляют интересную информацию по монгольскому и бурятскому национализму рубежа 20-ых годов.

³⁷ Коминтерн ба Монгол. Баримтын эмхэтгэл. - Улаанбаатар, 1996.

³⁸ Научно-информационные бюллетень Российского Центра Хранения и Изучения Документов Новейшей Истории. – 1996. – Выпуск № 8.

По этому же периоду мы ознакомились с документами **Российского Государственного Военного Архива** (РГВА) фонда 16 описи 3. В деле 222 приводятся протоколы допросов и опросные листы белогвардейцев, захваченных на территории Монголии, а также письмо правительства Бодо-Гэгэна из ставки Эрдэни.

Ряд интересных сведений о бурят-монгольских отношениях мы почерпнули в **Национальном Архиве Республики Бурятия**. В документах фонда Р-477 содержатся материалы Революционного комитета Бурят-Монгольской Автономной Области РСФСР, фонда Р-248 – Совета Народных Комиссаров Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики (БМАССР), фонда 475 – Президиума Верховного Совета и ЦИКа Бурятской АССР.

Также полезными представляются документы аймачных управлений Монголии за 1921-1931 года, почерпнутые нами в уже упоминавшемся **Государственном Центральном Историческом Архиве (Улсын Түүхийн Төв Архив) Монголии** (фонды 72, 132, 168, 169, 170 и др.). В этом же архиве можно найти подборку документов по персоналиям монгольской революции, например, А. Амару (фонд 35, опись 1), маршалу Х. Чойбалсану (фонд 25, опись 1), Д. Сухэ-Батору (фонд 2, опись 1).

Для анализа социального и психологического эффекта военных действий на Халхин-Голе мы использовали документы, опубликованные в Улан-Баторе группой монгольских и российских исследователей в сборнике «Война на Халхин-Голе: шестьдесят лет спустя. Сборник документов.» под редакцией В.А. Золотарёва³⁹. Четвёртый раздел сборника «Обстановка с партийной и государственной работой, моралью и нравственностью» как раз содержит материалы по интересующей нас проблеме – партийной пропаганде и настроению среди командиров и простых цириков, обеспечившим их лояльность в отношении Народного правительства и успешные совместные действия с частями Советской Красной армии.

³⁹ Халхын голын дайн: нэгэн жарны тэртээд. Баримт бичгийн эмхэтгэл. Редакторлаж, оршил бичсэн академич, хошууч генерал В.А. Золотарёв. - Улаанбаатар, 1999.

В работе мы использовали и сборники документов по мероприятиям Народного правительства и МНР⁴⁰, изданные в СССР и МНР⁴¹. Анализируя социальный состав населения МНР после Второй мировой войны, мы также обратились к статистическому сборнику «Народное хозяйство Монгольской Народной Республики»⁴². В ходе написания диссертации мы также знакомились с избранными статьями и речами лидеров МНР Х. Чойбалсана⁴³ и Ю. Цэдэнбала⁴⁴.

Важным источником по политической и социальной истории Монголии первых четырёх лет революции (1921-1925) для нас явились труды и записки бурятского коммуниста и коминтерновского деятеля, принявшего самое активное участие в деятельности МНР и Народного правительства, Э-Д. Ринчино, опубликованные в сборнике «Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. Избранные труды»⁴⁵. Так, в Главе II в анализе отношений революционной власти в Урге с владетельными князьями и высшими буддийскими иерархами (хутухтами) четырёх аймаков (Тушету-ханского, Цэцэн-ханского, Сайн-нойон-ханского и Дзасакту-ханского) и Шабинского ведомства в начале 20-ых мы опирались на факты, приводимые Ринчино в его блокноте «О личностях отдельных руководителей аймаков». Вместе с тем, в работе с материалами Ринчино мы старались проводить строгую разграничительную линию между непосредственно фактами, излагаемыми им, и личной оценкой автора монгольской истории, обусловленной его участием в политической жизни Монголии. Сами по себе взгляды Ринчино являются своеобразным источником по панмонголизму. В этой связи хотелось бы упомянуть недавноизданную докторскую диссертацию Л.Б. Жабаевой «Элбек-Доржи Ринчино и

⁴⁰ Революционные мероприятия Народного правительства Монголии в 1921-1924 годах, документы. - Москва, 1960; МАХН ардын хувьсгалын ялалтын толоо тэмцэлд. Баримт бичгууд, 1921 оны турваас долдугаар сар. - Улаанбаатар, 1971; МАХН-ын түүхэнд холбогдох баримт бичгууд. 1920-1940 он. Нэгдүгээр дэвтэр. - Улаанбаатар, 1966; 1921 оны ардын хувьсгалын түүхэнд холбогдох баримт бичгууд. 1917-1921. - Улаанбаатар, 1957.

⁴¹ Народное хозяйство Монгольской Народной Республики. - Улаанбаатар, 1960.

⁴² Чойбалсан Х. Избранные статьи и речи. - Москва, 1961.

⁴³ Цэдэнбал Ю. Избранные статьи и речи (1962-1973). - Москва, 1974.

⁴⁴ Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. Избранные труды. - Улан-Удэ, 1998.

национально-демократическое движение монгольских народов»⁴⁵, в которой представлено комплексное исследование различных аспектов деятельности Э.-Д. Ринчино.

В качестве дополнения к этому исследованию, преимущественно основанному на архивных источниках, мы использовали информацию из наших интервью с очевидцами событий 1920-1940-ых годов, большинство из которых пожелали остаться неназванными.

Литература

В изучении истории Монголии XX века (истории Монгольской Народной Республики) до недавнего времени наблюдалось два колоссальных изъяна. Независимое исследование, во-первых, попадало в прокрустово ложе догматизированных подходов, порожденных обстановкой холодной войны, идеологическим противостоянием двух систем, во-вторых, страдало отсутствиемальной истинной историко-исторической базы. Наложение этих двух существенных недостатков одно на другое зачастую приводило не только к неверному пониманию общесторической канвы развития Монголии в XX веке, но и к фальсификации фактов. Тем не менее, и до 90-ых гг. в истории изучения Монголии XX века были красные страницы и яркие имена.

Зарождение исторической науки в МНР происходило параллельно и в тесной связке с формированием официального (одобренного государством и партией) взгляда советских учёных на всемирно-исторический процесс⁴⁶. Этот взгляд основывался в первую очередь на марксистской теории развития общественно-экономических формаций как доминирующих типов производства и производственных отношений: от первобытной общины к рабовладению, от рабства к феодализму, от феодализма к капитализму и далее к коммунизму. Однако советские историки не были свободными леволибералами, как их коллеги-марксисты на Западе, они были вынуждены понимать Маркса через призму трудов и комментариев Ленина, Сталина, а также согласно курсу ЦК

⁴⁵ Жабаева Л.Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. - Улан-Удэ, 2001.

⁴⁶ О проблеме формирования научного знания в МНР см. Главу VIII, С. 188-189.

КПСС. Это наносило ущерб нормальному развитию исторической науки в СССР и востоковедению, в частности.

В советском монголоведении были две основные тенденции. Одна – продолжение традиций российского монголоведения, представленного трудами Бичурина Н.Я., Васильева В.П., Голстунского К.Ф., Грумм-Гржимайло Г.Е., Жамсаарано Ц.Ж., Козлова П.К., Котвича В.Л., Позднеева А.М., Потанина Г.Н., Пржевальского Н.М., Радлова В.В. Их последователи советской эпохи занимались в основном филологией и языкоznанием, археологией и источниковедением и внесли тем самым существенный вклад в развитие мировой монголистики⁴⁷. Приверженцы другой тенденции, выбиравшие предметом своих исследований историю (в особенности новую и новейшую), экономику или социологию Монголии⁴⁸, потенциально находились в менее выгодном положении, так как истматовская пятичленка изначально диктовали им предвзятый подход и часто некорректные выводы⁴⁹. Тем не менее, их труды, безусловно, достойны самого подробного изучения. В нашей работе мы выборочно используем исследования историков СССР и МНР.

Изучение новейшей истории Монголии российскими и зарубежными исследователями за последнее десятилетие (после крушения СССР и мировой социалистической системы в начале 1990-ых и начала трансформации постсоветского пространства) и сейчас происходит на качественно ином уровне. Положительно сказалось и освобождение от идеологического пресса, и открытие ранее недоступных документов. В связи с этим, мы разделили наш краткий библиографический очерк на две основные части: изучение новейшей истории Монголии до 90-ых и после.

⁴⁷ Монголистика (Mongolistik) как совокупность определённых гуманитарно-филологических дисциплин (изучение монгольских языков и источников по истории и культуре Монголии на различных восточных и западных языках) с нашей точки зрения сложилась в конце XIX- начале XX веков в двух странах – России и Германии.

⁴⁸ Такая градация дисциплин, в целом, была характерна для западного монголоведения.

⁴⁹ Алаев Л.Б. Обмен мнениями. По последним данным разведки мы воевали сами с собой. (К вопросу об основном противоречии нашей эпохи.) // Восток. – 2002. - № 4, С. 51-63.

Изучение новейшей истории Монголии до 90-ых годов XX века.

Монголоведение СССР и МНР.

Самым ценным в исследованиях советских и монгольских историков (до 90-ых) по периоду 20-40-ых годов мы считаем систематизированный фактологический материал. Поэтому в нашей работе мы использовали некоторые статистические данные, приводимые историками СССР и МНР. Так, в совместном фундаментальном труде «История Монгольской Народной Республики», вышедшем под редакцией акад. А.П. Окладникова, акад. Ш. Бира, акад. Ш. Нацагдорж, д.и.н. С.Д. Дылыков, д.э.н. И.С. Казакевич и членкора АН МНР Х. Перлэ⁵⁰, содержится ряд конкретных данных по состоянию экономики Монголии по изучаемому нами периоду, приводятся указы и постановления Народного правительства по реформированию административно-территориальной, судебной и пр. систем. Анализируя состояние монгольского общества в начале 20-ых, мы в частности опирались на исследования советского историка И.М. Майского «Монголия накануне революции»⁵¹. С событийной точки зрения ценной книгой по истории начального этапа революции (1921) является исследование известного монгольского историка Б. Ширендыба «История Монгольской Народной революции»⁵². В книге Б. Цибикова «Разгром унгерновщины» содержатся важные сведения о действиях частей Советской Красной армии на территории Внешней Монголии в начале 20-ых, их взаимоотношениях с местным населением. Интересны работы А.Д. Каллиникова «Революционная Монголия» и «Народно-революционное движение монголов». В освещении истории создания и развития Союза Революционной Молодёжи в Монголии мы использовали книгу Г.С. Матвеевой «Монгольский революционный союз молодёжи: история и современность». Анализируя политику революционной власти в отношении буддийских монастырей и лам, мы изучали труды С. Пурэвжава и Д. Дашибамца («Решение

⁵⁰ История Монгольской Народной Республики. Издание третье. - Москва: «Наука», 1983.

⁵¹ Майский И.М. Монголия накануне революции. – Москва, 1960.

⁵² Ширендыб Б. Монгол ардын хувьсгалын түүх. - Улаанбаатар., 1969.

вопроса о монастырях и ламах в МНР»⁵³, «Краткая история жёлтой веры в Монголии»⁵⁴), богатые фактологическим материалом по истории ликвидации буддийской сангхи в МНР. По вопросам постановки здравоохранения в МНР, своеобразной идеологической борьбы врачевателей-лам и докторов из СССР, мы взяли работу А. С. Немого «Советские медики в Монгольской Народной республике». Особое внимание мы уделили работам советских авторов - очевидцев событий 20-30-ых годов, также использованных нами в качестве дополнительных источников. Так, в двухтомнике «Избранные труды» Г.Ц. Цыбикова опубликованы дневники автора его поездок в Монголию в 20-е годы, в которых содержатся интересные описания столицы (Урги) и её жителей. Особенно цennыми для нас явились работы С. Нацова, работавшего в Монголии под руководством Коминтерна в 20-ых и начале 30-ых. В своих статьях он приводит развёрнутую статистику по имущественному положению лам в МНР («Национальная революция монголов» в журнале Коммунистический интернационал), торговле и обороту иностранных компаний, а также монгольской национальной кооперации в первой половине 20-ых (доклады Нацова в сборнике «Революционная молодёжь Монголии»). Интересны воспоминания и письма И.В. Бурдукова «В старой и новой Монголии».

Хотелось бы упомянуть не только фактологическим аспект, но и теоретические выкладки, содержащиеся в трудах советских историков по теме нашего исследования. Вышеупоминавшаяся Г.С. Матвеева представила периодизацию новейшей истории Монголии в своей книге «Создание материально-технической базы социализма в МНР». Период 1921-1940 годов автор определяет как «общедемократический этап народной революции», на протяжении которого велась «целенаправленная подготовка перехода страны к задачам непосредственного строительства социализма». Налицо искусственное наложение истматовской пятичленки на монгольские реалии первой половины XX века: Матвеева пишет, что за 20-30-ые годы в Монголии «раскрепощённые аратьы-скотоводы превратились в свободных товаропроизводителей»,

⁵³ Пүрэвжав С., Дацжами Д. БНМАУ-д сум хийд лам нарын асуудлыг шийдвэрлэсэн нь. Улаанбаатар, 1965.

⁵⁴ Пүрэвжав С. Монгол дахь шарын шашны хураангуй түүх. – Улаанбаатар, 1978.

«ликвидировали класс феодалов»⁵⁵ и оформили свой союз с рабочими. Совершенно очевидно, что последних в указанный период не было, да и прослойку монгольских князей сложно характеризовать как класс феодалов («кочевой феодализм» Б.Я. Владимирцева – в корне противоречивое определение), более того, факты, которыми оперирует сама же автор, не свидетельствуют о качественном улучшении жизни простых аратов-скотоводов. Период начала 40-ых – конца 50-ых исследовательница называет «этапом непосредственного строительства социализма». На самом деле, во время и после Второй мировой войны экономика МНР была слишком слаба, и о реальном появлении «материально-технической базы социализма» можно говорить только для 50-ых. Некоторые работы социалистического периода имеют идеологизированно красноречивые названия. Например, В.В. Грайворонский издал книгу «От кочевого образа жизни к осёдлости (на опыте МНР)», в которой попытался доказать, что в 1921-1960 в Монголии происходил «объективный и закономерный в период некапиталистического развития процесс оседания кочевников»⁵⁶. В работах этих и других авторов социалистической эпохи (Златкин И.Я., Гатауллина Л.М., Доржготов Д., Кузьмин Ю.В., Старицина П.П., Титков В.И., Цаплин Ф.С., Лигден Б., Лувсандорж П., Очир Е., Тудэв Б., Цыбикова Б.Б., Железняков А.С., Дашибаатар Д., Цэдэн Б., Санждорж М., Норовсамбуу С., Намсрай Ц., Минис А., Лхамсурэн Г. и др.) мы найдём массу подобных изъянов. К сожалению, политический режим, воспитание и идеология заставляли их искать пролетариат как движущую силу монгольской революции, замысловатым образом нанизывать определения демократии, капитализма и не капитализма одно на другое и продвигать идею о бескорыстной дружбе советского и монгольского народов.

Критично стоит относится не только к обобщающим выводам вышенереченных историков, но и к фактическим данным, приводимым ими, вернее, манипуляций статистикой. Так, группа советских и монгольских учёных (Г.Ф. Ким, Ю.Ф. Воробьёв, И.С. Казакевич, М.П. Макареев, С.К. Рошин, Т.А. Якимова, П. Лувсандорж, Т. Намжим, Б. Долгормаа, Н. Мишигдорж, В.

⁵⁵ Матвеева Г.С. Создание материально-технической базы социализма в МНР. - Москва: Наука, 1978, С. 29-30.

⁵⁶ Грайворонский В.В. От кочевого образа жизни к осёдлости (на опыте МНР). - Москва: Наука, 1979, С. 64-81.

Нацагдорж, М. Хасбаатар) в коллективной работе «История социалистической экономики МНР» пишет о фондах народного хозяйства МНР в 1925-1940, отмечая их прирост, включая численность поголовья скота⁵⁷. Сокращение доходов от сельского хозяйства авторы объясняют увеличением таковых от промышленности, транспорта, связи, торговли и т.д. При этом у читателя может создаться впечатление, что в течение этих 15 лет (1925-1940) экономика страны поступательно эволюционировала, а провала времён джасской кампании (1930-1932) как будто и не было. Подобная неувязка происходит и с иллюстрацией роста числа рабочих в начале 40-ых: учёные отмечают увеличение общей численности рабочих и служащих⁵⁸ без указания их пропорций. Однако не будем отрицать достоинств работы, систематично излагающей историю развития народного хозяйства МНР, а ещё раз подчеркнём необходимость выборочного и критического использования советской и монгольской литературы социалистических времён.

Монголоведение на Западе.

Изучение новейшей истории Монголии на Западе (до конца холодной войны) представлено в первую очередь работами таких крупных учёных как О. Латтимор, Ч. Боудэн, Дж. Фритец, Р. Рупен, Дж. Мэрфи, А. Сандерс. Подробному анализу трудов этих и многих других авторов посвятил свои книги «Проблемы новейшей истории МНР в буржуазной историографии США» и «Изучение истории Монголии на Западе. XIII – середина XX в.» М.И. Гольман, в которых он представил аргументированную периодизацию развития монголоведения на Западе. Мы не будем подробно описывать все концепции и теории развития Монголии в XX веке, предложенные западными авторами. Отметим, что О. Латтимор явился одним из основателей монголоведческой школы в США, Ч. Боудэн представлял леворадикальное направление в монголоведении в Европе, а подходы к освещению ряда актуальных вопросов монгольской истории Дж. Фритецса, Дж. Мэрфи, А. Сандерса и Р. Рупена во многом основаны на характерном восприятии СССР Западом как

⁵⁷ История социалистической экономики МНР. - Москва: Наука, 1987, С. 22-23.

⁵⁸ Там же, С. 116.

идеологического противника в эпоху холодной войны. Фактически все западные исследователи разделяют концепцию сателлитизма (зародившуюся в середине 40-ых, в первый раз сформулированную О. Лагтимором, развившуюся и окончательно оформленную в 60-80-ых) и считают, что с 40-ых годов Монголия окончательно оформилась как сателлит Советского Союза. Мы согласны с доводом, что с конца 30-ых положение МНР и внутренняя политика становятся полностью зависимыми от внешнеполитических интересов СССР и курса ВКП(б), однако не поддерживаем концепцию сателлитизма, так как считаем, что она явилась порождением идеологических потребностей западных общественных наук во время холодной войны, а не следствием поиска исторической истины.

Однако главный недостаток западных историков, исследовавших Монголию 20-40-ых годов, проистекает от их незнания (отсутствия доступа) к первоисточникам. Более того, поскольку МНР с конца 30-ых фактически закрылась для учёных из капиталистических стран, собрать достаточно материалов для интересного исследования становилось всё труднее, и большую часть информации о событиях в МНР «западникам» приходилось черпать из опубликованных и доступных работ советских и монгольских авторов, при этом неизбежно вступая с ними в идеологическую дискуссию. Критика советской исторической науки западными авторами, безусловно, имела положительное значение, к тому же, иногда они приходили и к более адекватным выводам. Так, в используемой нами книге Р. Рупена «Монголы XX века» можно найти более беспристрастные оценки ряда событий монгольской истории XX века, например, антиламской политике Народного правительства в 30-ых⁵⁹ или международного статуса МНР⁶⁰. Ч. Боудэн в своём фундаментальном труде «Современная история Монголии» выступил с вполне обоснованной периодизацией истории Монголии XX века, выделяя VII съезд МНРП (1928) как поворотный пункт в определении дальнейшего пути развития этой страны под руководством СССР и Коминтерна⁶¹. По мнению Боудэна, до VII съезда у монгольских политиков было достаточно возможностей для маневрирования, а образ жизни фактически всех слоёв населения мало изменился. Период 1929-

⁵⁹ Rupen R. Mongols of The 20th Century. - Bloomington, 1964, P. 227-244.

⁶⁰ Там же, Р. 257-261.

⁶¹ Bawden C.R. The Modern History of Mongolia. - London, 1968, P. 239-240, 290.

1932 - «поворот влево» после съезда, кампанию конфискации, «левые перегибы», их результаты и исправления, - автор озаглавливает как «социалистическое фиаско»⁶². Коренные общественные изменения, «разрушение старого феодального порядка», как называет это Боудэн (полная ликвидация старых привилегированных сословий князей и хутухт, уничтожение буддийской сангхи), произошли в стремительном темпе за последующие восемь лет, и к 1940 МНР представляла собой тоталитарное государство с диктатурой Х. Чойбалсана. Особенno знаменательным явился 1940 год, когда была принята новая Конституция МНР и провозглашена новая программа социалистического развития⁶³. До августа 1945 Вторая мировая война не коснулась Монголии напрямую, но притормозила её развитие. Истинно прогрессивные изменения, как пишет автор, начались для страны кочевников с первого пятилетнего плана 1948-1952, когда наконец-то была запущена программа модернизации, имевшая свои положительные и отрицательные стороны⁶⁴. Одним из главных ошибочных заключений Боудэна (и многих других монголоведов по ту сторону железного занавеса), на наш взгляд, является убеждение, что Советский Союз почти насильственно навязал монголам социалистический сценарий трансформации общества и построения государства с централизованной партийной диктатурой. Конечно фактор давления (армия и средства) имел место быть, однако оригинальные документы (которыми, к сожалению, не располагал английский историк) рисуют гораздо более сложную картину взаимовлияний и зависимостей между монгольскими революционерами, старыми элитами, деятелями Коминтерна и СССР. Однако и не это главное, - Боудэн как очень эрудированный знаток монгольской истории мог бы предположить, что в централизации власти в МНР в 40-ых годах XX века нет ничего принципиально нового. Именно этому вопросу посвящена трёхтомная докторская диссертация американского историка Якобса Сейдена «Монгольское влияние на Россию с XIII века по наши дни: монгольский вклад в политические институты Московии, Имперской России и Советского государства». Основная идея, которую пытаются доказать автор, состоит в том, что «деспотизм Советского Союза в XX веке (как и МНР – И.М.) в большой степени явился логической

⁶² Там же, Р. 290-328.

⁶³ Там же, Р. 373-381.

⁶⁴ Там же, Р. 381, 394-408.

кульминацией деспотизма Монгольской Империи, установившей в XIII веке на русской почве ханство Золотой Орды»⁶⁵. Мы считаем это интересной гипотезой и принимаем её во внимание в нашей работе.

Для анализа состояния буддийской сангхи в Монголии в начале XX века, её соотношения с другими прослойками общества стоит обратить особое внимание на работы американского монголоведа из Индианы Л. Мозеса. В своей докторской диссертации «1935 - Революционная Монголия выбирает веру: ламаизм или ленинизм» он пишет о характере монгольского общества начала столетия: «Не было ни класса интеллектуалов, ни влиятельной аристократии, ни военной касты, ни городского пролетариата, ни промышленной элиты; из общей массы монгольского общества только высшее духовенство можно было выделить как группу, представляющую свои интересы»⁶⁶. Вообще, Мозес несколько перегнул палку по поводу отсутствия в Монголии прослойки влиятельной аристократии. Однако автор совершенно справедливо отмечает особое положение лам в Монголии. Влиянию лам в монгольском обществе, их участию в политике посвящена наиболее известная книга Мозеса «Политическая роль монгольского буддизма». В ней автор обстоятельно доказывает свою точку зрения, - как рыхłość маньчжурской администрации, отсутствие национальной монгольской бюрократии высшего звена, слабые центробежные рычаги управления и сильная власть монастырей на местах способствовали стремительному и успешному развитию монгольской революции⁶⁷. В своей книге американский исследователь также приводит периодизацию взаимоотношений лам и Народного правительства новой Монголии. В период 1921-1924 (до официального провозглашения Монгольской Народной Республики) ламство и революционеры соблюдали условия своего рода политического соглашения и были, в целом, достаточно терпимы по отношению друг к другу, после смерти Богдо-Гэгэна в 1924 во Внешней Монголии, по мнению Мозеса, начинается «буддийское

⁶⁵ Seiden, Jacobs. The Mongol impact on Russia from the 13th century to the present: Mongol contributions to the political institutions of Muscovy, Imperial Russia, and the Soviet state. - Georgetown University, 1971 (printed in 1992). - (volumes I-III).

⁶⁶ Moses, Larry William. Revolutionary Mongolia chooses a faith: Lamaism or Leninism. - Indiana University, 1972 (printed in 1992), P. 85.

⁶⁷ Moses L.W. The Political Role of Mongol Buddhism. - Bloomington: Indiana University: Uralic Altaic Series, 1977. - vol. 133, P. 132-134.

возрождение», поддерживаемое ламами Внутренней Монголии и Бурятии и продолжившееся вплоть до 1928 до VIII съезда МНРП. После этого идёт кампания насильственной экспроприации монастырской собственности (1930-1932) и борьба с культурным влиянием буддийской сангхи на население, сопровождавшаяся физическим уничтожением лам и разрушением монастырей (1934-1940). Как пишет автор, к 40-ым годам в МНР осталось совсем немного лам, а к 70-ым их культурно-цивилизационная роль в монгольском обществе окончательно себя изжила. Мы не можем не согласиться с этим заключением Мозеса, вопреки существующим в современной Монголии и Бурятии лозунгам о «реставрации буддизма». Как заметила в своём выступлении на одной международной конференции⁶⁸ российский монголовед Н.Л. Жуковская, обращение к буддизму в наши дни напоминает «скорее не реставрацию, а реанимацию».

Особым образом хотелось бы отметить ценность работ О. Латтимора по новой и новейшей истории Монголии. Он также отмечает отсутствие централизованного управления монгольской буддийской сангхи в книге «Номады и комиссары»⁶⁹. В совместном труде с Фуджико Йосоно «Дилов Хутухта. Воспоминания и автобиография монгольской буддийской реанкарнации в религии и революции» Латтимор выдвигает одну из наиболее обоснованных причин того факта, что ламы поддерживали МНРП и Народное правительство на самых первых этапах революции: «идентифицируя интересы своего класса с национализмом, они хотели защитить монголов от подчинения китайской культуре»⁷⁰. Ещё более значимыми мы считаем рассуждения Латтимора о характере корпоративной власти монастырей на местах, используемые в нашей работе⁷¹. Для понимания особенностей монгольского национализма начала века, а также развития идей панмонголизма особенно

⁶⁸ Международная конференция «Кочевые цивилизации Центральной Азии: история и культура», Улан-Удэ, июнь, 29 – июль, 1, 2000.

⁶⁹ Lattimore, Owen. Nomads and Commissars. - New York: Oxford University Press, 1962, P. 4.

⁷⁰ Lattimore, O. and Isono, F. The Dilov Khutagt. Memories and Autobiography of a Mongol Buddhist Reincarnation in Religion and Revolution. - Wesbaden, 1982, P. 7.

⁷¹ См. Введение. С. 10-11.

полезной для нас явились книга Латтимора «Национализм и революция в Монголии»⁷².

Исключительно интересной работой мы считаем докторскую диссертацию американского монголоведа Д.М. Розенберга «Политическое лидерство в пастушеском коллективе монгольских кочевников», основанную на полевом исследовании автора, проживавшего в МНР в 1972-1973 (явление само по себе редкое для специалистов из капиталистических стран в те времена) и изучавшего развитие кооперативного движения. На наш взгляд, Розенберг довольно беспристрастно и адекватно описал всё увиденное и услышанное им в монгольских хуудохах о положении кооперативов и государственной политике по отношению к ним с 20-ых по 70-ые годы. Поэтому в нашей работе мы часто обращаемся к его исследованию. Историк считает, что постепенное налаживание эффективных механизмов государственного контроля и управления экономикой (в частности, кооперативными хозяйствами) после Второй мировой войны привело к качественному повышению образа жизни монгольских аратов со второй половины 50-ых⁷³. В отличие от большинства своих американских коллег, Розенберг признаёт достижения социализма в Монголии: оформление к 70-ым социального обеспечения (здравоохранения, пенсий, образования и т.д.), повышение производительности труда в кочевом хозяйстве, создание научно-технической базы, институтов культуры. По результатам интервью с монгольскими аратами, автор пришёл к выводу, что, несмотря на то, что монгольские пастухи могли не любить того или иного начальника, но, в целом, все они за редким исключением поддерживали социализм в той форме, в которой он практиковался в стране последние 15 лет⁷⁴. Вместе с тем, автор отмечает массу недостатков и провалов в государственной политике в отношении кооперативов, в особенности в 20-30-ых. Розенбергу характерен конструктивный, неидеологизированный подход к изучению социалистических обществ, к которым, безусловно, относится МНР с конца 40-ых. В своей книге Розенберг как и уже упоминавшейся нами Сейден выступает с идеей схожести административных структур Империи Чингисхана

⁷² Там же.

⁷³ Rosenberg, Daniel Mark. Political leadership in a Mongolian nomadic pastoralist collective. - University of Minnesota, 1977 (printed in 1992), P. 32, 34, 296.

⁷⁴ Там же, Р. 330.

и МНРП и утверждает, что образование централизованного государства МНР – вовсе не новый сюжет монгольской истории⁷⁵.

В нашей работе мы также использовали заметки и наблюдения иностранцев, побывавших в Монголии в 20-40-ых годах. Полезными являются данные по экономическим и социальным преобразованиям Народного правительства, приводимые китайцами Ма Хотьеном в книге «Китайский агент в Монголии», Чэн Чуньцзо, Теннисон Таном, а также Ладислаусом Форбатом - «Новая Монголия». Интересные наблюдения по жизни монастырей и положению лам в «новой» Монголии приводят в своей статье «Ламы Монголии» швед Ф.А. Ларсон. Австрийский художник Р. Штрассер и американская журналистка М. Харрисон также оставили заметки о своём пребывании в Монголии.

Стоит упомянуть и другие работы западных авторов, которые имеют в большей или меньшей степени косвенное отношение к теме нашего исследования: Дж. Фритец «Внешняя Монголия и её международное положение», Т. Эвинг «Между молотом и наковальней: политика России и Китая во Внешней Монголии, 1911-1921», Ясо Мишима и Томио Гото «Японский взгляд на Внешнюю Монголию», Дж. Мэрфи «Советская Монголия», А. Сандерс «Народная Республика Монголия». Книги и статьи этих и многих других исследователей (М. Хаггарда, Джо Харта, Вильяма Хэтона, Роберта Смита и др.), несмотря на упоминавшиеся выше общие недостатки, достойны отдельного изучения.

Изучение новейшей истории Монголии после 90-ых годов XX века.

Работы российских авторов.

Здесь мы подходим к наиболее важной части нашего историографического очерка, к описанию того, что было создано российскими монголоведами по или около нашей темы за последнее десятилетие. В очередной раз отметим произошедшие демократические преобразования в обществе, позволившие историкам отойти от догм истмата, что, безусловно,

⁷⁵ Там же, Р. 335.

имело положительное значение. С другой стороны, непопулярность формационного подхода в современной отечественной исторической науке порождает новые проблемы, главная из которых заключается в необходимости выбора новой теории и методологии. Наиболее успешными являются, на наш взгляд, исследования, основанные на активном использовании ранее недоступных источников, содержащихся в российских и монгольских архивах. Так, наибольший вклад в изучение новейшей истории Монголии внесли два исследователя, опубликовавшие ряд статей и книги, – С.Г. Лузянин и С.К. Рошин.

С.Г. Лузянин изучает международное положение на Дальнем Востоке и Внутренней Азии в первой половине XX века, треугольник Россия – Монголия – Китай. Его недавно опубликованная (2000) как книга докторская диссертация «Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.» представляет собой независимое исследование, основанное на оригинальных архивных документах, что делает её злободневно интересной, в особенности для монгольской общественности (главы книги печатаются также в регулярных выпусках русскоязычной газеты «Новости Монголии» в Монгольской Республике). Этот труд, суммирующий ряд предыдущих статей автора⁷⁶, освещает наиболее спорные и противоречивые проблемы новейшей истории Монголии с фокусом на международном положении МНР в 20-40-ых годах.

Лузянин чётко определяет разницу в международном положении Монголии *de jure* и *de facto*. До 1921 в тройственных соглашениях между Китаем, Россией и Внешней Монголией статус последней был обозначен как автономный, позже в официальных советско-монгольских документах появился

⁷⁶ Лузянин С.Г. Автономная Монголия в системе международных отношений 1915–1919 // Владимирские чтения – 3. - Москва, 1995, С. 71–85; Коминтерн, Монголия и китайская революция 1925–1927 гг. // Восток. - 1996. - №1, С. 65–76; Монголия в русско-китайских отношениях 1911–1917 гг. // Китайская традиционная культура и проблемы модернизации. - Москва, 1994. - Ч.1, С. 181–184; Монголия: между Китаем и Советской Россией. 1920–1924 // Проблемы Дальнего Востока. -- 1995. - № 2, С. 71–85; Монголия между Россией и КНР: исторический опыт и современные реалии // Восток. – 1996. - № 6, С. 110–113; Ялта и монгольский вопрос // Пятидесятилетие Великой победы и Восток. - Москва, 1996. - Гл. 9, С. 76–83; Ялтинская конференция и проблемы международно-правового оформления МНР накануне и в годы второй мировой войны // Проблемы Дальнего Востока. -- 1995. - № 6.

термин «*свободная Монголия*», воспринимаемый некоторыми монгольскими деятелями как подтверждение курса на действительную независимость⁷⁷. Однако в межправительственных договорах СССР с Китаем продолжала фигурировать термин «*автономия*». В таком двойственном положении МНР существовала вплоть до 1946, когда авторитет и влияние Советского Союза после Второй мировой войны позволили выдвинуть Пекину условие признания независимого государства МНР.

Историк выстраивает свою работу в хронологическом порядке. Он отмечает три аспекта внешнеполитической позиции монгольских революционеров с июля 1920 до марта 1921: 1) революционную целесообразность сближения МНР с национально-революционными движениями в Китае; 2) ставку на СССР и Коминтерн как реальную силу в осуществлении намеченной программы; 3) традиционный панмонголизм⁷⁸. Советское руководство на протяжении 1920-1924 изменяло свои взгляды на статус Внешней Монголии и её роль в советско-китайских отношениях. В конце концов, отказавшись от тройственной системы и признав суверенитет Китая над Внешней Монгoliей в 1924, Советский Союз определил для себя приоритетное значение китайской революции, которую и подготавливал активным образом в 1925-1927 годах. «Внешняя Монголия, не признавая советско-китайского соглашения 1924 года, вынуждена была по-прежнему следовать стратегическому курсу на союз с СССР и Коминтерном, являвшимися единственными гарантами сохранения её независимости»⁷⁹.

Лузянин характеризует советско-монгольские отношения 1925-1932 как взаимную политическую адаптацию⁸⁰. Он отмечает наличие революционно-классового элемента в структуре политических отношений СССР – МНР – Китай в 1925-1927 годах. После же 1928 в связи с провалом китайской революции и общим изменением климата на Дальнем Востоке все три стороны стали более последовательно проводить линию на укрепление государственности и национальной безопасности⁸¹. На основе архивных

⁷⁷ Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. - Москва, 2000, С. 103-104.

⁷⁸ Там же, С. 93-94.

⁷⁹ Там же, С. 121.

⁸⁰ Там же, С. 143.

⁸¹ Там же, С. 142.

документов автор анализирует развитие советско-китайских конфликтов конца 20-ых, приведших к разрыву отношений, и пишет, что в планы Пекина входило воспользоваться деятельностью японцев в регионе и напасть на Внешнюю Монголию. «Японская агрессия в Маньчжурии объективно устранила угрозу китайского вооружённого вторжения в МНР, которая, несомненно, существовала накануне 19 сентября 1931 года»⁸².

В 1932-1936 годах складывалась «структура СССР – МНР – Маньчжоу-Го – Китай»⁸³. Разрешение японо-советских конфликтов с учётом «оси» Рим – Берлин – Токио и агрессивной паназиатской стратегии Японии должно было произойти и произошло, как пишет автор, в форме военного конфликта⁸⁴. Несмотря на все попытки японцев использовать и правые, и левые ошибки МНРП, СССР решительно формировал военно-политическую «ось» Москва – Улан-Батор⁸⁵, что и обеспечило советской стратегии, в конечном итоге, победу не только на Халхин-Голе в 1939 году, но и в окончательном определении социалистического курса развития Монголии с просоветской ориентацией. Лузянин подробно описывает все пертурбации оформления международно-правового статуса МНР накануне и в годы Второй мировой войны, а также ялтинский сюжет: подписание соглашения между СССР, США и Великобританией о вступлении СССР в войну против Японии с условием сохранения статус-кво Внешней Монголии.

В книге Лузянина получили освещение многие ранее замалчиваемые проблемы истории Монголии 20-40-ых годов: характер гражданской войны 1921-1922, Баргинское восстание августа 1928, панмонголизм, политика Народного правительства в отношении бурят и китайцев, экономические соглашения между Москвой и Улан-Батором и другие. Все выводы автора подтверждены документально и обстоятельно аргументированы, поэтому в нашей работе мы неоднократно ссылаемся на ряд положений его книги.

Монография С.К. Рошина «Политическая история Монголии (1921-1940 гг.)» - исследование внутриполитической борьбы во Внешней Монголии в 20-30-ых годах. Автор досконально изучил документы РГАСПИ по изучаемому

⁸² Там же, С. 164-165.

⁸³ Там же, С. 180.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

периоду в Монголии. Его книга – своего рода новый учебник по истории МНРП, в котором приводится масса фактов по оформлению партии, её конфликту с Союзом Революционной Молодёжи Монголии в 1921-1924, «левым» и «правым» уклонам, съездам и пленумам, кампании конфискации собственности князей и лам, «новому курсу» и пр. Рошин исключительно подробно осветил все коллизии политики Коминтерна в Монголии и даже проследил изменения её курса в зависимости от смены руководства в МНРП (например, отметил связь «лояльного отношения Коминтерна к «правым» националистам» в 1926-1927 с приходом Н.И. Бухарина к руководству Исполкомом Коминтерна в конце 1926⁸⁶). В особенности хорошо дались автору портреты деятелей монгольской революции и сотрудников Коминтерна, работавших в Монголии. Однако мы не можем согласиться с рядом заключений Рошина. Используя зачастую те же документы, что и он, мы иначе их интерпретировали и пришли к выводам другого характера. Так, по мнению Рошина, утверждение «левого» курса после VII съезда МНРП и расправа над националистическими элементами в обществе произошли вследствие политической незрелости монгольского руководства. Исходя из этого, автор допускает, что если в мае-июне 1928 «правые» не упустили бы шанс достичь компромисса с Н.И. Бухарином, «если бы они действовали согласно, дружно, в одном направлении», исход съезда мог быть иным, и монгольское общество избежало бы социалистических преобразований по советскому сценарию. Однако мне видится, что решения VII съезда были предопределены не весной 1928, а семью годами раньше, когда делегация из первых семи членов Народной партии прибыла в Иркутск учиться новым методам прихода и удержания власти. Уже в то время был сформулирован принцип кадровой политики, и монгольские революционеры почувствовали свои возможности. Логика революции, политической и партийной борьбы сильнее воли её участников, и, несмотря на относительную самостоятельность монгольских политиков 1921-1928, они не могли противостоять основной линии в политике Коминтерна, заключавшейся в воспитании кадров и манипуляции ими. В этом смысле Бухарин, вопреки своей «лояльности», не являлся исключением.

⁸⁶ Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). - Москва: ИВ РАН, 1999, С. 151-153.

Описывая программу «правых», Роцин справедливо проводит параллели с «правым уклоном» в СССР. Хотелось бы, вместе с тем, добавить, что «правый уклон» вовсе не «рождается самой объективной действительностью»⁸⁷, а изобретается политической верхушкой как средство уничтожение противников. В этом смысле активная политика «правых» до и во время VII съезда только явила дополнительным поводом для «левых» форсировать проведение в жизнь своих установок. В отличие от Роцина мы не пытались в своей работе не оправдывать нечистоплотность монгольских партийцев и ревкомольцев⁸⁸, не склонять острые углы.

Вызывают сомнения и адекватность использования Роциным некоторых политологических терминов. Примечательно, что злоупотреблением понятием демократия в отношении монгольских реалий 20-40-ых годов грешит не только он, но и ряд сотрудников Института Востоковедения РАН. Встречаются в его монографии и некоторые противоречия. Например, рассуждая о взглядах «правых» в 1926-1928 на развитие МНР, он пишет о принципиальных расхождениях в позициях Исполкома Коминтерна и ЦК МНРП, при этом, замечая, что «для возрождения национальной государственности были необходимы и «укрепление национального корня» (платформа Б. Цэрэндоржа и Ц. Жамцрано – И.М.), и партийное единство (задача, которуюставил Коминтерн – И.М.)»⁸⁹. С нашей точки зрения, партикуляристские взгляды «правых» панмонголистов не могли быть интегрированы в модернистский сценарий развития, который предлагал в это время Монголии Коминтерн.

Несмотря на определённые недостатки монографии Роцина и наше несогласие с некоторыми рассуждениями автора, невозможно отрицать его вклада в освещение новейшей истории Монголии. Как нам известно, этот труд высоко оценивают и российские, и монгольские и другие зарубежные монголоведы.

Обновили свой подход к изучению новейшей истории Монголии так или иначе все российские историки. В этой связи необходимо упомянуть недавно вышедший сборник «Россия и Монголия. Новый взгляд на историю

⁸⁷ Там же, С. 210.

⁸⁸ Там же, С. 153.

⁸⁹ Там же, С. 153.

Азии. Возникла даже тенденция « списать » все неудачи и провалы в развитии МНР 20-40-ых годов (и последующих лет) на СССР и его лидеров.

Вообще, современные монгольские историки в большинстве своём слабы в теории и методологии. Они либо повторяют своих предшественников социалистической эпохи, обрамляя вновь почерпнутые исторические факты о 20-40-ых годах в привычный сюжет о строительстве независимого государства МНР при активной помощи Советского Союза⁹³, либо, наоборот, недооценивают роль СССР в развитии Монголии XX века, а об участии в монгольских делах такой организации как Коминтерн, вообще, замалчивают⁹⁴.

Одним из наиболее видных, получивших признание на Западе, монгольских историков современности является Б. Баабар (Бат-Эрдэнийн Баабаяр - он же один из первых монгольских демократов⁹⁵). Его книга «Монголы XX века»⁹⁶ явилась своего рода научным бестселлером, была переведена на несколько языков и переиздана в десятках стран. В этом труде автор выразил свою позицию по ряду спорных вопросов новейшей истории Монголии: геополитическому положению страны в 20-ых, превращению её в советскую республику (Баабар даёт именно такое определение), «проникновению коммунистической истерии в монгольское общество», террору власти Чойбалсана и др. Насколько Баабара принимают на Западе, настолько его критикуют некоторые российские монголоведы. С.К. Рошин, например, выражает сомнения по поводу рассуждений монгольского историка о событиях на Халхин-Голе⁹⁷: Баабар считает, что Монголия стала полигоном для СССР и Японии, продемонстрировавших на её территории свою военную мощь⁹⁸. Г.С. Яскиной⁹⁹ не нравится резко отрицательный характер освещения монголо-

⁹³ См.: Хэрээд Л. Жамсран. Монголын Төрийн Тусгаар Тогтолын Сэргэлт. - Улаанбаатар, 1997.

⁹⁴ См.: Хорьдугаар зууны Монгол. - Улаанбаатар, 1995.

⁹⁵ Сочетание политической и научно-публицистической деятельности так характерно для современной монгольской интеллектуальной элиты.

⁹⁶ Баабар Б. Хорьдугаар Зууны Монгол. - Монгол улс, 1996.

⁹⁷ Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). - Москва: ИВ РАН, 1999, С. 306.

⁹⁸ Баабар Б. Хорьдугаар Зууны Монгол. - Монгол улс, 1996, С. 475-479.

⁹⁹ Яскина Г.С. Монгольская историческая наука (1990-е годы) // Владимирские чтения IV. - Москва, 2000, С. 149, 153.

взаимоотношений в ХХ веке»⁹⁰, в котором представили свои статьи Грайворонский В.В., Лузянин С.Г., Роцин С.К., Бойкова Е.В., Надиров Ш.Г., Яскина Г.С., Окнянский В.В., Гольман М.И. Внешнеполитическому аспекту отношений России и Монголии в первой четверти ХХ века, а также панмонголизму посвящает свои работы Е.А. Белов⁹¹.

Особый интерес у современных историков вызывает фигура барона Р.Ф. Унгерн-Штенберга⁹². Примечательной работой, посвящённой Унгерну и его времени мы считаем книгу известного историка, журналиста и писателя Леонида Юзефовича «Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штенберга». Автор изучил все доступные архивные документы и представил на суд читателя увлекательное и проникновенное повествование жизни барона Унгерна и людей, его окружавших. Есть работы, посвящённые и другим одиозным персонажам новейшей истории Монголии, например книга М.И. Ломакиной «Голова Джя-ламы».

Хотелось бы отметить и учёных из Бурятии, занимающихся проблемами новейшей истории Монголии, - уже упоминавшуюся Л.Б. Жабаеву, Л.В. Кураса, Б.В. Базарова. Эти авторы заостряют своё внимание на вопросах панмонголизма.

Работы зарубежных авторов.

Пожалуй, что самым активным образом переписывать историю ХХ века принялись именно монгольские историки. В начале 90-ых многие из них отдали дань моде – появившемуся в монгольском обществе негативному отношению ко всему советскому наследию в их стране. Отголоски этой обвальной волны критики слышны и сейчас, в особенности, в оценке политики Коминтерна в

⁹⁰ Россия и Монголия. Новый взгляд на историю взаимоотношений в ХХ веке. - Москва: ИВ РАН, 2001. Это сборник является совместным трудом сотрудников ИВ РАН и Академии Наук Монголии, также представивших там свои исследования (Хишигт Н., Дамдинсурэн С., Батсайхан О., Шурхуу Д., Батбаяр Ц., Болдбаатар Ж., Ганзориг Д., Буяントогс А.).

⁹¹ Белов Е.А. Россия и Монголия в начале ХХ века (1911-1919 гг.) - Москва: ИВ РАН, 1998; Панмонгольское движение в 1919 г. // Азиаты. -- 1995. - Вып. 2.; Последний «Живой Бог» монголов // Азия и Африка сегодня. - 1996, № 3.

⁹² См.: Морозова И.Ю. Стратегии Коминтерна и барона Унгерна в Центральной Азии // Восток: история, филология, экономика. - Москва, 1999.

советских отношений Баабаром в другом его известном сочинении «Не забывайте! Иначе – погибель!»¹⁰⁰.

Открывая для себя архивные материалы, монгольские историки сконцентрировались в первую очередь на реабилитации политических репрессированных и биографиях отдельных персоналий. Так, Л. Бат-Очир на основе документов из монгольских архивов опубликовал ряд книг – портретов видных деятелей монгольской революции: Х. Чойбалсана¹⁰¹, Д. Бодоо¹⁰². С. Ичиноров издал книгу о Н. Гэндэне «Пэлжидийн Гэндэн. Взгляды и деятельность»¹⁰³, а также о Санжийн Довчине¹⁰⁴. С. Данзану посвятили свои труды З. Лонжид и О. Батсайхан¹⁰⁵, а также Д. Даши¹⁰⁶. Ж. Болдбатар исследовал деятельность А. Амара¹⁰⁷, П. Шагдарсурэн – Х. Чойбалсана¹⁰⁸, Жамбалсурэн Ц. – Ю. Цэдэнбала¹⁰⁹. Несмотря на обилие таких работ, монгольской исторической науке в настоящее время не достаёт, на наш взгляд, более широкого охвата исторических сюжетов.

Более систематизирующие и концептуализирующие коллективные труды, такие как «Монголия двадцатого столетия. Исторический очерк»¹¹⁰ Л. Бат-Очира, С. Отгонжаргала под руководством М. Санждоржа или «История Монголии. Учебное пособие»¹¹¹ под редакцией Ж. Болдбатара имеют, прежде всего, образовательную, но не исследовательскую цель, и, в действительности, являются учебниками.

¹⁰⁰ Баабар Б. Бую март! Марвал сонин. - Улаанбаатар, 1990.

¹⁰¹ Бат-Очир Л. Чойбалсан (Намтын нь балархайг тодруулахуй...). - Улаанбаатар, 1996.

¹⁰² Бат-Очир Л. Бодоо сайд: узэл ба уйл. - Улаанбаатар, 1991; Догсомын Бодоо (Хэлсэн, бичсэн зүйлийн түүвэр). - Улаанбаатар, 2001.

¹⁰³ Ичиноров С. Пэлжидийн Гэндэн. Үзэл баримтал, уйл ажиллага. - Улаанбаатар, 1994.

¹⁰⁴ Ичиноров С. Санжийн Довчин сайдын эдийн засаг, улс төрийн байр, суурь. - Улаанбаатар, 1994.

¹⁰⁵ Лонжид З., Батсайхан О. Жанжин Данзан. - Улаанбаатар, 1995.

¹⁰⁶ Даши Д. Солийн Данзан. - Улаанбаатар, 1990.

¹⁰⁷ Болдбатар Ж. Амар сайд. - Булган хот, 1993.

¹⁰⁸ Шагдарсүрэн П. Миний мэдэх маршал Х. Чойбалсан. - Улаанбаатар, 2000.

¹⁰⁹ Жамбалсүрэн Ц. Ю. Цэдэнбал. - Улаанбаатар, 1996.

¹¹⁰ Бат-Очир Л., Отгонжаргал. ХХ Зууны Монгол Дахь Улс Төрийн Түүхэн Үйл Явц. Хянан тохиолдуулсан доктор профессор М. Санждорж. - Улаанбаатар, 1996.

¹¹¹ Хорьдугаар зууны Монгол. Түүхийн тойм. - Улаанбаатар, 1995.

В диссертации мы периодически ссылаемся на известную книгу Д. Дашиурэва «Режим террора в Монголии»¹¹², так как, во-первых, её автор активно использовал материалы личных архивов, воспоминаний видных общественных деятелей и простых участников событий 20-40-ых годов, которые появлялись в монгольской прессе начала 90-ых, во-вторых, он один из немногих своих соотечественников, которые не только обличали пороки советской политики в МНР, но и тёмную сторону деятельности самих монгольских революционеров. Д. Дашиурэв беспристрастно описал все перипетии внутрипартийной борьбы и оформление таких репрессивных институтов, как Государственная Внутренняя Охрана (ГВО), эволюционировавшая в МВД. Автор приводит выдержки из воспоминаний очевидцев и пострадавших от массовых репрессий Чойбалсана конца 30-ых годов.

В работе мы использовали статистические данные по численности, плотности и приросту населения в МНР (и в Улан-Баторе в частности), которые приводят в своих книгах монгольские исследователи Х. Цэдэнсодном («Динамика оседания монгольского населения и географическая среда»¹¹³) и Д. Дамжав («Третья тетраль-справочник по населению города Улан-Батор»¹¹⁴).

Распад мировой социалистической системы и «второй сверхдержавы» СССР на фоне прочих глобальных изменений в мире 80-ых и 90-ых заметно ослабил внимание мировой общественности к Монголии. С этого времени отмечается сокращение числа монголоведов и слабый приток новых кадров. Ныне изучение проблем истории Монголии XX века стало частью так называемых центрально-азиатских исследований (Central and Inner Asia studies), которые начали оформляться в эпоху образования новых независимых государств на территории бывшего Советского Союза. Современные западные социологи, политологи и экономисты рассматривают Монголию в ряду других стран региона, стоящих перед сходными проблемами развития. В основном, эти проблемы освещаются в русле конъюнктурной концепции «переходной

¹¹² D. Dashpurev, S.K. Soni. Reign of Terror in Mongolia 1920-1990. - New Delhi: South Asian Publishers, 1992.

¹¹³ Цэдэнсодном Х. Монголын хүн амын байршилт динамик ба газарзүйн орчин. - Улаанбаатар, 1999.

¹¹⁴ Дамжав Д. Улаанбаатар хотын хүн ам зүйн лавлах гуравдугаар дэвтэр. - Улаанбаатар, 1998.

экономики» и «построения демократии и институтов рынка в обществах советского образца».

В освещении современного развития Центральной и Внутренней Азии существуют два по существу разных подхода. Один – продукт аналитиков и экономистов, в основном занимающихся консалтингом, авторство другого принадлежит некоторым историкам и филологам. Оба представляют собой официальные направления (*main stream*) и имеют, естественно, ряд достоинств и недостатков, описание которых лежит вне задач данной работы¹¹⁵. Отметим лишь, что работой в русле первого направления можно считать книгу, изданную Оле Бруном и Оле Одгардом «Монголия в переходный период. Старые модели, новые вызовы»¹¹⁶, а яркой представительницей второго является, пожалуй, английская исследовательница Каролин Хэмфри.

Из западных авторов, исследующих наш период, нам хотелось бы выделить, прежде всего, немецкого исследователя-монголоведа Удо Баркмана, за последние годы опубликовавшего массу статей и несколько книг по международному положению и политической истории Монголии XX века. Его работа «История Монголии или «монгольский вопрос». Монголы на пути к национальному государству»¹¹⁷ в основном посвящена международному статусу Монголии в различные периоды её истории. Баркман видит Монголию как зависимого участника больших игр великих держав – Китая, Японии и России. Взгляд автора несколько отстранён, в его исследовании нет места социальной антропологии, стремлению рассмотреть структуру монгольского общества изнутри. В статье «Политическое самоопределение Монгольской Революционной Народной Партии» Баркман кратко излагает длинный политический путь МНРП от «левой» националистской партии к разветвлённой организации близкой по своей структуре и идеологии к КПСС, а затем в 90-ых к «национально-демократической партии»¹¹⁸. При этом основными источниками

¹¹⁵ См.: Морозова И.Ю. Проблемы социальной истории Монголии XX века // Российское монголоведение. - Москва, 2001. - Бюллетень V.

¹¹⁶ Mongolia in Transition. Old Patterns, New Challenges. edited by Ole Bruun and Ole Odgaard. - CURZON, 1996.

¹¹⁷ Barkmann Udo. B. Geschichte der Mongolei oder Die "Mongolische Frage". Dei Mongolen auf ihrem Weg zum eigenen Nationalstaat. - Bonn: Bouvier Verlag, 1999.

¹¹⁸ Barkmann Udo. B. Zum Politischen Selbstverständnis Der Mongolischen Revolutionären Volkspartei // Asien Afrika Lateinamerika. - 1996. - Vol. 24, P. 475-496.

автора являются программные документы партии. Также Баркман умело использует современные монгольские материалы. Обновлению МНРП в результате социальных изменений в Монголии, неудачам на парламентских выборах в 1996 и международному положению посвящена статья «Монгольская Революционная Народная Партия между Демократией и Геополитикой»¹¹⁹. Ряд статей немецкого исследователя мы использовали в освещении политики МНРП и Народного правительства в отношении лам¹²⁰.

Особую ценность представляют некоторые работы американского историка Морриса Роззаби. Ламаистской сангхе в XX веке посвящает свои исследования историк Ли Наангуа, работающая ныне в Дании, о панмонголизме и его возможных связях с Японией можно найти массу интересного в отдельных статьях Наками Тудзио. Ведёт исследования по новейшей истории Монголии и тайваньская специалист Мейхуа Лан.

¹¹⁹ Barkmann Udo B. Die Mongolische Revolutionäre Volkspartei (MRVP) in Spagat Zwischen Demokratie und Geopolitik // Asie Afrika Lateinamerika. – 2000. - Vol. 28, P. 265-309.

¹²⁰ Barkmann Udo B. Erste Benmerkungen zu einem traurigen Kapitel mongolischer Geschichte – die dreißiger Jahre // Asien, Africa, Lateinamerika. - 6/1993. - Vol. XX; Religiöser Pluralismus und nationale Identität in der Mongolei // KAS/AUSLANDS-INFORMATIONEN. - 02/98.

Глава II. 1921-1924

Теократическая монархия и революция в Монголии

Как мы уже обосновали во вступительной части нашей работы, структурный анализ монгольского общества в начале XX века показывает его неравновесное состояние: маньчжурская система администрирования, тактически сталкивавшая интересы князей и лам, становилась всё менее и менее эффективной и устойчивой на фоне оформления модернистских идей монгольского национализма, в разных частях страны из местных элит выделялись сильные лидеры, чьё влияние усиливалось корпоративной системой на местах и препятствовало тенденциям объединения, исходившим из центра. К 20-ым годам в Монголии стали проступать черты эпохи перемен: одновременно создавались условия маргинализации и стремительного продвижения вверх по социальной лестнице. В этот период политической разобщённости и социальной нестабильности новые течения могли кардинальным образом повлиять на переструктурализацию общества. Одним из таких веяний стал русский большевизм.

В Советской России партия профессиональных революционеров эволюционировала до разветвлённой бюрократической карательно-репрессивной организации, пронизывающей и контролирующей все слои общества. Тактика большевиков по захвату власти оказалась легко усвоемой определёнными активными элементами монгольского общества. Выделение таких социально-инициативных единиц регулярно происходит в кочевом обществе и особенно усиливается в периоды политического хаоса, разобщённости правящих кругов. Их характеризует открытость, деятельность, готовность взламывать существующие устои и всёвозрастающая тяга к успеху и власти. Эти энергичные люди, - как правило, выходцы из непривилегированных или маргинальных слоёв. Именно такими личностями были члены Монгольской Народной Партии (МНП), Народного правительства и «сочувствующие элементы» на первых этапах своего утверждения.

Набросаем несколько штрихов к портретам монгольских революционеров-первоходцев¹²¹, иллюстрирующих их социальное происхождение: урточник Дамдингийн Сухэ-Батор работал наборщиком в типографии, угонщик лошадей Солийн Данзан дослужился до чиновника министерства финансов, лама Догсомын Бодо был писарем, корректором и редактором в русско-монгольской типографии. Такие деятели монгольской революции как Амбагийн Япон-Данзан, Сундуй, Жигмит-гун вышли из низших слоёв общества. Образованный интеллигент Б. Цэрэндорж был аратом по происхождению. Партийные ряды пополняли также светские и шабинские чиновники бывшего правительства: Намсрайжав-гун, Доржмерин, Максаржав. Показательен род деятельности будущих лидеров партии накануне революции: они не занимали высоких постов (некоторые находились в оппозиции), но обладали способностью оказаться «в нужном месте в нужный час», а именно имели возможность общаться с русскими белыми эмигрантами, революционерами, бурятскими общественными деятелями, читали советскую печать и, таким образом, получали информацию о событиях в России. Ещё до революции лидеры двух нелегальных политических группировок в Урге (в ортодоксальной советской и монгольской литературе называемых революционными кружками – Ургинским и Зунхуренским) испытывали на себе определённое влияние большевизма.

Интерес к большевизму у монгольских активистов возникал, в первую очередь, в связи с геополитическим положением Монголии, – зажатая между «молотом и наковальней», ей приходилось прислушиваться к советам новой власти в России, распространившей свои шупальца по всему периметру советско-монгольской границы. На фоне репрессивной политики Цин (ликвидации автономии Внешней Монголии в 1919 и действий генерала Сюй Шучжэна в Урге) факт аннулирования правительством РСФСР прошлых неравноправных договоров с Монгoliей и Китаем подкупал монголов, заставляя их прислушиваться к советам русских коммунистов.

Первые шаги монгольские революционеры делали с ведома и при чутком руководстве Секции восточных народов при Сибирском бюро ЦК РКП(б) в

¹²¹ Подробные биографии и портреты монгольских революционеров см. в книге Рошина С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). - Москва: ИВ РАН, 1999, С. 53-78.

Иркутске, в начале 1921 функции которого перешли в ведение Дальневосточного секретариата Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ). Именно эта организация - Коминтерн (периодически переживая изменение своей внутренней структуры и испытывая на себе издержки всех этапов построения коммунистического общества в СССР¹²²) и сыграла главную скрипку в общественных преобразованиях в Монголии в 20-30-ых годах.

Под руководством Коминтерна в Монголии начинает формироваться пусть очень слабая, малочисленная, разношёрстная, непоследовательная, но всё же Народная партия. Её рождение знаменовало слияние двух политических группировок в Урге 25 июня 1920. Представители МНП с самого начала стремились копировать советские структуры и методы борьбы по завоеванию и удержанию власти, и их преемники в дальнейшем делали то же самое, лавируя между проблемами, вызванными социалистической стратегией развития. На подобное широкомасштабное заимствование опыта общественного развития у Советского Союза монголов толкало не только международное положение и традиционное стремление примкнуть к сильному покровителю. Внутренние распри между представителями различных слоёв монгольского общества, существовавшие на протяжении веков и обострившиеся за длительное время маньчжурского господства, разобщённость правящих кругов и обособленное положение многих частей страны, отсутствие централизованного управления, провоцировали трансформацию общества в рамках традиционной борьбы за власть. Советская Россия и Коминтерн явились для монгольских активистов новым эффективным способом ликвидации политических противников и завоевания власти.

С самого начала Коминтерн замышлял организовать МНП по образу и подобию ВКП(б). Вообще, политика и курс МНП (а впоследствии МНРП), её состав, рост, усиление её влияния, внутренняя борьба членов, - зеркало общественных изменений в Монголии на всём протяжении XX века. Цели МНП были заложены в принцип её организации и структуры: приход к власти, удержание власти и предоставление растущим партийным рядам социальных

¹²² См.: Адилеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна, 1919-1943. - Москва, 1997.

благ и гарантий. Тактические задачи партии изменялись на разных этапах её становления и развития. Также менялся и социальный состав партии, её номинальные и фактические руководители, субординация между ними. Ядром партии стали участники Ургинских группировок: С. Данзан, Д. Бодо, Д. Сухэ-Батор, Д. Доксом, М. Дугаржав, О. Дэндэв, Д. Лосол, А. Жигмиддорж, Д. Чагдаржав, Х. Чойбалсан. В 1921-1922 как и партия, так и ЦК самопроизвольно и бессистемно расширялись. Впоследствии МНП этого периода назовут «коалицией между пастухами, аратами и массой монгольских национальных феодалов для борьбы против китайцев и империализма»¹²³. В этой характеристике МНП налицо стремление притянуть за уши понятия и термины коммунистической идеологии к монгольским реалиям: во-первых, в становлении и оформлении партии простые араты не могли сознательно участвовать, во-вторых, противодействие китайской колонизации никем не воспринималась как борьба с империализмом, да и слово это было незнакомо.

В процессе совещаний в Иркутске в августе 1920 представители монгольской делегации заявили о социальном составе своей партии (МНП) как «трудовой интеллигенции», подчёркивая, что она является «чисто монгольским образованием», «незначительная по численности, но зато компактная и интеллектуально развитая»¹²⁴. Для расширения этой малочисленной партии и успешного проникновения её во все структуры монгольского общества было необходимо заручиться поддержкой «широких слоёв населения». Араты в общей своей массе были пассивны, и в политике большой роли не играли (вопреки постулатам коммунистической идеологии). Партийцы в первую очередь собирались завоевать власть в столице, политический климат в которой определяли высшие ламы, князья и тонкая прослойка монгольских чиновников. Однако к кому примкнуть – к ламам, князьям или чиновникам, как наиболее выгодным образом использовать интриги двора Богдо-Гэгэна? На кого опереться? Чьим влиянием воспользоваться? Монгольское чиновничество, состоявшее, главным образом, из невладетельных князей, было слабым, в прошлом подавленным цинской администрацией. Владетельные князья в свою

¹²³ Российский Государственный Архив Социально-Политической Истории (РГАСПИ) Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 10.

¹²⁴ Ф. 495. Оп. 152. Д. 4. Л. 24.

очередь представляли собой малочисленную группу населения¹²⁵. К тому же, маньчжуры старались постоянно провоцировать конфликты между князьями и высшими ламами.

К началу XX века в Монголии ламы были, во-первых, самым многочисленным (и богатым) привилегированным сословием, во-вторых, наиболее опытными администраторами, грамотными чиновниками и политиками, в-третьих, духовными наставниками аратов. К тому же, в первой четверти XX века Внешняя Монголия во многом ассоциировалась с фигурой Богдо-Гэгэна. Учитывая все эти факторы, монгольские революционеры уделяли особое внимание буддийской сангхе в борьбе за власть. В 1920 Бодо и Доксом писали в Монголо-Тибетский отдел Секретариата Восточных народов: «учитывая прения между князьями и ламами... НРП (до 500 членов) могла бы объединиться с партией чиновников (до 1000 членов)... но по указаниям Советской России... вступит в соглашение с правящими кругами Шабинского ведомства... чтобы уничтожить наследственных князей... а противниками будет только немногочисленная группа правящих кругов Шабинского ведомства»¹²⁶. В Декларации делегации Внешней Монголии на съезде народов Дальнего Востока говорилось: «Мы пользуемся поддержкой не только простого народа, но и состоятельных классов, эти же элементы руководят чувство, инстинкт национального самосохранения»¹²⁷. Инстинкт самосохранения не советовал монгольским революционерам сразу отказываться от монархической формы правления, так как население Монголии почитало Богдо-Гэгэна как живого бога.

Таким образом, монгольские революционеры по указанию советских коммунистов заключили альянс, который впоследствии всегда затушёвывали, - с ламами. МНП вступила в соглашение с правящими кругами Шабинского ведомства, отказаться от услуг которого было нерадично. «Пользуясь влиянием и силой Шабинарии, Народно-революционная партия рассчитывала достичнуть свержения власти китайцев и, провозгласив Хутухту конституционным монархом, уничтожить наследственных князей, одновременно ведя усиленные работы по популяризации народно-революционных идей в массах с

¹²⁵ Майский И.М. Монголия накануне революции. - Москва, 1960, С. 38-39.

¹²⁶ Ф. 495. Оп. 152. Д. 3. Л. 4.

¹²⁷ Ф. 495. Оп. 154. Д. 175. Л. 134.

распространением среди них европейской культуры и тем самым, подготовляя почву для своего выступления для окончательного свержения существующего порядка (т.е. для смещения с позиций власти и представителей самого Шабинского ведомства – И.М.)...»¹²⁸ На данном этапе официально была провозглашена тактика единого национального фронта, а лозунги классового расслоения и борьбы, которые имела в виду Советская Россия, отодвинуты до лучших времён (которые таки настали).

Двор Богдо-Гэгэна был внутренне слаб и расколот, некоторых его представителей советские инструктора тщательно обрабатывали, всячески склоняя на свою сторону. Агент Коминтерна С.С. Борисов ещё в июле 1920 старался завязать контакты с влиятельным высшим ламой при ургинском дворе – Джалханизой-хутухтой. Через него он и получил известное «Письмо-обращение от князей и монахов Внешней Монголии уполномоченному российского правительства» за подписью и печатью Богдо-Гэгэна. В обращении говорилось: «Мы желали бы образовать самостоятельное небольшое государство, взвести Богдо в цари, вручив ему управление верой и государством», далее: «...мы просим учесть эти обстоятельства и оказать непременную помощь и защиту»¹²⁹. Иными словами, теократические круги, со своей стороны, хотели восстановить независимость 1911 года, и надеялись добиться этого при поддержке России. Богдо-Гэгэн оказывал нерешительное сопротивление интригам и занырванию своих подданных с МНР, провозглашение которой фактически являлось вызовом живому Булле. Об этом можно судить по некоторым высказываниям Богдо-Гэгэна в адрес Народной партии: «...в районе Кяхты Сухэ-Батор, Дланзан и прочие назывались народно-революционной партией без директив правительства, из окраинных хошунов мобилизовали представителей и цыриков... у этих чиновников и простолюдинов... с самого начала было искреннее намерение освободиться от китайцев и восстановить монгольское государство...»¹³⁰, «Мои убеждения расходятся с убеждениями членов партии не потому, что мои взгляды верны, а их лживы и наоборот, а потому, что всякий век имеет свои убеждения и

¹²⁸ Ф. 495. Оп. 152. Д. 3. Л. 2.

¹²⁹ Ф. 495. Оп. 152. Д. 7. Лл. 6-7.

¹³⁰ Ф. 495. Оп. 154. Д. 106. Л. 24.

взгляды. Пусть же люди нового века творят своё новое дело, а людям старого века пора подумать о своих загробных делах»¹³¹.

Итак, некоторые ламы и князья признали Народно-революционную партию и проявили к ней лояльность. До смерти Боддо-Гэгэна партия и ламство фактически составляли политическую коалицию – исторический факт, который впоследствии фальсифицировали. Период 1921-1924 годов – альянс Коминтерна с ламством, время, когда широких кампаний против ламства не проводилось. Боддо-Гэгэн оставался неизменным символом независимого монгольского государства. В день вступления в Ургу революционных отрядов (7 июля 1921) члены Народной партии наравне с высшими ламами воздали почести Живому Будде¹³². 1 ноября 1921 между Народным правительством и Боддо-Гэгэном был подписан Клятвенный договор. Провозглашалась ограниченная монархия, Джебцун-Дамбе-Хутухте оставляли неограниченные права в религиозных дела, государственные целиком переходили в ведомство Народного правительства. Его члены должны были докладывать Боддо-хану о новых законах и важнейших мероприятиях, однако последний не мог их ни отвергнуть, ни аннулировать¹³³. Для СССР, Коминтерна и большинства членов МНП Боддо-Гэгэн являлся куклой марионеткой, выставляемой напоказ, для монголов же Хутухта оставался по-прежнему главным религиозным и политическим деятелем, символом независимой Монголии.

К князьям и светским чиновникам революционеры проявляли меньшую терпимость. Претерпевшие в бытность свою от «сильных мира сего» некоторые члены партии принялись незамедлительно и с удовольствием обличать «классовую сущность» чиновников старого режима, «которые как псы, воспитанные у ног и дверей господ, привыкли рабски подчиняться»¹³⁴. Взамен старой рабской структуре правительства советские советники предлагали монголам новую – революционную. В директивах Коминтерна отмечалась целесообразность образования «общенационального органа» - правительства (16 июля 1921 Временное народное правительство было переименовано в Народное

¹³¹ Ф. 495. Оп. 154. Д. 106. Л. 51.

¹³² Цибиков Б. Разгром Унгерновшины. - Улан-Удэ, 1947, С. 126.

¹³³ Революционные мероприятия Народного правительства Монголии в 1921-1924 годах. - Москва, 1960, С. 31-33.

¹³⁴ Ф. 495. Оп. 152. Д. 3. Л. 2.

правительство), но значение его определялось как «*коммунистично демонстративное*», так как «*вся практическая работа должна была быть сосредоточена в руках членов Народной партии*¹³⁵. Эта цитата отражает квинтэссенцию социально-политической системы коммунистического толка, ещё далеко не в полной мере проявившуюся в Монголии 20-ых. До 1924 Монголия ассоциировалась с Богдо-Гэгэном и правительством, а не с МНП, о которой население отдалённых районов страны имело весьма смутные представления. Партия была оторвана и «*далека от народа*». Ситуация могла бы напоминать обыкновенный верхушечный переворот, если бы не эффект войны, сопровождавшей первые мероприятия новой власти. Трудно переоценить значение войны в кочевом обществе. Война вела кочевников к единству, сплачивала их вокруг сильной личности. Военные действия для монголов – это способ интеграции социума (на время ведения войны)¹³⁶. Именно война, наличие общего противника (китайцев или войск барона Унгерна), воинский дух, победа объединяли монголов, которые сами сложили эпические легенды о Народной Армии, герое Сухэ-Баторе...

Интеграционная функция войны для общества была исключительно понята коммунистами. Русские большевики применили в монгольских степях метод «*комбинированной войны*» – сочетание идеологической пропаганды с военными действиями. Армию старались использовать как площадку для агитации в пользу Народной партии и правительства. Цирикам предлагалось вступать в партию. Боевые дружины формировались по возможности из членов партии и сочувствующих ей, на посты командиров партизанских отрядов назначали членов партии, в военных частях и отрядах пытались создавать партячейки¹³⁷. Уже 3 августа 1921 комиссия военных спецов 5-ой Армии завершила работу над проектом организации военной системы в Монголии. Был утверждён принцип территориальности при военных призывах, наличие постоянной кадровой армии, институт советских военных инструкторов во главе с начальником штаба.

¹³⁵ Ф. 495. Оп. 152. Д. 5. Л. 9.

¹³⁶ См. Введение С. 8-9.

¹³⁷ Ф. 495. Оп. 152. Д. 5. Л. 29.

Фактор военной помощи Советской России в разгроме Унгерна и приходе к власти в Урге МНП Коминтерн считал решающим¹³⁸. Красноармейцы, пришедшие в монгольские степи уже после того, как Унгерн прогнал оттуда китайцев, с видимой целью добить остатки его войска¹³⁹, достаточно выигрышно смотрелись на фоне зверств Кровавого барона и проводили открытую агитацию среди монголов. В свободное от «работы» время красноармейцы были обязаны завлекать местное население на агитационные митинги, на которые охотливы до зрелых монголов приходили ради концертов в конце программы. Красным воспрещалось принижать национальные и религиозные чувства кочевников. Так, в «Памятке», напечатанной в связи с походом на Ургу, чётко определялась «стоящая религиозная политика»: «монгольские монастыри, храмы, духовные лица... религиозные отношения... должны быть неприкосновенны»¹⁴⁰. При частях Красной Армии в Монголии состояли 5 Уполномоченных НКИД, которые и были всецело ответственны за «регулирование взаимоотношений движущейся по чужой территории армии с туземным населением»¹⁴¹. Буферные части, не имевшие такого института, создавали себе самую отрицательную репутацию. Вообще, метод «комбинированной войны» успешно удалось воплотить лишь в Халхе, так как большинство сил было брошено на завоевание столицы. В отличие от Халхи в Западной Монголии находилось больше китайцев от старого режима и белогвардейцев, пользовавшихся их покровительством; сильны были антикитайские настроения. В связи с этим Коминтерн рекомендовал монгольскому правительству применить метод «комбинированной войны» и на Западе, «используя для этого антикитайское движение населения». «Необходимо придать этому движению определённую форму, склонить в него социальную подкладку»¹⁴². Борьба с китайцами (с их влиянием в экономической, хозяйственной жизни Монголии), как и с некоторыми другими

¹³⁸ Рошин С.К. Проблемы Новейшей Истории Монголии (20-30 годы). - Москва: ИВ РАН, 1997, С. 40.

¹³⁹ Советский план в борьбе с Унгерном заключался в выкуривании последнего из Урги и завлечении к российским границам, «чтобы он памятахся». Ф. 495. Оп. 152. Д. 9. ЛЛ. 10-11.

¹⁴⁰ Цибиков Б. Разгром Унгерновщины. - Улан-Удэ, 1947, С. 122.

¹⁴¹ Ф. 495. Оп. 152. Д. 9. Л. 46.

¹⁴² Ф. 495. Оп. 154. Д. 106. Л. 141.

национальностями (позже бурятами, баргинцами), как с «классовыми врагами», требующим физического уничтожения, ещё много раз будет вспыхивать в 20-40-ых годах. Поскольку монгольская история знала этнический геноцид, страницы уничтожения, вырезания целых народностей по кочевым законам племенной вражды, быть может, что и принцип классовой борьбы был по-своему понятен монголам .

1 августа 1921 было проведено открытое совещание представителей аймаков и различных слоёв населения Монголии, на котором под вывеской отстаивания общегосударственных интересов Монголии провели идею создания единого национального фронта для борьбы с белогвардейцами (и другими классовыми врагами)¹⁴³. 23 августа 1921 сколотили комиссию по «расследованию зверств Унгерна»¹⁴⁴, а также начали набирать милицию из монгольских цирков. Таким образом, новая власть пыталась контролировать и подавлять *неправильные* политические настроения масс. В том же году Военное Министерство объявило мобилизацию¹⁴⁵. Военные действия по «ликвидации белобандитов» и «воссоединению страны под властью Народного правительства» продолжались вплоть до конца 1922. В который раз в монгольской истории повторялся сюжет насаждения административного порядка военными методами. В 1921 Военное ведомство даже занималось доставками продовольствия¹⁴⁶.

С продовольствием и товароснабжением в отдалённых районах Монголии ситуация была неблагоприятной. В 1921 наблюдался неурожай хлеба в отдельных районах страны, а в 1922 случился кризис хлебного рынка¹⁴⁷. Выполнение распоряжений правительства по доставке продовольствия населению было крайне трудно проконтролировать с учётом зачаточного состояния новой административной системы (хотя ещё 11 сентября 1921 в Урге было создано бюро помощи голодающему населению). Происходили миграции населения в «области, более удобные по климатическим условиям»¹⁴⁸, явление для Монголии в целом обычное.

¹⁴³ Ф. 495. Оп. 154. Д. 106. Л. 112.

¹⁴⁴ Ф. 495. Оп. 154. Д. 106. Л. 78.

¹⁴⁵ Ф. 495. Оп. 154. Д. 106. Л. 141.

¹⁴⁶ Ф. 495. Оп. 154. Д. 106. Л. 54.

¹⁴⁷ Национальный архив республики Бурятия. Ф. Р-477. Оп. 1. Д. 84. Лл. 8, 11.

¹⁴⁸ Ф. 495. Оп. 154. Д. 106. Лл. 54, 78.

Летом 1921 вышел проект по организации власти в *автономной*¹⁴⁹ Монголии. ЦК НРП учредил Институт Уполномоченных НРП, в задачи которого входило привлекать виновных в нарушении революционного порядка и ограждать бедное население от притеснений¹⁵⁰. Такая формулировка прав и ответственности уполномоченных партии открывала простор для самоуправства и репрессивной деятельности на местах. С целью упорядочивания административного управления предполагалось также произвести точную перепись населения с учётом возрастного состава и имущественного положения¹⁵¹. В кочевой стране такую задачу было нелегко выполнить, перепись провели только в 1925. И по ныне сбор корректных статистических данных в Монголии весьма затруднён и проблематичен.

Несмотря на «альянс» с ламами, новая революционная власть спешила урезать их права, и в первую очередь ликвидировать Шабинское ведомство, растворить его в аймачной администрации. Уже в 1921 решили «уровнять шабинцев и хошунцев»¹⁵². Однако у этой реформы было много противников, и её удалось провести только в 1923.

В Урге министерства нового Народного правительства пытались прибрать к рукам (экспроприировать экспроприированное) активы и хозяйство бывших ведомств. 31 октября 1921 начало функционировать новое финансовое экономическое министерство. В его ведении находились все стратегические продукты и сырьё: учёт скота и птиценицы, заготовки сена, дров, паровая мельница, пушнина и шерсть, два кожевенных завода, складдарный завод, угольные копи и электростанция¹⁵³. Министерство спускало указы аймачной и хошунной администрации, но проследить их выполнение в то время и в тех условиях было нереально. Постановления, тем не менее, были очень

¹⁴⁹ В 1921 году термин «автономная Монголия» исчез из официальных советско-монгольских документов, речь шла о «свободной» Монголии. В соглашение между Советской Россией и Монголией, подписанное 5 ноября 1921 года, вообще не вошли статьи о международно-правовом статусе Внешней Монголии и её отношениях с Китаем. В советско-китайских документах вопрос о Внешней Монголии решался в пользу автономии в составе Китая. Подробнее см.: Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. - Москва, 2000, С. 103-104.

¹⁵⁰ Ф. 495. Оп. 154. Д. 106. Л. 54.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Ф. 495. Оп. 154. Д. 106. Лл. 77-78.

красноречивы: национализировать покосы, «изымать излишки у князей в ведение Министерства с помощью «наёмных сил пастырьих»; регистрировать заарендуемые участки земли, площадь которых превышала 1000 десятин, и передавать урожай с этих участков «в государственные органы»¹⁵⁴. Беда не приходит одна: в то время в отдельных районах Монголии свирепствовала чума, и новому министерству пришлось изыскивать средства на противочумную амбулаторию и ветеринарные пункты¹⁵⁵.

В 1921 правительство неумело справлялось с финансовым кризисом: в Урге падение бумажных долларов привело к разорению и банкротству иностранных фирм, прежде всего китайских. Правительство пыталось поддержать русские деньги, установить их курс в зависимости от содержания в монетах чистого серебра и тем самым сдерживать валютных спекулянтов. Тем не менее, существовал «чёрный» курс, а на рынках некоторые знаки не принимались вообще¹⁵⁶.

Среди прочих «мирных» и «демократических» преобразований новой революционной власти были два принципиально важных: создание Союза Революционной Молодёжи (СРМ) 10 августа 1921 по инициативе Х. Чойбалсана и появление на арене монгольской политики 30 июня 1922 Государственной Внутренней Охраны (ГВО), у истоков которой в то время стоял бурятский коммунист Э. Ринчин. Это были совершенно разные организации по характеру и целям, но в 1921-1924 их объединяла революционно-карательная деятельность. Естественно, фактическими идеологами-основателями этих организаций были советские и коминтерновские советники.

СРМ под предводительством Чойбалсана, а также Гурсэда, Бавасана, Жадамбы, Буяннэмэха, сыграл огромную роль в политических и социальных переменах в Монголии. Союз развернул активную и экстремистскую деятельность. В его задачи входило создание подобных себе мини-союзов на периферии Монголии, куда народная власть доходила с трудом. Юные члены Союза были радикально революционно настроены и выражали недовольство «медлительностью» МНП по ряду вопросов, например, по поводу политики в

¹⁵⁴ Ф. 495. Оп. 154. Д. 106. Лл. 77-78.

¹⁵⁵ Ф. 495. Оп. 154. Д. 106. Л. 77.

¹⁵⁶ Ф. 495. Оп. 154. Д. 106. Л. 128.

отношении лам. Деятели СРМ настаивали на форсировании процесса «внутреннего расслоения» ламства¹⁵⁷ и «подрыве авторитета буддизма и теократии»¹⁵⁸. Взамен молодые революционеры предлагали аратам изучать европейские естественные науки, представление о которых сами имели весьма смутное. Вообще, ультралевую радикально-настроенную молодёжь, призывающую отказаться от традиционных общественных ценностей, не любит никто во все времена. СРМ, в частности, «дискредитировал себя глупой кампанией по снятию кос и головных украшений»¹⁵⁹. Союз недолюбливали и деятели МНП, и правительства, однако за ним стояла влиятельная организация – Коммунистический Интернационал Молодёжи (КИМ).

В 1921-1924 в Монголии работал уполномоченный КИМ А.Г. Старков. Между тем, Коминтерн не имел подобного постоянного представителя вплоть до 1924 года! Примечательно также, что первый съезд Союза Молодёжи проходил в 1922, а первый съезд Народной Партии фактически в 1923¹⁶⁰! За «успехами» Союза стояли и более серьёзные планы Коминтерна, который в этот период вёл двойную игру на монгольской арене – с одной стороны, поддерживая и направляя МНП, с другой, готовя ей замену – СРМ. Союз Молодёжи ориентировался на захват власти и «превращение» в правительственную партию. Возможность преобразований всех сторон внутренней жизни патриархальной и отсталой Монголии коминтерновцы ставили в зависимость от успеха Союза Молодёжи. Средств на этот эксперимент было потрачено немало. Впоследствии коминтерновцы признали, что, не зная Монголии, с самого начала неправильно поставили вопрос о «воспитании СРМ в духе борьбы с НРП», захвате власти и «всяких левых лозунгов, вроде европеизации той же культуры...»¹⁶¹

¹⁵⁷ «Внутреннее расслоение ламства» – идея Коминтерна о классовой борьбе внутри ламаистской церкви: бедные низшие ламы, угнетаемые зажиточными высшими, должны были подняться и восстать против последних. Ф. 495. Оп. 152. Д. 5. Л. 29.

¹⁵⁸ Ф. 495. Оп. 154. Д. 106. Л. 141.

¹⁵⁹ Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). - Москва: ИВ РАН, 1999, С. 59.

¹⁶⁰ «Только в 1924 году, задним числом, было решено именовать мартовское совещание 1921 года в Кяхте I съездом, а съезд 1923 года – II съездом», - Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). - Москва: ИВ РАН, 1999, С. 148.

¹⁶¹ Ф. 495. Оп. 152. Д. 25. Л. 8.

Политическая конфронтация РСМ и МНП в 1921–1924 отображает социальные противоречия этого периода. Монгольская политическая элита была разделена на два лагеря: жадных до власти ультралевых экстремистов, (РСМ и часть МНП), и «националистов-прогрессистов», стремившихся к независимости Монголии (часть МНП и правительства). Первые были за переход к республиканской форме правления, вторые – за сохранение монархического строя. Представитель КИМа Старков, будучи сам революционером с «юношеским пылом», образно охарактеризовал РСМ как «партию кочевников», а МНП как «партию оседлых и дворянских сословий»¹⁶². Конечно, этим популяризаторским противопоставлением Старков пытался добавить дров в огонь политических расприй монгольской верхушки, однако, позволим себе ниже некоторые рассуждения на сей счёт. «Кочевничество» в этом контексте следует понимать аллегорически, как особый социальный тип, для которого характерна мобильность, отход от традиций, энтузиазм, восприимчивость к новым веяниям времени, желание активно участвовать в политической жизни и добиваться власти, преодолевая все существующие социальные и нравственные барьеры. Такое «кочевничество» обычно носит возрастной характер и свойственно людям с подростковым менталитетом. А какой был возрастной состав членов Союза? (да и МНП)? Среди них сложно было найти кого-нибудь старше тридцати. Работники Коминтерна и КИМа в 20-ых годах в Монголии «делали серьёзную ставку на молодых, смелых, решительных и энергичных», их же они и «вытаскивали, учили вытягиваться и приспособливаться»¹⁶³.

Вообще, социально-политический сценарий захвата власти в центре активными молодыми людьми при общей пассивности основной массы населения, в особенности на периферии, и дальнейшего осуществления передачи власти и передела собственности полулегальным путём, - слишком часто и регулярно повторяется в истории некоторых государств и народов. Более того, как считают некоторые исследователи, в отдельных странах этот «случайный» сюжет эволюционировал до уровня системы. К таким странам порой относят и Россию. Некоторые сторонники этой точки зрения отмечают,

¹⁶² Ф. 495. Оп. 152. Д. 25. Лл. 10-13.

¹⁶³ Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 60.

что Россия в свою очередь позаимствовала эту социально-политическую модель у кочевников Центральной Азии, т. е. политические и культурные традиции России имеют корни в монгольских степях в не меньшей степени, чем в Византии. Преемственность политических традиций Золотой Орды в Московской Руси отмечало не мало историков¹⁶⁴, некоторые из которых пошли ещё дальше и предположили, что «деспотизм Советского государства в XX веке является в значительной степени логической кульминацией одного из его наиболее важных корней, деспотизма Монгольской империи, который в XIII веке был установлен на русской почве...»¹⁶⁵ Эти предположения, возможно, наконец, дадут ответ на вопрос: почему исповедуемый большевиками принцип передела власти-собственности средствами широкомасштабного террора столь благополучно прижился на монгольской почве. Не потому ли, что Советская Россия «вернула» Монголии «саму себя» – тот принцип политической жизни и существования социума («интеграции большого количества населения, рассеянного по огромным степям, в единый военно-политический механизм» при сильной власти)¹⁶⁶, который на время был «отнят» у монголов маньчжурами. Конечно, подобное историческое сравнение остаётся не более чем неразработанной гипотезой, и в рамках данной работы мы не ставим задачу её развить, оставляя эту тему для будущего исследования. Тем не менее, мы уверены, что понимание особенностей интеграции кочевого общества может пролить свет на природу МНП и РСМ.

Природа же ГВО не замедлила проявиться. 29 июля 1922 Народное правительство «для всеобщего сведения» опубликовало «Обращение по поводу распространения слухов», в котором припугнуло «князей, лам, чиновников – всех» «законами и средствами», способными образумить «лескомысленных и

¹⁶⁴ Параллели между Золотой Ордой и Советским Союзом просматриваются на геополитическом уровне: то же географическое пространство, экспансионистская политика. На этом любят спекулировать евразийцы.

¹⁶⁵ Jacob Seiden. The Mongol impact on Russia from the 13th century to the present: Mongol contributions to the political institutions of Muscovy, Imperial Russia, and the Soviet state. - Georgetown University, 1971 (printed in 1992). - (volumes I-III), P. 1005.

¹⁶⁶ Крадин Н.Н. Империя Хунну. - Владивосток, 1996, С. 15.

нечознательных, тех, кто «станет поперёк дороги...»¹⁶⁷ 30 августа 1922 по делу, сфабрикованному ГВО, расстреляли 15 человек. Эта первая политическая репрессия новой власти была направлена против первого премьер-министра этой власти (революция пожирает своих героев) Д. Бодо. Вместе с ним за дело революции сложили свои головы и другие «борцы» – Д. Чагдоржав, У. Дэндэв, Да лама Пунцагдорж... Здесь и в дальнейшем мы не будем углубляться в описание всех перипетий внутрипартийной борьбы, тем более что политический аспект темы подробно освещён в работах С.К. Рошина и Д. Дашпурэва¹⁶⁸. Отметим другое. Документально известно, что главным «застрельщиком» кампании против Бодо был С. Данзан. Почему эти два лидера партии не могли смириться с разницей во взглядах друг друга, подобно кукушатам пытаясь выбросить соперника из гнезда? Первый трагический жребий судьбы выпал Бодо, но вскоре придёт очередь и Данзана, а потом этот сценарий ликвидации бывших товарищей будет неоднократно повторяться. Напоминает ли это внутрипартийную борьбу в Советском Союзе? А может быть старые страницы истории: месть Чингисхана своим обидчикам, его расправы с могущественными соперниками или бывшими закадычными друзьями¹⁶⁹? Вероятно, многим покажется не совсем корректным такой исторический параллелизм. Но столь ли корректна точка зрения о том, что СССР привнёс весь ужас коммунистических репрессий в монгольскую историю XX века? На наш взгляд, принцип уничтожения всех противников (и союзников) на пути к власти был заложен в саму структуру кочевого общества¹⁷⁰, а политика Советского Союза и Коминтерна только возбудила дремавшие силы в монгольской степи...

Зато советские и коминтерновские работники учили монгол новым современным методам государственной идеологической пропаганды. Осенью 1920 вышел первый выпуск «Монгольской Правды», а летом 1921 начинает печататься еженедельная газета ЦК МНП на монгольском языке¹⁷¹.

¹⁶⁷ «Обращение по поводу распространения слухов». См.: Революционные мероприятия Народного правительства Монголии в 1921-1924 гг. - Москва, 1960, С. 39-42.

¹⁶⁸ См. Историографический очерк С. 36-38, 42.

¹⁶⁹ См.: Хара-Даван, Эрэнжэн. Чингис-хан как полководец и его наследие. - Элиста, 1991, С. 32-33, 47, 59.

¹⁷⁰ См.: Dashpurev D., Soni S.K. Reign of Terror in Mongolia 1920-1990. - New Delhi: South Asian Publishers, 1992.

¹⁷¹ Ф. 495. Оп. 154. Д. 106. Л. 76.

Русские революционеры поощряли своих младших монгольских братьев митинговать и праздновать: 8 сентября 1921 в Урге состоялся большой митинг, на котором Данзан «разоблачил деятельность Унгерна и призвал монгол учиться», а 7 ноября столица праздновала четвёртую годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции, и на главной площади собралось 6 тысяч человек.¹⁷²

Собрать кочевников на праздник не так уж трудно. Гораздо сложнее отучить их собираться, - именно это пытались сделать члены СРМ в отношении посещения буддийских храмов, выполнения обрядов, соблюдения ритуалов и т.д. Ещё более устойчивыми были традиционные социально-экономические отношения, араты продолжали исполнять повинности и платить налоги князьям и монастырям. Судопроизводство осуществлялось по старым законам, с применением пыток и телесных наказаний. (Поэтому большевики и хотели извлечь пункт об общей подсудности (и общих налогах) из монгольского проекта по экстерриториальности русских.)¹⁷³

В первые годы революции коминтерновские работники в поисках широкой платформы для своего молодого «детища» - МНП не имели иного выхода, как сохранять титулы князей и высших лам, прибегать к их административному опыту и услугам, участвовать в их междоусобной борьбе, используя её для укрепления своих позиций и авторитета МНП. Монгольские духовные иерархи и крупные влиятельные князья в свою очередь считали, что прибегли к поддержке России в борьбе против Китая за свои национальные интересы.

Об общественной жизни в России и революции 1917 превалирующее большинство князей и лам (за исключением некоторых членов МНП и правительства) если и знали что-то, то это были разрозненные сведения, почерпнутые из бесед с путешественниками, торговцами, бурятскими буддистами, а также из редких книг и газет, издававшихся на монгольском языке. В глазах населения дружба с Советским Союзом была традиционным обращением Внешней Монголии к старшему соседу в сложный период (хотя многих монголов смущало убийство царя), а МНП была новой политической

¹⁷² Ф. 495. Оп. 154. Д. 106. Л. 83, 121.

¹⁷³ Ф. 495. Оп. 152. Д. 9. ЛЛ. 50-51.

группировкой, хотя и несколько непонятной. Дезинтеграция страны и сильное корпоративное управление монастырей на местах зажигало «зелёный свет» деятельности революционеров в центре. Удержание власти Народным правительством в Урге и стало возможным благодаря «лояльному», в целом, отношению князей и высших лам четырёх аймаков. Занятые, в первую очередь, своими «домашними» делами, привыкшие к тому, что проблемы центра их не касаются, они в начале 20-ых так и не поняли, что произошло, какие перемены грядут в их жизни.

Характерно, что саботаж отдельных князей носил пассивный характер (князь Тушету-ханского аймака Дархан-цинь-ван). Некоторые князья спокойно и безразлично восприняли новое правительство (Ширнин-Дамдин, Намсрай). Многие, вдохновлённые изгнанием китайцев со своей земли (как владетельный князь Цэцэн-хан), выражали желание помогать и содействовать мероприятиям Народного правительства, которое порой вызывало в Ургу отдельных хутухт и князей (Бату-Сури-Хубилгана). Ургинским властям с некоторыми удавалось договориться, кого-то купить, от кого-то, наоборот, получить деньги... Члены правительства состояли в личных и деловых (финансовых) отношениях с отдельными князьями и хутухтами, и в таких случаях последние назначались на новые административные должности. Так, Дугар-бэйсе из Цэцэн-ханского аймака благодаря протектированию со стороны Бодо и Чойбалсана в 1922 получил должность командира и сановника пограничного охранного отряда в Дариганге¹⁷⁴. Чойбалсан стремился проводить в аймачную администрацию «своих» кандидатов из Союза Молодёжи (военный губернатор Цэцэн-ханского аймака сын Хатан-батора-вана был его протеже).

Некоторые владетельные князья и высшие духовные иерархи становились членами партии, при этом, оставаясь её явными и прямыми (скрытыми и косвенными были практически все) идеологическими противниками (Ламжаб-гун, назначенный сановником Улясутайского округа).

Были и другие князья, хутухты и командиры, инстинктивно правильно почувствовавшие направление ветра перемен и поспешившие примкнуть к партии и новому правительству, стать проводниками их политики на местах.

¹⁷⁴ «О личностях отдельных руководителей аймаков (Из блокнота монгольского работника). См.: Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. Избранные труды. - Улан-Удэ, 1998, С. 134-135.

Например, бывший командир Юго-западного охранного отряда Дамдин был назначен в 1922 военным губернатором Түшэту-ханского аймака и стал одним из основоположников первой партии ячейки в районе Эрдэнэ-Дзу. По замечанию Э. Ринчино, эта ячейка отличалась особой активностью и «состояла из бедняков и середняков»¹⁷⁵. Насаждением партии ячеек промышляли и ламы (Цорхи-лама-Санджап-Джансан), причём, в таких случаях революционная пропаганда имела особый успех, так как аратам её несли их учителя, наставники и врачи - ламы.

Отдельные сообразительные карьеристы среди ноёнов и хутухт пытались прорваться в высшие эшелоны новой власти, записываясь в её прислужники. Так, невладетельный князь Дугар-бэйсе, состоявший при старом правительстве пограничным сановником в Кяхте, превратился в ревностного сторонника революции в Монголии, публично выступал с речами, резкой критикой и обвинениями в адрес теократов, работал следователем ГВО. Он был и Управделами ЦК партии, и заседал в министерствах, а в 1922 его назначили председателем сейма Сайн-найон-ханского аймака. Как и многие другие «агенты» новой власти Дугар-бэйсе имел репутацию человека нечистого на руку, что не смущало партийных идеологов в те времена. Взаимовыгодное «сотрудничество» Дугар-бэйсе с партией, на наш взгляд, довольно метко охарактеризовал Ринчино: «Партия в своих верхах портит его постельку; поскольку он ей служит»¹⁷⁶. О восприятии монгольскими князьями и религиозными иерархами революционного правительства и МНП как временных союзников в достижении своих частных целей можно судить и по деятельности Дугар-бэйсе на новых административных должностях: он продолжал вести старую тяжбу с одним хошунным князем. Противники Дугар-бэйсе утверждали, что «желание получать княжество является единственным мотивом революционности»¹⁷⁷ Дугар-бэйсе.

Были и князья, демонстрировавшие страх перед новыми порядками, боявшиеся политической и военной расправы (в особенности после случая с Бодо). Например, князь Сайн-найон-ханского аймака Далай-чойн-хор, будучи непопулярен среди населения из-за своих китаевильских взглядов, стал ещё менее популярен, совершив ряд «чудаковатых» поступков: распустил своих

¹⁷⁵ Там же, С. 135.

¹⁷⁶ Там же, С. 137.

¹⁷⁷ Там же, С. 138.

батраков и домашних слуг, начал вести себя как простолюдин – ходить в старых рваных шубах, самостоятельно собирать аргал для топлива¹⁷⁸. Этими поступками Далай-чойн-хор пытался продемонстрировать своё согласие с революционным правительством и идеями социального равенства. Однако это равенство никак не соответствовало традициям монгольского общества, социально-возрастной иерархией, правилам поведения, которые князю подобало соблюдать должным образом. Вместе с тем, цель странного князя была достигнута, он оказался на специальном учёте в Народном правительстве и ГВО...

Некоторые представители духовенства признавали платформу Народной Партии назло своим коллегам-конкурентам (в Шабинском ведомстве было много интриг, религиозных разногласий и личных распри). Дараб-Нбандид-Гэгэн из Сайн-нойн-ханского аймака даже сочинил брошюру под названием «*О светлой правде демократии*», в которой очернил Богдо-Гэгэна, изобразив его как «сильного мира сего», приносящего страдания бедному народу¹⁷⁹. Презрение, которое испытывали отдельные буддийские иерархи к Богдо-Гэгэну, ведшему далеко неблагочестивый и святой образ жизни, подталкивало их к сотрудничеству с Народным правительством, вплоть до поддержки республиканского строя.

Так или иначе, пока Богдо-Гэгэн оставался номинальным владыкой Монголии, а в правительстве были ламы (после Бодо пост премьера занимал Джалханза-хутухта из Дзасакту-ханского аймака), у большинства владетельных духовных иерархов (Дараб-Нбандид-Гэгэн, Дильба-хутухта, Бату-суринхубилган и др.) была надежда, что «своих» не забудут и не обидят.

Особо *взрывоопасные* социальные элементы монгольского общества, как, например, Джя-лама¹⁸⁰, физически ликвидировались новой властью.

По завершении военных действий на территории Монголии Народное правительство в 1923 приступило к активному реформированию старой социально-административной системы. Административное деление страны сохранялось, в целом, в прежних границах вплоть до 1931. 10 юрт (как и при

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же, С. 138-139.

¹⁸⁰ О Джя-ламе см.: Ломакина, Инесса. Голова Джя-ламы. - Улан-Удэ - С.-Петербург, 1993.

Чингисхане) составляли минимальную административную единицу - арван, 50 юрт объединялись в баг, 150 – в сомон. Из сомонов формировались хошуны, из хошунов – аймаки. Границы основных четырёх аймаков – Дзасакту-ханского, Сайн-нойон-ханского, Тушту-ханского и Цэцэн-ханского оставались прежними, только сами аймаки стали именоваться соответственно – Хантайшир-ульский, Цэцэрлэг-Мандальульский, Богд-хан-ульский и Хан-Хэнтэй-ульский аймаки. Из Кобдоского округа сформировали пятый аймак Чандманьульский. Для него, как и для Дариганги были выработаны особые положения. Исключения пришлось сделать и для Шабинского ведомства, однако увидевшее свет в 1923 «Положение о Шаби» по ряду вопросов приравняло права шабинаров к сомонным аратам: аннулировалось право шабинаров на свободное кочевание.

Важной вехой в политической истории монгольской революции явился новый закон о местном самоуправлении. 5 января 1923 Народное правительство утвердило два взаимосвязанных указа – «Положение о местном самоуправлении» и «Положение о правах владетельных и невладетельных князей». Суть этих документов заключалась в ликвидации правления хошуунных ноёнов и замене их новым институтом выборных местных начальников, кандидатуры которых должны были утверждаться в центре. Кандидатов должны были выдвигать народные собрания аратов - хуралы. Сформировать такие местные органы власти, заставить их функционировать в условиях корпоративной системы традиционного кочевого общества было крайне сложно. В 1924 местные хуралы имели во многом номинальное, демонстративное значение.

Продолжалась национализация государственного аппарата. Вводились ограничения иностранной торговли, преимущества на рынке отдавались русским компаниям. 1 ноября 1923 открылся Госторг. В 1924 было принято решение об организации государственного кредитного учреждения, ввели запрет на обращение китайских кредитных билетов. В налоговой сфере господствовало так называемое «подходно-прогрессивное обложение», призванное выбить экономический фундамент из-под ног князей и богатых аратов. С определёнными льготами налогом облагались и монастыри. Борясь с иностранным капиталом (преимущественно китайским) монгольские революционеры по примеру Советской России решили с помощью национально

кооперации. Монгольский Центральный Кооператив (Монценкоп) был создан ещё в декабре 1921 при 70 членах-пайщиках. В 1921-1924 гг. наблюдался рост кооператива, однако, капитал его увеличивался в основном благодаря правительенным ссудам. Существование Монценкона на данном этапе не было в достаточной степени продуктивно, и рынок он завоевал далеко не сразу¹⁸¹. В 1924 Москва предоставила Монценкопу право импорта товаров транзитом через Советский Союз. Товары, завозившиеся из России, реализовывались в Монголии по более низким ценам, нежели в странах-производителях¹⁸². СССР содействовал монголам и в создании торгово-промышленного банка на акционерных началах. Вообще, финансовая поддержка, оказываемая Советским Союзом новой политической элите Монголии, являлась немаловажным условием продвижения СССР и Коминтерна в Монголии. Большевики аннулировали монгольский долг русскому царю в 5 млн. рублей, выдавали ссуды революционному правительству (оформляя их в качестве *секретного дополнения к совместным соглашениям*), погашение которых (*монгольскими продуктами*¹) растягивалось на долгие годы.

Вышеперечисленные мероприятия Народного правительства не уменьшили существующий разрыв между партией и правительством с одной стороны и народом с другой. Жизнь простого населения не улучшалась от «упрочнения правительства и установления государственного контроля»¹⁸³. Увеличение таможенных пошлин не способствовало росту благосостояния аратов. Несмотря на правительственные постановления об отмене круговой поруки в случаях хищений и при погашении долгов отдельных несостоятельных должников¹⁸⁴, взяточничество и насилие при сборе долгов не исчезали. Официально правительство отменило право ванов, гунов, тайджи и лам владеть аратами-хамдилга и использовать труд аратов в принудительном порядке.

¹⁸¹ Материалы IV съезда Монгольского Революционного Союза Молодёжи 17-22 октября 1925, доклад Нацова. См.: Революционная молодёжь Монголии. - Улан-Батор, 1925, С. 26.

¹⁸² Forbath, Ladislaus as related by Geleta, Joseph. The New Mongolia. - London-Toronto, 1936, P. 221.

¹⁸³ Ф. 495. Оп. 152. Д. 21. Л. 7.

¹⁸⁴ Революционные мероприятия Народного правительства Монголии в 1921-1924 гг. - Москва, 1960, С. 124-126.

Однако термин «хамджаага» продолжал фигурировать в документах, а у отдельных лам Шабинского ведомства оставались печати на владение хамдилга¹⁸⁵, что позволяет судить о сохранении элементов домашнего рабства. Даже ограничения в исполнении урточной повинности не облегчили положения пастухов. Традиционные повинности в реальности не ослабевали, а приобщение к новой власти выливалось в членские взносы, составлявшие существенную статью доходов бюджетов местных парт ячеек и революционных союзов¹⁸⁶.

Все социальные и экономические перемены в Монголии проходили на фоне острой политической борьбы МНП и СРМ, «националистов-прогрессистов» и «революционной молодёжи», сторонников теократической монархии и республиканской формы правления, «противников» Коминтерна и его «союзников». Стратегия социальных преобразований монгольского общества путём нивелирования политического и экономического влияния привилегированных слоёв (с их последующим физическим уничтожением), «раслоения лагеря» и воспитания аратов уже жила в умах (и на бумаге) советских и коминтерновских деятелей. Реформы 1921-1924 были «полумерами», возможными в тех условиях, а разговоры в верхах о будущем Монголии велись гораздо более серьёзные. Обстановку накаляла и внутрипартийная борьба.

В начале 20-ых в Монголии новые политические и социальные факторы, привнесённые извне стратегией Советской России и Коминтерна, получили лишь незначительное, точечное развитие, и, в сущности, не изменили образа традиционного монгольского общества. Более того, и СРМ, и ГВО, и новое правительство, и даже МНП, многими с самого начала воспринимались не в духе революционных преобразований, а в рамках традиционных представлений о политических изменениях в центре, освобождения от китайцев и неких скоротечных перемен. Усиление социального гнёта на местах только подтверждало подобный сценарий. Осознание глобальности происходящего приходило со всё возрастающим давлением со стороны Советского Союза и Коминтерна. Во время переговоров с советскими представителями о поставках оружия и предоставлении долгосрочных кредитов, монгольские делегаты порой

¹⁸⁵ Там же: «Постановление об изъятии у лам Великого Шабинского ведомства печатей на право владения аратами-хамдилга», С. 104-105.

¹⁸⁶ Революционная молодёжь Монголии. - Улан-Батор, 1925. С. 62.

прямо задавали вопрос: «Что мы за это должны?», и получали ответ о бескорыстной помощи трудящемуся монгольскому народу¹⁸⁷. При этом обе стороны были далеко не наивны.

Служебные записки некоторых советских работников в Монголии (в особенности, представителей КИМа и негласного «консультанта» ГВО О. Ринчина) были выдержаны в самоуверенном тоне дирижеров монгольской политики. «Ирикская» на государственную службу представителей княжества и ламства, они оправдывались: «Мы намеренно добивались создания в тех же тёплых массах идеологической путаницы и неразберихи (и князь, и святой, а идут вместе с парревправительством...), чтобы на почве этой же путаницы и сдвиги народной идеологии вышибнуть новую революционную идеологию»¹⁸⁸. Хотя эти слова Ринчина, написанные в 1924, - суть политическая игра со своим оппонентом Т. Рыскуловым, в них сдерживается и доля истины. Ринчино не прав в том, что именно советские работники добились «путаницы и неразберихи» в умах монголов. Состояние социальной нестабильности, неравновесия системы было характерно для Монголии первой четверти XX века, а политика Советской России и Коминтерна явилась тем внешним фактором, который приобрёл решающее значение в переструктуризации монгольского общества. Верно то, что «ни князь, ни святой», вступая в соглашение с новой революционной властью, не ведали, не могли предвидеть довольно быстрого исхода этого «альянса», хотя «первые звонки» грядущей расправы уже прозвенели (дело Бодо). По всей видимости, они надеялись, что союз с Советской Россией был временной мерой, «исторической необходимостью» в смутное время, то, что эти времена растянуться на целый век и принципиально изменят культурные ориентиры монголов, они начнут осознавать только в конце 20-ых.

В 1924 произошли важные события, имевшие символическое значение. 20 мая скончался Богдо-Гээн, «продемонстрировав всю тщетность мира сего» (советские ведомства не выразили официальных соболезнований по поводу кончины духовного лидера и владыки Монголии). 3 июня состоялся Пленум ЦК, принявший решение об установлении республиканского правления в

¹⁸⁷ Ф. 495. Оп. 152. Д. 4. Л. 330.

¹⁸⁸ «К последним событиям в Монголии. Народная партия и Союз молодёжи. О соглашательстве партии. Урга, 17 сентября 1924 г.» См.: Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. Избранные труды. - Улан-Удэ, 1998, С. 96.

Монголии, а 4 августа на III съезде МНП ликвидировали «отступническую» группировку Данзана (который в 1922 был один из первых, активно выступавших за республиканскую форму правления) и озвучили фактическое принятие советской стратегии на «*некапиталистическое развитие*».

III съезд стал исходом политической борьбы между левым крылом СРМ (во главе со Старковым и С. Буяннэмэхом) и правым крылом Народной Партии (Данзан). Победителем вышла третья сила – левое крыло НРП. III съезд продемонстрировал кризис партии, которая не была в полной мере «революционной» (такой, какой её хотел видеть Коминтерн). Попытка группы Данзана придать партии националистические черты, «развернуть» её с курса «*некапиталистического развития*», была названа Коминтерном «правой опасностью». Таким образом, в жизнь монгольского общества были привнесены новые методы политической борьбы, – в последующие годы ярлык «левый» – «правый» станет первым инструментом по уничтожению оппонента. На III съезде одновременно с победой группы Цэрэндоржа (будущие «правые») оформилась и их оппозиция – «молодое крыло МНП»¹⁸⁹ (будущие «левые»).

13 июня Народное правительство издало указ о введении в стране республиканского строя и Положения о Государственном Хурале. 26 ноября Великий Народный Хурал утвердил первую конституцию Монгольской Народной Республики (МНР).

Первая монгольская Конституция была соткана из указов, постановлений и решений Народного правительства по реформированию административной системы управления, ограничению прав князей и лам. Таким образом, она закрепляла предшествующие мероприятия правительства. Документ состоял из введения, провозглашавшего в Монголии республиканский строй без президента, и шести глав. Первая глава «*Декларация прав народа Монголии*» содержала общие положения о независимости МНР, власти народа, Великом Народном Хурале и правительстве; вторая глава «*О верховной власти*» повествовала о компетенции и структуре Великого Народного Хурала, Малого Хурала, Президиума Малого Хурала и правительства. Третья глава посвящалась местному самоуправлению, четвёртая – избирательным правам¹⁹⁰, пятая –

¹⁸⁹ Там же, С. 13.

¹⁹⁰ Конституция лишала избирательных прав бывших князей и буддийских иерархов, а также монастырских лам.

бюджетному праву, шестая – государственной печати, гербу и флагу¹⁹¹. Содержание Конституции, её структура, как и модель административно-политической системы МНР, были во многом позаимствованы у СССР. Вообще, первая монгольская Конституция значилась основным законом страны преимущественно на бумаге, в худонах о ней зачастую мало слышали... Новому государству – новая столица: в ноябре 1924 Ургу переименовали в Улан-Батор.

События 1924 – это вехи истории Монголии XX века, появление на карте нового «социалистического» государства, Монгольской Народной Республики. В политическом измерении переход от монархии к республике был весьма драматичной страницей монгольской истории. Он состоялся благодаря активной деятельности МНП, СРМ и ГВО, руководимых и направляемых Коминтерном и КИМом, на фоне военных действий и в союзе с высшими ламами. Последние, чей административный опыт и влияние на население использовали монгольские революционеры и советские коммунисты на первых этапах социальных преобразований, позже были принесены в жертву революции. Переход к республике в 1924 серьёзно ущемлял политические интересы ламства, а конституция лишила владетельных князей политической власти. Тем не менее, законы и указы Народного правительства, провозглашение республики и принятие конституции не оказали существенного влияния на социальные устои и культуру монголов, и до их реального проведения на местах в худонах, где продолжал господствовать традиционный уклад, было ещё далеко.

¹⁹¹ См.: Основной закон (Конституция) МНР и приложения: Монгольское

Глава III. 1925-1928

Республика на перепутье...

Итак, неравновесное состояние системы монгольского общества достигло кульминации к концу 1924 и сместилось к принятию модели, предлагаемой Советским Союзом и Коминтерном, в результате на карте мира появилось второе социалистическое государство (после СССР) – Монгольская Народная Республика. Государственные институты этой республики, провозглашённые первой конституцией, были размыты копией с советской модели. На бумаге выходило, что вся полнота высшей государственной власти принадлежала народу в лице Великого Народного Хурала, в период между его сессиями – Малому Хуралу, а в период между сессиями последнего – Президиуму Малого Хурала и правительству. На практике получалось, что реальная политическая власть в стране была в руках лидеров МНР, которые оказывали беспрецедентное влияние на правительственный курс и подготавливали послушные себе кадры в Малый и Великий Хурал. Подводные течения внутри МНР были во многом подконтрольны Коминтерну.

Вообще, недовольство политикой Коминтерна, противостояние лидеров Народной партии и правительства деятельности отдельных советских работников в Монголии стало ярко проявляться с лета 1924, после того как 31 мая между СССР и Китаем было подписано соглашение, содержащее определение статуса Внешней Монголии как «составной части Китайской республики»¹⁹². Правительство МНР, с одной стороны, не признавало этого советско-китайского соглашения, с другой, было вынуждено «по-прежнему следовать стратегическому курсу на союз с СССР и Коминтерном, являвшимся единственным гарантом сохранения её независимости»¹⁹³ от Китая. Поэтому 1925-1927 годы стали периодом различных колебаний монгольской верхушки – от Коминтерна к японским агентам, от панмонголизма – к Гоминдану. В это время в МНРП усилились националистические тенденции (так называемый

законодательство. - Улан-Батор, 1928, Вып. I.

¹⁹² Подробно см.: Лузянин С.Г. Россия – Монголия - Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. - Москва, 2000, С. 118.

¹⁹³ Там же, С. 121.

«правый уклон»), а со стороны политически ослабленной в связи с кончиной Богдо-Гэгэна буддийской сангхи исходила угроза реставрации (контрреволюции).

Несмотря на то, что изменения государственной системы и правительства свершились в 1924, противоречия «в верхах» монгольского общества не ослабли, а продолжали стремительно нарастать. Старая политическая элита, представленная бывшими князьями, вошедшими в новый административный аппарат, и духовными перархами, уже почувствовала реальную и страшную угрозу своему существованию и стала настойчиво и жестко бороться за выживание, тем более, что в партии и правительстве были сочувствующие ей элементы. МНП сама постепенно разбилась на два лагеря: «стариков правых» (Б. Цэрэндорж, Ц. Дамбадорж, Н. Жадамба, Г. Гэлэгсэнгэ и др.) и дышавших им в затылок «молодых левых» (П. Гэндэн, Ц. Жигжицав, О. Бадрах, З. Шижээ, Ж. Хумбэ, Л. Лааган, Б. Элдэв-Очир), воодушевляемых Коминтерном и КИМом, не только не собирающихся сдавать уже завоёванных позиций, но и претендующих на первую скрипку в управлении страной. Внутри СРМ появились черты реставрации экстремистских тенденций (уже не поддерживаемых, а критикуемых Коминтерном), в частности, искусственное противопоставление Союза Партии как «более революционной и передовой политической организации Монгольской Республики»¹⁹⁴. Радикализм «революционных и передовых левых», как будет видно из следующей главы, в конечном итоге приведёт их к краху. Однако уже в середине 20-ых монголы начинали видеть в «левых» и дирижеров всех социально-политических изменений в стране (причём негативных, как наиболее заметных и ощутимых для населения в переходный период), и диктаторов новой власти (первые звонки репрессий уже раздались)¹⁹⁵.

Как это обычно бывает, после периода «революционного романтизма» (1921-1924) наступает разочарование: монголы, выступавшие на стороне народного героя Сухэ-Батора, испытывавшие эйфорию от изгнания господствующих на их территориях китайцев, вдруг начали замечать, что появившиеся на местах новые администраторы, с одной стороны, продолжают

¹⁹⁴ Ф. 495. Оп. 152. Д. 46. Л. 8.

¹⁹⁵ Ф. 495. Оп. 152. Д. 46. Л. 13.

наживаться точно так же, как и их предшественники, а с другой, руководствуясь непонятными идеями, препятствуют исполнению культов и соблюдению этических норм поведения, принятых в кочевом обществе, например, не проявляют должного почтения к старшим, к ламам, и, вообще, находятся в некой оппозиции по отношению ко всем традиционным устоям, а значит, к самим простым монголам. Для последних эти скороспелые начальники ещё ничего особо ощутимого не сделали, но представили новое налогообложение. Более того, эти новоявленные хозяева окружили себя «зелёной» молодёжью (партий ячейками), которая *«теперь и стремится всем заправлять»*, переворачивая с ног наголову традиционную социально-возрастную иерархию, да ещё и вербует в свои ряды в принудительном порядке. Таким образом, причин для недоброго отношения к «левым» (в особенности, к ревсомольцам) как и со стороны элит, так и со стороны простого населения было немало. Массовое недолюблиwanие «левых» могло повлечь за собой ещё более опасные последствия, например, перерасти в народное противостояние всему новому курсу, правительству, МНП и любому вмешательству со стороны Советской России. Поэтому перед Коминтерном в 1925 стояла сложная задача удержаться в Монголии, с одной стороны, борясь со старыми порядками и реакционными течениями (в особенности, с панмонголизмом и привилегиями Шабинского ведомства), с другой, сдерживая ультра левые тенденции среди молодых монгольских революционеров¹⁹⁶.

Народное правительство под руководством Коминтерна пыталось закрепить социально-административные реформы 1924. Для дальнейшего успешного реформирования монгольского общества (замены существующей структуры новой) необходима была тщательная предварительная подготовка кадров в новую администрацию. Ведь на практике получалось, что во второй половине 20-ых посты даже в столичных органах власти! занимали ламы и шаманы. В министерствах, а также типографиях, большинство работающих обладали духовным званием. Монгольские семьи по-прежнему предпочитали отправлять детей учиться в буддийские монастыри, нежели в новые светские школы. По замечанию Г.Ц. Цыбикова, совершившего поездку в Ургу в 1927,

¹⁹⁶ Ф. 495. Оп. 152. Д. 46. Л. 8.

духовенство и являлось той интеллигентной прослойкой, способной к интеллектуальному труду, к такой работе, «где требовалась развитость»¹⁹⁷.

Повышение общего уровня образованности населения, грамотности, было сложной задачей, стоявшей перед созданным в 1924 Министерством просвещения. Как и в Советском Союзе в МНР образование часто подменялось полит просвещением. По наблюдению того же Цыбикова, шесть издательских организаций – «правительство, Минпрос, Учком, ЦК партии, Ревком и Военвед»¹⁹⁸ занимались печатанием и перепечатыванием постановлений съездов, правительенных вестников, партийных бюллетеней, военных газет, но не изданием столь необходимых учебников¹⁹⁹ или иной литературы. *Новая образованность* распространялась среди монголов, как и прочие нововведения, по партийной линии. В 1925 была основана пионерская организация. Юных пионеров заманивали весельем и развлечениями: участием в митингах, посещением концертов и представлений, поездками на автобусах по Урге «с ветерком» и песнями. Основывались и женские организации, однако их значение было исключительно демонстративно-номинальным.

Буксовало и судопроизводство. Реформа судебной системы началась в конце 1925 и растянулась до начала 1927. В течение этого времени были созданы *общие* суды (Верховный, аймачные и хошуунные) и *особые* (военный и временный по рассмотрению особо опасных государственных преступлений), а также утверждены уголовный, гражданский и процессуальный кодексы. Эта судебная система, обозначенная в документах как «демократическая», призванная пронизать всё монгольское общество – от Кобдо до Дариганги, – в 20-ых годах работала плохо.

Характерно, что во всех новых структурах и организациях монголы сохраняли черты традиционных отношений. Показательна в этом смысле была ситуация с профсоюзами, которые создавались не по производственному (для такой градации необходимо производство), а по национальному признаку: монгольский, русский, китайский... Каждой секции был присущ неповторимый «национальный колорит»: русские, в полной мере ощущавшие

¹⁹⁷ Дневник поездки в Ургу 1927 г. См.: Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. - Новосибирск, 1981. - Т. 2, С. 134.

¹⁹⁸ Там же, С. 131.

¹⁹⁹ Там же, С. 129.

ответственность за младших братьев-кочевников, стремились командовать и заправлять всеми делами, китайцы умудрялись растрачивать внушительные суммы профсоюзных денег, среди монголов царили мелкие склоки. Существовала и внутренняя борьба между секциями²⁰⁰.

Вот такие порой виртуальные, «воздушные» организации были в столице Урге. На местах претворение принципов нового администрирования и управления в жизнь казалось ещё более заоблачным, образование государственных структур носило формальный характер.

После 1925 на местах начался процесс консолидации и одновременно попытки укрупнения партийных организаций. Так, парт ячейки объединялись в парт комитеты, при которых состояли представители-сторонники партии и правительства, наделённые миссией контроля над местной администрацией. Эти «контролёры» пока только оттачивали репрессивные методы по работе с населением через парт ячейки, которым уже в то время отводилась главная роль в поддержании режима действующей политической власти²⁰¹. Партийным и ревсомольским ячейкам как правило предоставлялась казённая юрта и юрта для клуба, а для проведения местных парт съездов собирались «пожертвования» с населения²⁰².

Постановление коллегии Восточного отдела ИККИ от 13 августа 1925 гласило: «усилить работу партии и союза в профсоюзах и, особенно, в кооперации путём укрепления этих организаций работниками и обеспечения твёрдого руководства последними через посредство фракций»; «ЦК должен подготовить на Великий Хурал систему мероприятий, обеспечивающих систематическую проверку деятельности местных органов власти», «укреплять связи с местными аппаратами власти», «поднять авторитет Малого Хурала как высшего законодательно-контрольного правительственныйого органа», «проводить строго классовую линию в судебных органах, защищать рабочих и пролетариев», «подготовить денежную реформу, укрепить Монгольский Банк, бороться с ростовищеским капиталом, осуществить

²⁰⁰ Из доклада о II-ом Пленуме ЦК МНРП. Ф. 495. Оп. 152. Д. 46. Л. 42.

²⁰¹ Rosenberg, Daniel Mark. Political leadership in a Mongolian nomadic pastoralist collective. - University of Minnesota, 1977 (printed in 1992), Р. 12.

²⁰² Революционная молодёжь Монголии. - Улан-Батор, 1925, С. 62.

чистку Монголии»²⁰³. Вот так выглядела в проекте централизация власти в Монголии, сплочение вокруг партии и ЦК. В отношении местных органов управления в 1925 это действительно был лишь проект. В целом, МНРП ещё была очень оторвана от худонов, и её социальный состав был весьма неоднороден²⁰⁴. Да и членов партии и правительства интересовала не столько работа с населением в худонах, сколько политические игры в центре.

«Правые националисты» пытались сплотиться. Панмонголистские тенденции в высших кругах общества ещё больше укреплялись на фоне охлаждения Коминтерна к этой идеи. Коминтерн вступил в новую фазу «дружбы» с Гоминданом и не желал установления «непосредственных связей» между ЦК МНРП и ЦК Народной Партии Внутренней Монголии²⁰⁵. Между тем, новые «левые» спешили установить свой порядок внутри страны, выдвигали решительные предложения по борьбе с ламаистской церковью, вплоть до пропаганды идей безбожия. Реальное осуществление этих предложений могло грозить массовым протестом со стороны населения, на протяжении нескольких веков исповедовавшего буддизм. Коминтерновские советники по Монголии хорошо понимали, что такое развитие событий в конечном итоге погубит «левых» и сыграет на «правые» националистские элементы. Поэтому Коминтерн старался сдерживать «леваков» и проводить в монгольском ЦК «осторожную политику»²⁰⁶.

Среди «правых» некоторые представители ламства и национальные лидеры стали подумывать о реформировании буддизма, дабы «приспособить его к новым условиям жизни». Возникали обновленческие движения буддийской церкви (на основе отсутствия в буддизме идеи бога-творца и, какказалось некоторым, наличия «зачатка теории относительности, т.е. базиса современной мысли»²⁰⁷). Период 1924-1928 годов определяется специалистами также как пан буддийский²⁰⁸. Однако идеологическая борьба с ламством и

²⁰³ Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 56.

²⁰⁴ Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 51

²⁰⁵ Ф. 495. Оп. 152. Д. 46. Л. 8.

²⁰⁶ Ф. 495. Оп. 152. Д. 46. Л. 9.

²⁰⁷ Некоторые бурятские реформаторы буддизма усматривали основные положения этой теории в буддийских понятиях «нирваны» и «кармы».

²⁰⁸ Moses L.W. The Political Role of Mongol Buddhism. - Indiana University, 1977, Р. 175.

возникавшими под буддийскими идеями в этот период казалась «левым» монгольским революционерам и их советским инструкторам отчасти вторичной, главное, что привлекало взоры формирующейся новой политической элиты, – это ламский капитал. Статистика 1924 – 1927 годов показывала рост поголовья скота, принадлежавшего буддийской церкви²⁰⁹. Жизнь в монастырях существенных изменений не претерпела. Тем не менее, лишённые ряда политических прав ламы столичных монастырей могли себе позволить лишь «*поголовину* *бытого размаха*». Уже упоминавшийся нами Цыбиков отмечал «замечательную обходительность и любезность лам», их «принужденность», так как «они не знают ещё, как приспособиться к новой жизни»²¹⁰...

Смерть Богдо-Гэгэна в 1924 поставила целых два глобальных вопроса перед осиротевшим ламством: во-первых, необходимость искать новые формы объединения, во-вторых, проблему распределения «имущества покойного». Руководимые Коминтерном новое монгольское правительство и партия расценивали эти «трудности» как свои. В ЦК не было единодушия по этому вопросу: «правые» высказывались за передачу имущества церкви, «левые» – казне. Решение этого скользкого дела поручили IV съезду МНРП²¹¹ и назначили специальную комиссию во главе с «левым» докладчиком – Х. Чойбалсаном²¹². По вопросу об имуществе Богдо-Гэгэна IV съезд (сентябрь 1925) постановил: 2/3 передать казне, 1/3 – церкви. В дополнении к постановлению говорилось, что богослужебные вещи остаются за церковью. Вместе с тем, IV съезд ярко продемонстрировал рвение «левых», предложивших применение чрезвычайных мер по отношению к ламству. Так, Ракча выступил против принятия в партию лам²¹³.

Сплочению националистических «правых» элементов в ЦК МНРП способствовало разрешение наделавшего большой шум конфликта между

²⁰⁹ Нацов С.Н. Национальная революция монголов // Коммунистический интернационал. - 1928, август. - № 33-34, С. 67-68, 71, 74.

²¹⁰ Дневник поездки в Ургу 1927 г. См.: Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. - Новосибирск, 1981. - Т. 2, С. 151.

²¹¹ Монгольская Народная партия (МНП) была переименована в Монгольскую Народно-Революционную Партию (МНРП) в марте 1925.

²¹² Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 79.

²¹³ Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 105.

Ринчино и Рыскуловым, который закончился отзывом обоих. Это сплочение выразилось, в первую очередь, в попытках ущемить интересы СССР в Монголии, противостоять надвигавшейся угрозе попадания Монголии в орбиту Советского Союза. Монголы решили «притормозить» сближение с северным соседом. Удары начали наноситься по главным столпам утверждения советского господства в МНР – армии, финансам и ГВО. Во-первых, Советские войска в 1925 были выведены с территории МНР. Во-вторых, монголы выдвинули ГВО обвинения в шпионаже в пользу СССР, бывшего начальника сместили, назначили комиссию ЦК по ревизии дел ГВО, выступили с предложением по сокращению численности советских инструкторов с пяти до двух²¹⁴. В-третьих, обвинения предъявили и Монценкопу, критиковали его в частности за то, что он «*перестаёт быть монгольским*», оказывая всяческое содействие советским торговым организациям. В-четвёртых, Министерство Народного Хозяйства и Министерство Финансов воспротивились допущению Госстраха СССР в Монголию и предоставлению ему монополии, хотя это мероприятие сулило монгольской казне 20% от прибылей. Русскому червонцу были поставлены препоны: при ввозе его облагали 20% налогом²¹⁵. В 1925 старые китайские долги ещё не были аннулированы²¹⁶. И это на фоне того, что СССР намеревался «*переместить торговые пути с юга на север*»²¹⁷ и избавиться от «*великолепнейшего, идеального торгового аппарата*» китайцев²¹⁸.

В 1925 Народное правительство МНР (вслед за Советским Союзом) предприняло важный шаг в деле реформирования экономики Монголии – ввело золотой стандарт и национальную валюту – тугрик. Однако проведение этой денежной реформы затянулось на несколько лет: очень сложно было убедить население принять золотой стандарт²¹⁹, так как из века в век монголы привыкли использовать серебро в качестве денег, а золото воспринимали исключительно как товар. Сбор налогов для государственной казны, как и частные сделки, представляли собой долгую и утомительную процедуру: «*массивные*

²¹⁴ Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 61-62.

²¹⁵ Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 63-65.

²¹⁶ Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 80.

²¹⁷ Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 71.

²¹⁸ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 8.

²¹⁹ Forbath, Ladislaus, Geleta, Joseph. The New Mongolia. - London – Toronto, 1936, P. 218.

серебряные слитки грузили на верблюдов или яков, и караваны отправлялись в длительное путешествие за тысячу миль. В результате на заключение сделок уходило много недель, а налогосборщики проводили большую часть своего времени в пути»²²⁰. Более того, в начале 20-ых произошло резкое падение стоимости серебра в Индии и Китае. Реформа была важной и прогрессивной, но буксовала. Хотя положение тугрика постепенно укреплялось, китайский доллар (янчан) продолжал ходить в обращении. Несмотря на то, что 1 апреля 1928 правительство приняло решение изъять из обращения янчаны и слитки серебра, оставив тугрик как единственную законную валюту, но и после этого китайское серебро некоторое время продолжало обслуживать монгольский рынок.

Постепенно крепли тенденции к усилению роли государства в экономике. Начиная с 1925 происходит относительный рост Монценкопа, создаётся Монгольская строительная кооперация (Монголстрой), правительство открывает Монгольский банк торговли и промышленности. В том же году значительно повысили таможенные пошлины на товары иностранных фирм, преимущественно китайских. Впредь для открытия новой торговой точки требовалось специальное разрешение. В Улан-Баторе были введены пошлины на все товары, кроме дров. К весне 1927 ежедневный сбор с товаров из Китая мог доходить до 20 тыс. руб²²¹. Большие ограничения были наложены на экспорт монгольских лошадей и маточного поголовья скота.

Все эти перемены в экономике неразрывно связаны с политической линией СССР в Монголии и экспроприацией имущества бывших элит. Все экономические мероприятия, предлагаемые Коминтерном (не говоря уже о значительных кредитах и ссудах), носили просоветский характер. В жизни, как правило, взявший в долг и не откупившийся от него, обвиняет или даже ненавидит своего кредитора... Вопрос о финансовых вложениях СССР в Монголию всегда являлся крайне скользким. На всём протяжении истории XX века монголы демонстрировали тенденцию к обвинению Советского Союза в

²²⁰ Там же, Р. 218-219.

²²¹ Дневник поездки в Ургу 1927 г. См.: Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. - Новосибирск, 1981. - Т. 2, С. 132.

использовании своих национальных богатств. В 1926 Чойбалсан, заявлял, что Монгольский Банк вовсе не нужен, так как отдаёт предпочтение русским²²².

Вообще, противоборство некоторых монгольских деятелей, даже если и непрямое, а осуществлявшееся путём интриг и мелких пакостей, не могло не настораживать Коминтерн и Москву. Советские инструктора в Монголии получили задание проводить подготовку к IV съезду МНРП с помощью чистки, организовывая её так, чтобы выборы на съезд на местах «проходили под её жёными впечатлениями»²²³. Была поставлена задача избавиться от теократов и князей и сделать социальный состав участников предстоявшего съезда «превращающимся аратским». С чисткой в отдалённые аймаки и хошуны (дюрбетские, дариганги, торгутские, казахские, урянхайские) пришла новая администрация в виде народных хуралов. Изменения в административно-территориальном делении произошли и в Шабинском ведомстве. 20 марта 1925 Ведомство было преобразовано в Дэлгэрхульский аймак.

В резолюции к IV съезду в первый раз прозвучала «правда коммунистов», о том, что «партия вынуждено шла на альянс с теократически-феодальным строем». Это заявление стало своего рода провозглашением открытой борьбы с бывшими князьями и высшим ламством. «Правые» не были расположены легко проглотить подобное откровение: Ц. Дамбадорж, апеллируя к платформе партии, состоявшей из 10 пунктов, пытался доказать, что партия изначально не рассматривала себя в качестве партии аратских масс; но всё было напрасно: ему возражал Н. Жадамба, воодушевлённый поддержкой А. Амагаева и надеждой занять место председателя ЦК. «Левые» заклеймили «стариков» и резолюция была принята.

Социальный состав участников съезда наглядно показал, «какая» была партия...

Социальный состав участников IV съезда МНРП:

Социальные группы	Количество человек
Араты	163
Тайджи	12
Ламы	8

²²² Ф. 495. Оп. 152. Д. 46. Л. 44.

²²³ Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 96.

Женщины	5
Всего	188

Таблица составлена по документам Коминтерна: Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 100.

Среди участников съезда по партийному стажу также преобладал «молодняк»:

Год	Количество человек, вступивших в партию
1921	6
1922	36
1923	27
1924	71
1925	48

Таблица составлена по документам Коминтерна: Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 100.

Лаже состав Президиума был показателен: 4 ургинца и 8 худонцев. Так что, слова Дамбадоржа о том, что партия не аратская, были не совсем верны, по крайней мере, аратское большинство на съезде было обеспечено. «*Кое-кого из правых исключили из партии прямо на съезде, например Амара*»²²⁴. А доклады представителя Коминтерна Амагаева «слушали с большим вниманием и при исключительной тишине»²²⁵. Коллеги по Коминтерну поздравили Амагаева с успешным проведением съезда, однако предупредили от чрезмерного форсирования процесса укрепления левого крыла²²⁶. Рекомендовалось также удерживать «левых экстремистов» от скорейшей расправы над ламами: на волне недовольства населения антиламской политикой «контрреволюционные элементы» могли объединиться и, сковырнув «левых», поставить под угрозу завоевания Коминтерна в Монголии. После IV съезда «правые» выдвинули «опасный» лозунг «*монголизация аппарата*», на деле означавший желание избавиться от коминтерновских советников и советских инструкторов, занимавших важные должности в госаппарате.

Сопротивление «левых» выразилось, в первую очередь, в форсировании «решения ламского вопроса» (позже его свяжут воедино и с панмонголизмом и

²²⁴ Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 106.

²²⁵ Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 107.

²²⁶ Письмо Амагаеву в Ургу от Г. Войтинского. Пекин. 21 октября. 1925 г. Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Лл. 124-125.

деятельностью японских «подрывников»). После разоблачения своей же тактики сотрудничества с ламами на IV съезде революционеры вступили на путь открытого противостояния политическому влиянию буддизма и сангхи в Монголии. 3 сентября 1926 как развитие соответствующей статьи первой Конституции МНР был принят закон об отделении религии от государства. Поводом к такой мере явилась весьма серьёзная попытка объединения ламаистской церкви, поддерживаемая некоторыми «правыми» членами ЦК. Жаркая дискуссия по этому вопросу разгорелась в ноябре 1925 на втором Пленуме ЦК, на котором столкнулись две точки зрения. Группа Цэрэндоржа, Амара, Максаржаба и др. «хотя бы поддержала» верхушку двух ведущих столичных монастырей – Гандана и Дзун-Хуре, созвавшую организационное собрание высшего ламства и назвавшую его Малым Хуралом. На этом собрании они решили создать Центральное Церковное Управление и созвать Великий Хурал Буддийской церкви. Иными словами, на лицо была отчаянная попытка вернуть себе былые права. Разумеется, специальная комиссия, состоявшая из Дамбадоржа, Жамцрано и Амагаева, приняла решение «этого не допускать»²²⁷. Несмотря на все возражения оппонентов (Амар, например, высказался так: «...ламство должно администрироваться, хотя бы потому, что они не являются скотами»²²⁸), большинство ЦК выступило за ускорение полной и окончательной ликвидации остатков администрации Шабинского ведомства и за присоединение его населения к остальным аймакам по территориальному признаку. В 1926 Дэлгерихульский аймак был упразднён, и бывшие шабинские отоки преобразованы в хошуны.

Тактическая задача МНРП – использование авторитета ламаистского духовенства, - уступила стратегической – нивелирование старых элит и администрации при последовательной подготовке новых кадров. Именно такой жёсткий курс на переструктурализацию традиционного монгольского общества и выкристализацию новых элементов системы путём перетасовки верхов и низов проводил в это время Коминтерн (несмотря на имевшиеся внутренние разногласия по «монгольскому вопросу»).

²²⁷ Ф. 495. Оп. 152. Д. 46. Л. 32.

²²⁸ Там же, Л. 33.

Старые члены МНРП, представители княжеского сословия и высшего ламства, с неподдельным удивлением замечали, что им готовится смена из «тёмных, наивных аратов»²²⁹, способных пойти на поводу у Советского Союза, растеряв по дороге национальные интересы. Это подозрение имело под собой основания: новое время диктовало соответствующую политику – «борьбу за кресла», в которой для достижения цели «все средства хороши». Коминтерн протежировал новых кандидатов во власть: Н. Гэндэна, Г. Гэлэгсэнгэ, О. Бадраха, Ж. Дамдинсурэна, Дугара, В. Дорлигжава; которые являлись «чистыми, незатронутыми хитрецой Ургинской городской жизни представителями аратской толщи населения», «с инстинктивным стремлением и большой верой в ЦК и СССР»²³⁰. Об инстинктивном стремлении монгольских революционеров мы уже рассуждали в предыдущей главе. «Инстинкт выживания» в жестокой политической борьбе, усмирение населения террором и страхом, использование союзника (СССР) для прихода к власти, - всё это не было принципиально новым для кочевников.

Монголы, конечно, были признательны Советскому Союзу за «зачистку» своей территории от китайцев (как когда-то они были благодарны и Унгерну), но считали, что пришло время молча попрощаться. Среди монгольской элиты крепло убеждение, что Коминтерн и СССР «засиделись в гостях», и что пора их «прогнать домой». Ошибки, зачастую незнание и непонимание Монголии советскими инструкторами всё больше и больше раздражали представителей монгольской власти, а высшие ламы, уже достаточно прочувствовавшие на своей шкуре жёсткие директивы из Москвы, были готовы радостно поддержать любое недовольство. На протяжении 1925-1927 годов они постепенно сдавали свои политические позиции, однако на фоне наблюдавшегося в те годы относительного экономического благополучия и даже роста капитала у них оставалась надежда на реванш. Всяческую поддержку в этом деле им старались оказывать японские агенты, провоцирующие и разжигающие панмонгольские настроения во Внутренней

²²⁹ Там же, Л. 19.

²³⁰ Ф. 495. Оп. 152. Д. 46. Лл. 14, 31.

Монголии²³¹. В ламской среде наблюдался ренессанс панмонголизма и панбуддизма в том виде, в котором эти общественные течения зародились в период независимости 1911. Обладая огромным влиянием и авторитетом среди простого населения (монголы продолжали отдавать детей в монастыри) и опираясь на поддержку Японии, играя на националистических настроениях и тенденциях к объединению Внешней и Внутренней Монголии, ламы представляли собой серьёзную угрозу новому ещё слабому режиму. Функционирование этого режима Коминтерн и прочие советские ведомства в середине 20-ых могли контролировать только в центре, в Улан-Баторе. В других районах, в особенности, на окраинах это было весьма проблематично. «Грубую силу» применять было противопоказано, так как на волне националистских настроений, подогреваемых почтенными и уважаемыми ламами, монголы могли объединиться против внешнего врага – СССР. Тогда мог бы произойти и контр переворот в правительстве, и «правые» панмонголисты уничтожили бы «левых» и прогнали советских работников. В 1926 монгольское руководство начало серьёзно задумываться над выбором нового союзника для воплощения идеи объединения монгольских народов и в качестве такового рассматривало Фэн Юйсяна, который в свою очередь им подыгрывал²³². Вообще, до пограничных с Китаем районов Внешней Монголии революционная власть не доходила, и китайцы активно занимались контрпропагандой, а в отдельных областях Внутренней Монголии народ продолжал считать, что живёт при цинской администрации (платили подати Сининскому амбаню). «Народная масса Кукунора не представляет революции, и про хаихасцев рассказывают разные небылицы, как убийство всех поёнов и лам, отнятие имущества имущих и раздача беднякам, о русском заселении и т.п.»²³³ Политика Коминтерна в 1925-1927 годах не уменьшала политического и идеологического водораздела между Внутренней и Внешней Монголией.

В связи с первостепенной задачей выдвижения аратов 29 мая 1926 начинается первая широкая кампания по работе с населением в хутонах,

²³¹ Японские агенты уже действовали во Внешней Монголии с середины 20-ых. См.: Лузянин С.Г. Россия – Монголия - Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. - Москва, 2000, С. 132-133.

²³² Там же, С. 135.

²³³ Дневник поездки в Ургу 1927 г. См.: Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. - Новосибирск, 1981. - Т. 2, С. 130.

выезды работников центра на места²³⁴. На местах в партию порой приходилось вербовать в принудительном порядке, так как араты вели свой привычный образ жизни, часто не понимая, что такое республика – факт, сильно раздражавший коминтерновских работников. После IV съезда партийную работу разделили на два периода: зимний и летний (летом легче работать в худонах)²³⁵, также приняли решение о переходе на плановую работу, однако полностью претворить его в жизнь в 20-ых было нереально: у мелких партийных ячеек отсутствовал какой-либо намёк на ведение делопроизводства, принятые решения не фиксировались. Иногда партийцы просили лам записать постановления парт заседаний на тибетском языке²³⁶. Можно только догадываться, кто и как знакомился с этими письменными документами. Таким образом, работа местных парткомов была крайне затруднена. Поскольку советские коммунисты и монгольские революционеры считали, что повысить производительность и эффективность исполнительной власти можно путём репрессий и чисток, то и решение вышеобозначенной проблемы нашли соответствующее, – после V съезда МНРП в сентябре 1926 создали комиссию по чистке в партийном аппарате²³⁷.

Эта чистка конца 1926 – начала 1927 также являлась противодействием политики «монголизации аппарата», поддерживаемой «правыми». По иронии истории лозунг «монголизации» изначально был выдвинут Коминтерном и подразумевал не что иное, как подготовку национальных кадров в партийные и государственные структуры управления. Однако монголы восприняли и растолковали «монголизацию» по-своему, теперь под «этую статью» попадали все начинания «правых», направленные против советского влияния в стране. В Резолюции от 17 января 1927 Дальне-Восточный Секретариат ИККИ выразил своё видение проблемы: «Старое чиновничество должно было попытаться сохранить свои места, вес, роль в госаппарате и найти такую формулу защиты своих интересов, которая, в конечном итоге, не противоречила бы революционному духу времени, но вместе могла бы отражать национальные интересы. И такую формулу эта группа чиновничества нашла в искажении

²³⁴ Ф. 495. Оп. 3. Д. 46. Л. 66.; Ф. 495. Оп. 152. Д. 46. Л. 60.

²³⁵ Ф. 495. Оп. 152. Д. 51. Л. 1.

²³⁶ Ф. 495. Оп. 154. Д. 387. Л. 26.

²³⁷ Ф. 495. Оп. 152. Д. 51. Л. 23.

политической линии партии в деле монголизации аппарата и тех учреждений, в которых монгольские работники являются в меньшинстве или играют подчинённую роль (Монценкоп, Ветуправление). Правильную директиву партии о постепенной монголизации аппарата Монценкопа они, превратно исказив, хотели сделать общей директивой в отношении всего госаппарата»²³⁸. Несмотря на весь догматизм своих «революционных» взглядов, коминтерновцы адекватно оценили политическую реальность: «правый» уклон был попыткой старых элит если и не сохранить свои позиции, то, по крайней мере, удержаться на плаву. Более того, «правый» уклон был необходим и «левым»: радикальные преобразования в обществе возможны только в период социальной нестабильности и при наличии активной политической оппозиции. Иными словами, «правая угроза» предоставляла дополнительные поводы для ответных репрессивных акций.

Однако время для «ответа» в 1927 ещё не наступило. Кроме того, советские работники с сожалением отмечали «некий упадок активности ревсомола»²³⁹. Потрёпанный чисткой СРМ к этому времени перестал являться радикальной революционной организацией, конкурирующей с МНРП. Монгольский ревсомол постепенно занял ту же нишу, что и Комсомол в Советском Союзе, теперь его задача заключалась в передаче своих повзрослевших членов партии.

Точечное развитие социализма в Улан-Баторе уже приносило свои первые плоды в 1925-1928 годах. Государственные и партийные структуры, социально-административные реформы были калькой с советской модели. Примечательно, что не только структура, но и атмосфера партийных ведомств в Монголии была копией советской. Это отразил в своём дневнике уже не раз упоминавшийся нами Г.Ц. Цыбиков: «... заходит в ЦК партии. Организация такая же, как у нас. В одном здании ЦК, в другом ЦК ревсомола, в третьем - бюро профсоюза. Тут 4 союза: служащих, рабочих, торговцев и транспортников. Два стола окружены клиентами: рабочими и торговцами. На улице у ворот здания четверо из исправдома чистят сор: кладут на тележку. За ними следят два милиционера. Форма их одинаковая с формой наших

²³⁸ Ф. 945. Оп. 2. Д. 70б. Л. 259.

²³⁹ Ф. 495. Оп. 154. Д. 297. Л. 11.

митициотеров»²⁴⁰. Конечно, «калька» или «копия» – это не оригинал, и если вникнуть в суть работы партийных структур, правительства и министерств МНР второй половины 20-ых, то она предстанет весьма противоречивым сочетанием традиционных и революционных черт.

Картина повседневной жизни Улан-Батора – также причудливая смесь старого и нового, традиционного быта и насаждаемой сверху европейской культуры. Появлялись новые виды транспорта и средства связи. Регулярно из Верхнеудинска и Кяхты в Улан-Батор летали аэропланы. В столице «рядом с выручными верблюдами и арбами с волами проскаакивали автомобили и извозчики»²⁴¹. Некоторые городские монголы пересели с лошади на велосипед. На демонстрациях по главной площади Улан-Батора проходила бронетехника. Всё это были некие внешние атрибуты перемен, ещё не повлиявшие серьёзным образом на сознание людей. Хотя на празднике Первомая 1927 собрались «партийцы, ревсомальцы, профсоюзные работники, представительницы женских организаций, пионеры, школьники и даже детские ясли», но мало кто из присутствующих осознавал назначение и смысл демонстрации. Несмотря на то, что в китайском театре Улан-Батора устраивались вечера международной песни, однако не знаяшие традиции светских игр в закрытом помещении монголы мало обращали внимания на сцену, «громко перекликаться, смеяться на свои темы, курить, лиши помочь на пол и т.п.»²⁴²... «Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним», - через каких-то десять лет разыгрываемый на сцене спектакль завоюет зрителя, а у присутствующей в театре милиции появятся новые полномочия удалять нарушителей общественного спокойствия.

В 1925-1928 годах публику подготавливали к адекватному восприятию пьесы. В этой связи правительством были поставлены задачи по «ликвидации технической неграмотности членов партии», а также «организации в худонах юрт-читатен, красных уголков», «использовании радиосвязи», «привлечении женщин»²⁴³ в общественную жизнь. «Потенциально неспособных» актёров и зрителей необходимо было отсеять на начальных этапах: было заявлено о

²⁴⁰ Дневник поездки в Ургу 1927 г. См.: Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. - Новосибирск, 1981. - Т. 2, С. 128.

²⁴¹ Там же, С. 131.

²⁴² Там же, С. 142-143.

²⁴³ Ф. 945. Оп. 2. Д. 706. Л. 263.

«недопустимости содержания на государственной службе политически враждебных антисоветских элементов (русских белогвардейцев и т.д.), которые иди на монгольскую работу только из-за куска хлеба и всегда могли предать (в 1927 трое русских ветврачей бежали в Манчжурию)»²⁴⁴.

Для подготовки верных монголо-советской дружбе национальных кадров ещё в 1923-1924 годах начали отправлять молодых людей на учёбу в СССР, а также организовывать курсы, школы, народные университеты в столице и аймачных центрах. Д. Дашпурев в своей книге²⁴⁵ выделяет три основных института по подготовке монгольских кадров для построения социалистического общества. Это Коммунистический Университет Трудящихся Востока (КУТВ), Военная Школа в Твери и Партийная Школа в Улан-Баторе. В этих институтах советские инструкторы обучали монголов теории и практике коммунизма, *прямо со скамьи* приобщая студентов к партийной работе. Уже к началу 30-ых сложно будет встретить партийного работника, не прошедшего полный или частичный курс обучения в этих образовательных заведениях. В 1927 в партшколе Улан-Батора обучалось 130 человек, из них 30 женщин. Условием поступления являлась элементарная грамотность. Общий курс обучения был рассчитан на год, специальный – на полтора²⁴⁶. Вот такой срок требовался для того, чтобы считаться вполне пригодным и образованным для партийной работы и политической деятельности.

19 января 1928 Монгольская Комиссия ИККИ решила предоставлять монголам возможность поступления не только в политические ВУЗы СССР, но также «практическо-техническо-хозяйственные». Впоследствии все монгольские кадры ковались и «перековывались» в Советском Союзе.

Так или иначе, путь монгольского народа к социализму не был ровным и прямым. В 1927 над социальными преобразованиями МНР нависла серьёзная угроза отклонения от намеченного курса «некапиталистического развития», усиливавшаяся на нараставшей волне националистических настроений. Подпитку монгольские националисты-реформаторы черпали, в первую очередь,

²⁴⁴ Ф. 945. Оп. 2. Д. 706, Л. 260.

²⁴⁵ Dashpurev D., Soni S.K. Reign of Terror in Mongolia 1920-1990. - New Delhi: South Asian Publishers, 1992.

²⁴⁶ Дневник поездки в Ургу 1927 г. См.: Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. - Новосибирск, 1981. - Т. 2, С. 146.

из складывавшейся международной обстановки, которая менялась на протяжении всего года.

В начале 1927 СССР, делая ставку на Гоминдан, поддерживал автономный статус Внешней Монголии в составе Китая, проводя курс на чёткое разграничение своей политики в отношении двух Монголий, подавляя панмонгольские тенденции к их объединению. «Национально-революционное движение во Внутренней Монголии должно находиться вне непосредственного руководства Внешней Монголии, для руководства этим движением существует самостоятельная Народно-Революционная Партия Внутренней Монголии (НРПВМ), работающая по директивам Коминтерна»²⁴⁷. Деятельность НРПВМ была отдана на откуп китайским генералам, среди её руководителей и активистов царили интриги, заговоры и предательства. Партия всегда была не прочь подружиться с князьями, использовать их и быть используемой. Председатель ЦК НРПВМ Бай Юнти (монг. Цэрэн Донров) являлся одновременно членом ЦК Гоминдана (при этом, по мнению Коминтерна, из всего ЦК был наиболее предан интересам НРПВМ) и принял от Фэн Юйсяна пост комиссара «по умиротворению Внутренней Монголии»²⁴⁸. Этот лидер революции Внутренней Монголии был тесно связан с генералами Фэна, а также являлся страстным курильщиком опиума. Революционеры Внешней Монголии его ненавидели. Недоверчиво Улан-Батор относился и к другим деятелям НРПВМ – Мандалту, Алтану²⁴⁹. Не вдаваясь в детали сложных взаимоотношений между МНР, Китаем и СССР в этот период²⁵⁰, отметим, что панмонголистский интерес халхасцев к Внутренней Монголии был очевиден (велись поставки оружия и инструктирование по партийной линии, члены НРПВМ пребывали в Улан-Баторе, где также находились представительства Фэна)²⁵¹, но сдержан. Внешняя Монголия скорее желала видеть между собой и Китаем буфер, но при сохранении всех торгово-экономических и родственных

²⁴⁷ Ф. 495. Оп. 154. Д. 297. Л. 24.

²⁴⁸ Ф. 495. Оп. 154. Д. 297. Л. 27.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Подробно по этому вопросу см.: Лузянин С.Г. Россия – Монголия - Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. - Москва, 2000, С. 136-146.

²⁵¹ Ф. 495. Оп. 154. Д. 297. ЛЛ. 29-30.

отношений²⁵². Летом 1927 международная ситуация в корне изменилась: с переворотом Чан Кайши и переходом на его сторону Фэн Юйсяна Коминтерн потерпел фиаско в Восточной Азии. На фоне провала китайской революции и победы Гоминдана националистические настроения крепли вместе с «правыми» как и Внешней, так и Внутренней Монголии²⁵³. Разочарованные коминтерновцы в декабре стали «склонять коммунистические элементы» в составе НРПВМ и планировать их дальнейшее слияние с Коммунистической Партией Китая²⁵⁴. Эти события естественным образом отдаляли МНР, в свою очередь опасавшейся вторжения китайских милитаристов на свою территорию, от возможности объединения с Внутренней Монгoliей. Через год в августе 1928 Баргинское восстание под предводительством Мэрсээ, к подготовке которого Коминтерн имел непосредственное отношение, было принесено в жертву интересам советской дипломатии. В 1928 руководителей восстания объявили «японскими агентами», а спустя десять лет все баргинцы, проживавшие на территории МНР, подверглись жестоким репрессиям.

Итак, изменения в международной обстановке в течение 1927 отражались на политических играх внутри МНР. Монголы были недовольны непоследовательной политикой Москвы и «склонялись вправо». В мае «правые» начали предпринимать серьёзные попытки разгромить «левую» хулонскую группу²⁵⁵, а в марте ЦК МНРП поддержал платформу Б. Цэрэндоржа – Ц. Жамцрано об «укреплении монгольского национального корня» и «постепенном освобождении от политического влияния СССР»²⁵⁶.

В этом смысле закономерным стал результат VI съезда МНРП в сентябре 1927, - «правые» временно победили. На съезде их оказалось большинство (и это несмотря на то, что среди 162 делегатов съезда не было «ни одного крупного феодала или теократа» и «ни один тайджи и 1 лама!»)²⁵⁷, а позиция «статус-кво»²⁵⁸, которую коминтерновцы заняли на съезде,

²⁵² Там же.

²⁵³ Ф. 495. Оп. 154. Д. 297. Л. 207.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Ф. 495. Оп. 3. Д. 46. ЛЛ. 140-143.

²⁵⁶ Лузянин С.Г. Россия – Монголия - Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. - Москва, 2000, С. 146.

²⁵⁷ Ф. 495. Оп. 152. Д. 51. ЛЛ. 2-3.

²⁵⁸ Там же, Л. 16.

подтолкнула к ним колебавшихся «центристов»²⁵⁹. Получилось, что Коминтерн объективно поддержал «правых» на VI съезде. Такой исход дела был для Москвы неудовлетворительным, поэтому ИККИ пришлось пересмотреть свою позицию на VI съезде и впредь не отступать от курса борьбы с «правыми». Вместе с тем, «левым» и Коминтерну пришлось «принять» решения VI съезда, смириться с большинством «правых» в партийном аппарате и впредь избегать «открытых выступлений» против них²⁶⁰. Вообще, тот факт, что государственный аппарат был в основном в руках «правых», казался не столь убийственным на фоне достаточно благоприятной обстановки в армии. «Без поддержки армии этот аппарат - ничто», замечали коминтерновцы, - «а в армии у нас 50% партийцев»²⁶¹. Как мы уже не раз писали в предыдущих главах, военная сила – один из главных факторов успеха в степях Центральной Азии, но поскольку «удержать мир на коне невозможно», у Дальневосточного Секретариата Коминтерна был стратегический план, который заключался в «выдвижении низовых элементов и окружении ими «правых» в правительстве». Однако для его осуществления требовалось время, так как этим «элементам» (аратам) ещё предстояло усвоить азы ориентации в новой политической обстановке.

Москва и Коминтерн опасались, что победа «правых» на VI съезде выльется в серьёзный отход МНРП от Коминтерна и СССР; печальный случай с Гоминданом, провал надежд, связанных с революцией в Китае, кое-чему научил советские ведомства²⁶²: несмотря на имевшиеся разногласия, большинство высказывалось за «интенсивную поддержку» «левых» и привлечение широких масс населения. Для успокоения народа решили в скором порядке выработать и запустить экономическую программу, тем паче, что китайские события лета 1927 ударили по экономическим связям с Китаем и основным торговым путем на юге Монголии, повышая значение северных. Таким образом, отход Гоминдана от Коминтерна и предательство Фэна влияли не только на политику «правых» внутри МНРП, но и открывали новые возможности для реализации экономических интересов СССР в Монголии, и эту возможность Москва не

²⁵⁹ Ф. 495. Оп. 2. Д. 706. Лл. 259-260.

²⁶⁰ Ф. 495. Оп. 3. Д. 46. Лл. 10-11.

²⁶¹ Ф. 495. Оп. 3. Д. 46. Л. 33.

²⁶² Ф. 495. Оп. 3. Д. 46. Л. 34.

собиралась упускать. Подготовка к VII съезду началась незамедлительно после VI, причем, как и со стороны Коминтерна и «левых», так и со стороны «правых».

В начале 1928 Ц. Дамбадорж вёл личную переписку с заведующим Восточным отделом Ф. Петровым. Содержание этой переписки даёт нам яркую картину внутриполитической борьбы в Монголии между VI и VII съездами партии, а также чётко обрисовывают разногласия во взглядах «левых» монгольских революционеров и коминтерновских работников в определении политического курса и программы социальных преобразований. Укрепление позиций «правых» после VI съезда на фоне «статус-кво» Коминтерна сильно беспокоило «левых». Эти молодые и активные, уже успевшие почувствовать вкус власти и рвущиеся вперёд «социальные элементы», о характере которых мы рассуждали в предыдущей главе, не собирались делать ни шага назад. Переполошившись, они стали настраивать Коминтерн против «правых», настаивая на необходимости отставки Б. Цэрэндоржа с поста премьера, выражая свои крайние опасения националистическими настроениями в ЦК МНРП. Дамбадорж в своих письмах жаловался Петрову, что некоторые члены ЦК, как, например, В. Дорлигжав, пытались «*оформить систему двух фракций в партии*» путём резкого противопоставления старых и новых её членов²⁶³. Дорлигжав агитировал в пользу «*поголовной смеси руководства старых членов партии молодыми или ургинцами – провинциалами*»²⁶⁴. Стоит ещё раз подчеркнуть, что подобные выступления являлись инициативой самих монголов, а не Москвы, и не Коминтерна. Коминтерн, напротив, старался тушить вспыхнувшее пламя монгольских политических страстей. Мартовский пленум ЦК 1927 принял решение о единстве партии, но не изменил ситуации внутри МНРП: хотя единство и было зафиксировано на бумаге, но в реальности его не было.

Да, Коминтерн действительно «рекомендовал» МНРП, и это явственно следует из ответов Петрова на письма Дамбадоржа, и «твёрдый курс налево», и «энергичную чистку», и «борьбу с феодально-феодальным прошлым», и «охудонование всей государственной и партийной машины»²⁶⁵. Однако в

²⁶³ Ф. 495. Оп. 154. Д. 276. Л. 196.

²⁶⁴ Ф. 495. Оп. 3. Д. 55. Л. 17.

²⁶⁵ Ф. 495. Оп. 3. Д. 55. Л. 16.

каждой резолюции ИККИ подчёркивалась необходимость поэтапного осуществления намеченного курса и далеко не столь экстремистскими методами, как представлялось молодым монгольским партийцам. Неужели Коминтерн так до конца и не отдавал себе отчёт, с кем имеет дело, как будто и не подозревал, чем могут отзываться его рекомендации? Все «советы» были восприняты монголами, но совсем иным образом, нежели представляли себе коминтерновцы: «В Монголии оказались люди более рьяные, чем коммунисты»²⁶⁶. Оказывается, монгольские товарищи ещё в 1927 сами предложили обсуждение вопроса о создании Монгольской Коммунистической Партии. В ответ на это Коминтерн разъяснял им, что «такая партия – это партия промышленного пролетариата», поэтому и невозможна в Монголии²⁶⁷.

Монголы, с одной стороны, «адекватно» воспринимали советские методы ликвидации политических противников, с другой, проявляли слишком большое нетерпение, желая расправиться со «старичками товарищами». Особое развитие получила рекомендация Коминтерна о «ликвидации экономических пережитков феодально-феодального прошлого». Экстремистское понимание монголами классовой борьбы вылилось в кампанию по экспроприации имущества монастырей и лам в 1930-1932 годах.

В период 1927-1928 годов монгольская политическая жизнь была очень насыщена, монголы проявляли значительную самостоятельность в своих внутренних делах, порой сталкивая лбами различные течения внутри Коминтерна, порой, прикрываясь именем Коминтерна, проводили политические решения в своих интересах. Возвращаясь к переписке Дамбадоржа с Петровым, отметим, что она была использована первым как орудие внутрипартийной борьбы. Ссылаясь на письма Петрова, Дамбадорж информировал своих товарищей по партии, что Политсекретариат ИККИ выступил с предложением о проведении «ряда конкретных мероприятий» по борьбе с «правой опасностью», а именно: «конфискации имущества монастырей, князей,

²⁶⁶ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 56.

²⁶⁷ Ф. 495. Оп. 152. Д. 51. Л. 10.

чиновников и новой буржуазии»²⁶⁸. Политсекретариат был вынужден категорически опровергать заявления Дамбадоржа. В сентябре 1928 Коминтерн писал о «несвоевременности перехода власти в руки только лево-худонской оппозиции»²⁶⁹. Консул Васильев поддерживал Цэрэндорж в правительстве. Усиливалось противостояние лидеров партии и правительства (аналогично противостоянию Коминтерна и НКИД). Позиции МНРП были ещё не так прочны, массовой партией она пока не являлась, будучи в реальности представленной «известной руководящей ячейкой в центре /а остальное пассив/»²⁷⁰. К VII съезду и в этом центре назревал острый кризис.

Пика драматизма политическая борьба верхушки монгольского общества достигла накануне и во время VII съезда. И «правые», и «левые» вели себя очень независимо и решительно, были готовы отчаянно бороться за власть до полного уничтожения друг друга. «Правые» не ознакомили своих коллег с рядом важных документов Коминтерна, развернули широкую антисоветскую и антикоминетновскую пропаганду. Дамбадорж не поделился с товарищами письмами Петрова. Перед самым съездом начались аресты: «левые» задумали устроить «правым» «ночь длинных ножей». Коминтерн на съезде строго осудил подобные «мексиканские методы»²⁷¹.

Политическая история VII съезда, победа «левых» и расправа над «правыми» подробно освещены в уже упоминавшейся не раз книге С.К. Роцина, к которой мы и отошлём читателя и постараемся порассуждать на несколько иную тему: Что же на самом деле происходило в Монголии в 1927-1928 годах? Как воспринимало монгольское общество всё происходящее? Попытаемся ответить на этот вопрос, максимально абстрагировавшись от терминов и формулировок, навязанных монголам старшими коммунистическими братьями («левые», «правые», «партия» и т.д.). Для монголов обращение за помощью к северному соседу России в 1921 не было новостью. Это было залогом выживания зажатой между великими империями страны кочевников. Однако, легко находя союзников, заключая с ними соглашения, вступая в стратегические альянсы, монголы априори не

²⁶⁸ Ф. 495. Оп. 3. Д. 72. Л. 31.

²⁶⁹ Ф. 495. Оп. 3. Д. 75. Л. 444.

²⁷⁰ Там же, Л. 18.

²⁷¹ Ф. 495. Оп. 154. Д. 387. ЛЛ. 9-12.

задумывались о ряде условий, сроком исполнения которых было время. С точки зрения монголов, союзник, выполнивший свою миссию, как кочующий гость, должен уйти. Он просто не мог не уйти и по идеи не должен был нуждаться в напоминании. Неуходившие уподоблялись китайцам, оккупантам, попирающим законы вечного синего неба. Монголы были благодарны русским за помощь в первые годы революции, но они хотели дальше жить по-своему. Поэтому постоянное присутствие отряда советских инструкторов, работников Коминтерна и КИМа, их зачастую бестактное поведение, высокомерие, настойчивость, начинали закономерно раздражать монгол. Многие общественные деятели, ощущавшие грядущий диктат, начали антисоветские выступления, печатали обвинительные статьи в адрес СССР и Коминтерна, стали заострять внимание на социальном опыте других стран. Если Монголия самостоятельная страна, почему у неё должен быть только один союзник в лице СССР, почему она не может учиться у США, Германии, Франции? Так рассуждали в то время многие. Более того, на мой взгляд, если бы не угроза со стороны милитаристской Японии, эта присущая монголам кочевая логика, «*никто никому ничего не должен*», могла бы и победить. Ведь и по сей день, некоторые монгольские историки считают²⁷², что именно международное положение, угроза оккупации Монголии Японией в 30-ых, сыграли первую скрипку в выстраданном решении не сходить с намеченного курса тесных отношений с Советским Союзом и Коминтерном.

Была, конечно, и другая не мало важная причина. Она заключалась в логике внутрипартийной борьбы, которую, как мы уже отмечали не раз, монголы легко, быстро и творчески усвоили. Линия привлечения низов и капитальной перетасовки кадров выдерживалась неукоснительно, именно поэтому победа «левых» на VII съезде была закономерна.

«Левые» делегаты на съезде демонстрировали невиданное рвение в построении нового общества в Монголии, спрашивали представителей Коминтерна: «*возможен ли немедленный переход Монголии к коммунизму*», «*имеется ли в виду немедленная полная конфискация всего имущества богачей*

²⁷² Из беседы с проф. Л. Жамсраном.

и монастырею, «должно ли кооперирование населения и организация колхозов осуществляться по принципу принуждения»²⁷³...

Коминтерновские инструктора в Монголии сделали выводы из VI и VII съездов: угроза деформации формирующейся политической элиты вне намеченного социалистического курса и опасность создавшегося к 1928 международного положения на Дальнем Востоке заставили Коминтерн и ВКП(б) призадуматься о новой экономической программе для Монголии, способной обеспечить всеобщее «полевение». Этот вывод совпадал и с устремлениями новой элиты экспроприировать имущество старой: капитал князей и лам давно уже привлекал к себе жадные взоры монгольских революционеров.

Вообще, экономическая программа Народного правительства проистекала, во-первых, из естественных нужд самообеспечения, во-вторых, из необходимости завоевания симпатии широких слоёв населения. К концу 1928 сложилась следующая обстановка: «правые», склонявшиеся в сторону торгового капитала²⁷⁴ и поддерживавшие провокационный лозунг «*«обогащайтесь»*», были ликвидированы, известные события в Китае приостановили поток товаров на монгольский рынок. Где взять средства на жизнеобеспечение республики? Ответом на этот вопрос явились решения VII съезда и V Великого Народного Хурала о конфискации собственности всех реакционных феодалов и чиновников, а также принятие курса на дальнейшее экономическое сближение с СССР: «*«тесная экономическая связь Советского Союза и МНР является одним из основных источников сырья для первого и основной развития народного хозяйства для второй»*²⁷⁵.

Одновременно с приходом к власти Сталина в Советском Союзе начался процесс «сталинизации» всех ведомств, в том числе и Коминтерна, в работе которого теперь искали ошибки. Представители ВКП(б) уже делали заявления о «*«полноте готовности выяснить недостатки организации СССР в Монголии»*²⁷⁶.

Недостатков, выраженных в неудовлетворительном социально-экономическом развитии, как следует из всего вышеизложенного, было

²⁷³ Ф. 495. Оп. 154. Д. 387. Л. 24.

²⁷⁴ Ф. 495. Оп. 3. Д. 76. Л. 266.

²⁷⁵ Ф. 495. Оп. 154. Д. 349. Л. 13.

²⁷⁶ Ф. 495. Оп. 3 Д. 76. Л. 267.

предостаточно. Стоит упомянуть, что эпидемии скота в Монголии так и не уменьшились, ходили чума, повальное воспаление лёгких крупного рогатого скота, сибирская язва, сап и пр. Руководство ветеринарным делом неудовлетворительно исполняло свои прямые обязанности и продолжало брать взятки, пропуская больной и заражённый скот через границу в СССР. По инициативе последнего для реорганизации ветеринарного аппарата МНР решили создать специальный фонд, отрегулировать работу ветеринарно-пропускных пунктов на границе с Советским Союзом, устроить азиатский охранико-карантинный пояс на всём её протяжении с дезинфекционными камерами, обязать монгольскую ветеринарную организацию выдавать специальные сертификаты²⁷⁷. Но от решений на бумаге до их реального воплощения в Монголии лежит пропасть, и ныне погранично-пропускные пункты (не только скота, но и людей) производят удручающее впечатление, не гарантируют безопасность и не предупреждают незаконного пересечения границы.

Хотя социальный, экономический и политический спектры развития МНР на протяжении 1925-1928 годов всё ещё находились в неустойчивом состоянии, и многие реформы воспринимались населением как временные, тем не менее, уже в этот период чётко обозначились черты нового времени, грядущей эпохи: упрочнение позиций МНРП, создание сети партийных организаций, повсеместно контролирующих население, дальнейшая активизация репрессивных организаций (ГВО) и их мероприятий, расширение полномочий государства во всех сферах общественной деятельности, а также начало формирования централизованного управления экономикой и решение о материально-технической опоре на СССР.

Можно сказать, что к 1929 в Монголии определился курс общественного развития, чётко наметились глобальные перемены. В конце 1928 VII съезд МНРП и V Великий Народный Хурал приняли судьбоносные решения о ликвидации собственности князей и монастырей, в перспективе означавшие уничтожение этих сословий. В замену им начали формировать институт новых управленцев, используя при этом опыт советских кадровиков. Дорога в среду новых революционных начальников (как в партийных, так и в государственных

²⁷⁷ Ф. 495. Оп. 154. Д. 349. Л. 13.

структурах) всё большее и большее закрывалась для представителей бывших привилегированных сословий и открывалась для активных, проявивших себя аратов. Эти и многие другие, затрагиваемые в этой главе, тенденции социальных преобразований свидетельствовали о принятии монголами советской модели трансформации общества.

Глава IV. 1929-1932

Старый и новый монгольский террор

Итак, VII съезд и V Великий Хурал подвели черту в завершении очередного этапа социальных преобразований в Монголии. Ликвидация «правых» на съезде, бурные овации «левому большинству» Хурала означали завершение передела власти в верхах монгольского общества. Однако, как мы уже неоднократно отмечали, существовала огромная пропасть между жизнью столичной и худонской, а отдаленных районов страны перемены и вовсе не достигали. Поэтому перед новым «левым» руководством встала задача провести свой курс в толщи народа, «захватить сердца», обеспечив, таким образом, своё будущее. В «деле будущего» Президиум ЦК МНРП и правительство полагались на поддержку, опыт и инструктаж СССР, которому был необходим союз с МНР в свете намечающейся угрозы со стороны Японии.

Период 1929-1932 в Монголии прошёл под лозунгами «экспроприации» и «конфискации» имущества бывших состоятельных слоёв населения -- князей и лам. Такие моменты истории всегда сопряжены со страданиями народа и преступлениями исполнителей власти. Очевидцы и участники подобных событий, как правило, не любят о них вспоминать²⁷⁸.

Прежде чем приступить к непосредственному изложению и анализу развития ситуации в Монголии в 1929-1932 порассуждаем о характере монгольской «экспроприации» в широком историческом контексте. Для начала вспомним, что ресурсы кочевой экономики ограничены, для её жизнеобеспечения необходим активный обмен и торговля с земледельческими государствами. Поэтому на фоне изменения международной конъюнктуры, когда исчерпываются все «мирные» источники получения необходимых средств и товаров, кочевники начинают экспансию, сопровождающуюся насильственным отнятием ресурсов, имущества и обложением данью. Таковы были предпосылки зарождения практически всех древних и средневековых кочевых империй²⁷⁹. Однако со времён покорения монгольских племён маньчжурами (с XVII века) дальнейшее развитие этого сценария стало

²⁷⁸ Из проинтервьюированных нами 10 монгольских стариков только двое «сознались» (не при первой встрече), что их уровень жизни упал в 1930-1932.

²⁷⁹ Крадин Н.Н. Империя Хунну. - Владивосток, 1996, С. 25.

невозможным. Из позиции наступательной монголам пришлось перейти в оборонительную, великие герои-завоеватели остались в эпосе, а в жизни появились герои-борцы за независимость. Тем не менее, кочевники по-прежнему не теряли способности вести агрессивную, жестокую военную кампанию. В начале XX века они с помощью союзника (сначала барона Унгерна, потом Советской Красной Армии) прогнали китайцев со своей территории. Спустя примерно 10 лет, к началу 30-ых, особенно явно проступил тот факт, что социальные и политические проблемы новой власти обостряются на фоне экономических трудностей - отсутствия средств. Решать эти проблемы новая власть стала «старыми» репрессивными («командными») методами внутри страны. Если нельзя получить средства от военной кампании на чужой территории, то можно их изъять, устроив террор на собственной земле. Воинствующий экспансионизм кочевников Центральной Азии в XX веке обратился взором внутрь. Этому «приёму» выживания власти в новых условиях монголов, безусловно, обучили советские коммунисты.

Начиная с 1927, Коминтерн, теряя надежды на нагнетание революционной волны на Западе и на Востоке, всё больше становится объектом критики почувствовавших вкус власти сталинских бюрократов. Замкнувшись внутри одной страны, коммунистический режим создаёт известный миф «большого общего врага», который начинает активно использовать и Коминтерн. В Монголии Дальневосточный секретариат ИККИ неустанно призывает к борьбе с международным империализмом, стараясь, как и в СССР, сформировать чёткий стереотип об угрозе войны и внешних врагах. «Маскирующиеся врагами» оказываются «китайские торговцы, русские белогвардейцы, японские и германские учёные или какие-либо торговые представители...»²⁸⁰. Так формируется стереотип поиска внутренних врагов как прямого продолжения внешних.

Единственным выходом в такой ситуации, как настаивали коммунисты, являлось сплочение вокруг МНРП²⁸¹, которая приобретала неограниченные возможности диктовать социальный и экономический курс, исходя из своих политических интересов. В конце 1928 «охудонившаяся» партия наконец-то

²⁸⁰ Ф. 495. Оп. 2. Д. 31. Л. 22.

²⁸¹ Там же.

сформулировала свои намерения об экспроприации собственности своих «врагов».

Политика экспроприации в отдельной стране возможна только при внешней изоляции. Действительно, именно с конца 20-ых Монголия становится закрытой страной; у Монголии и у Запада наблюдается отсутствие адекватной информации друг о друге. Своебразная информационная «Великая китайская стена» возводится и на Востоке, проводя водораздел между советским коммунизмом и японским империализмом. Ради поддержания этого баланса в жертву раз и навсегда приносится идея панмонголизма. Не отрицая «перспективы объединения монгол в будущем (на основе революционной власти)», Коминтерн «всемерно предостерегает от «рискованной агитации за объединение в настоящее время перед лицом внешней опасности», потому как «идеология панмонголизма служит орудием японского империализма»²⁸². С этого времени обвинение в панмонголизме как своеобразная чёрная метка сулит крах политической карьере его адепта.

Монголы положились на старшего советского брата, полностью отвернувшись от китайцев. К 1929 правительство МНР уже предприняло ряд законов, ограничивающих въезд иностранцев из Внутренней Монголии и их права на территории Республики. Началось выселение китайских колонистов, сокращение их доли в товарообороте²⁸³. Экономическая блокада МНР, объявленная Пекином в июле 1929, инцидент на КВЖД в августе того же года, окончательно и бесповоротно отрезали Внешнюю Монголию от Китая и толкнули её в крепкие «коммунистические» объятия Москвы.

По существу, вопрос об экономической программе Монгольской Республики был отдан на откуп советским спецам незадолго до этих событий. В мае 1929 вышел ряд межправительственных протоколов по вопросам гражданства, таможни, границ и др., а 27 июня было подписано соглашение «Об основных принципах взаимоотношений между СССР и МНР», имевшее, кстати, секретный характер. Это соглашение формально подтвердило ранее намеченную в СССР схему сотрудничества: монголы – сырьё, русские монголам – оборудование.

²⁸² Ф. 495. Оп. 3. Д. 56. Л. 44.

²⁸³ Если в 1925 доля китайских фирм в общем товарообороте составляла 60%, то к 1929 – 31,1%.

До этого момента у СССР не было достаточных рычагов вмешательства в монгольскую экономику, основные вливания делались в политическую сферу, котораяnevсегда, как это следует из предыдущей главы, сразу зажигала зелёный свет советскому проникновению в Монголию. Позиции СССР на монгольском рынке в этот период были ещё не прочными. Отсюда вытекал вывод о необходимости помочи Монголии, ибо: «*без вложений и понижения цен советская промышленность не конкурентна*»²⁸⁴. Поэтому после VII съезда и V Хурала, на фоне международной изоляции и конфликтов с Китаем, СССР приступает к завоеванию монгольского рынка, а новая монгольская политическая элита - к экономическим мерам фильтрации общества.

Смещение акцента с «верхушки» на «низы» выразилось в заботах советских и коминтерновских спецов о своей «*позитивной популярности*» среди простого населения. Решили более фундаментально подходить к «*монгольскому вопросу*», рассматривая возможности «*более глубокого внедрения в население страны*», распространения «*духа доверия, дружбы, преданности*» среди аратов²⁸⁵: «*придумать такие формы работы, чтобы создать настроения в пользу русских*»²⁸⁶. Добиваться авторитета собирались в области здравоохранения, предоставляя хороших врачей и медицинские препараты. Советское правительство посыпало в Монголию врачебные экспедиции с ёщё с 1925, сначала в столицу, затем и вглубь страны. С 1927 начали основывать амбулаторное лечение, а в 1928 в Улан-Баторе построили первую больницу. На советскую научную медицину возлагались большие стратегические надежды, она должна была составить оппозицию (в том числе и политическую) традиционной тибетской медицине и вытеснить её. В октябре 1930 последнюю сняли с государственного бюджета (шаг в русле антиламской политики), одновременно Управление здравоохранения МНР было реорганизовано в Министерство. В этой связи из СССР незамедлительно прислали новых советников – И.В. Баевского и Я.Л. Гроссмана, чекиста, преуспевшего вовсе не на медицинском поприще. Новое Министерство выделило 1,5 млн. тугриков на развитие научной медицины, а с 1 июля 1930 стало финансировать деятельность советских экспедиционных отрядов. Вместе

²⁸⁴ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 8.

²⁸⁵ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 52.

²⁸⁶ Ф. 495. Оп. 154. Д. 388. Л. 3.

с тем, СССР продолжал делать подарки братскому монгольскому народу, например, в виде противочумной лаборатории²⁸⁷. В Москве также сочли, что вместо регулярной засылки советских специалистов в Монголию более эффективным может оказаться метод «занимания на свою территорию»: привлечения, приглашения монголов на учёбу в СССР. Предполагалось, что монголы должны были увидеть достижения братского советского народа и стремиться построить у себя на родине столь же процветающее общество, как и в Советском Союзе. Метод оказался, воистину, действенный: через каких-то двадцать лет в Монголии сложно будет встретить специалиста в какой бы то ни было области, как и руководителя любого уровня, не получившего образование или не прошедшего курсы повышения квалификации в СССР. В Союзе обучалась вся партийная элита. Вместе с тем, отзыв в Союз (на учение или лечение) для первых лиц МНР впоследствии мог означать и отстранение от дел, и своеобразную ссылку (так случилось с П. Гэндэном, Ю. Цеденбалом). Одновременно было решено в плановом порядке предоставлять монголам места в советских здравницах и санаториях, а в перспективе предполагалось строительство курортов в Монголии (в районах аршанов)²⁸⁸.

С учётом прошлых ошибок в Москве решили поставить деятельность советских и коминтерновских агентов в Монголии под более бдительный контроль. В связи с этим 27 декабря 1929 вышла Инструкция советникам и инструкторам СССР в МНР, в которой чётко озвучивалась цель: «подготовка монгольских кадров, способных самостоятельно руководить порученными им отраслями в центре и в низовом аппарате»²⁸⁹. Далее говорилось, что товарищи из СССР должны были «играть роль помощников у монгол, у которых они находятся в прямом подчинении, используя метод убеждения»²⁹⁰. Анализируя эту цитату, несложно заметить содержащееся в ней противоречие: советские инструкторы, с одной стороны, «поручали» руководящие должности монголам, с другой, «находились у них в прямом подчинении». В данной инструкции как и во всей советской пропаганде в Монголии содержится фальшь: поощрение на

²⁸⁷ См.: Немой А.С. Советские медики в Монгольской Народной республике. - Москва, 1978, С. 79.

²⁸⁸ Ф. 495. Оп. 154. Д. 388. Л. 4.

²⁸⁹ Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 73.

²⁹⁰ Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 73.

фоне подавления. В этом контексте образ СССР как старшего брата перекликается с древним символом китайского императора, Сына Неба, государя, снисходящего до варваров четырёх сторон света. Тем не менее, определённые дипломатические поправки в советско-монгольские отношения были внесены, инструктора теперь проходили более тщательную проверку. Некоторые специалисты, направлявшиеся в МНР, были обязаны сдавать экзамены по монголистике. Впоследствии был установлен строгий контроль за поведением всех советских граждан в Монголии, порой даже неуважительный отзыв о монгольских обычаях в личных письмах (которые вскрывались) мог повлечь за собой наказание, как то высылка из страны и др.²⁹¹

Вообще, сколь противоречивое, как правило, отрицательное отношение складывалось у аратов в худонах к новым начальникам из своей же среды (оно и понятно: бывшие плебеи задирали нос выше князей и лам), столь в целом благодушные чувства они испытывали к периодически наведывающимся советским работником. Далёкие от понимания международной обстановки и плохо осведомлённые о делах в столице, монголы простодушно радовались тому, что представители большого и великого государства их посетили, с ними беседовали, интересовались, «как они живут», «какие у них проблемы»²⁹². «Правые», «левые» – этого араты ещё не понимали, это были «игры» политического центра, монгольского правительства, подконтрольного и опиравшегося на «реальную военную помощь» Советского Союза.

Вместе с тем, араты видели, что в социальном и экономическом аспекте их жизнь нисколько не улучшилась за годы революции. Как мы уже отмечали в предыдущей главе, налоговое бремя не ослабло. Этот факт констатировал и Коминтерн: «гнёт, возложенный на монгольского скотовода, не наименее тяжелой подушной подати советского крестьянина»²⁹³. Правительственные «тоблажжи» в социальной сфере носили номинальный характер: Закон о едином налогообложении 1926, освобождавший беднейшую прослойку аратов от уплаты налогов, а также начало предоставления государственных кредитов аратам в 1927 были направлены не столько на благо бедных, сколько на

²⁹¹ Сведения получены от информанта, советского специалиста, работавшего в Монголии в 60-ых, 10.02.2002.

²⁹² Сведения получены от информанта в августе 2001 г.

²⁹³ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 60.

ущемление богатых и зажиточных, что, естественно, не приводило к повышению общего уровня жизни населения. Более того, попытки уменьшить налогообложение для бедных не только формировали опасный стереотип о том, что невыгодно быть богатым, но и наносили убытки правительству. Например, подсчитали, что освобождение от налогов хозяйств, содержащих до 20 бодо, автоматически приносит убыток монгольской казне в 80-100 тыс. рублей. Однако правительство шло на эти меры под давлением со стороны СССР, который, кстати, и займы под это предоставлял²⁹⁴. Пока ещё сохранялись нетленными местные монастырские корпоративные структуры. Пастухи по старинки продолжали платить налоги ламаистским монастырям, хотя формально это обложение было отменено²⁹⁵. Расходная часть монгольского бюджета (6-7 млн.) в те годы шла преимущественно на укрепление основных столпов государства - армию и чиновников, аратам выпадали незначительные доли²⁹⁶.

Любопытно, как приходилось работникам Коминтерна приспосабливаться к существованию в монгольских полевых условиях. Именно здесь проходила линия, разделявшая более менее успешных представителей СССР в Монголии от «*проштрафившихся*». Стоит вспомнить отвод монгольским ЦК таких видных деятелей Коминтерна как Т. Рыскулов, М.И. Амагаев... Да, по сути, все лидирующие представители этой организации не пользовались особо искренней симпатией среди монгольских политиков. Но одно дело – отношение со стороны политической элиты в Улан-Баторе, а другое – представление о Коминтерне в худонах. Если пастухи и знали, что существует некий Коминтерн, то отношение к нему зачастую было как к «*мифической личности*»²⁹⁷. В отдалённых районах советским инструкторам приходилось «*отходить от партийной линии*» и «*вести самостоятельную политику*». В степи Коминтерн уже не мог претендовать на руководящую роль, становился зависимым от традиционной системы отношений, принятой в монгольском обществе. Например, когда не удавалось созвать кочевников на партийное или

²⁹⁴ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 49.

²⁹⁵ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 14.

²⁹⁶ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 61.

²⁹⁷ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 68.

агитационное собрание, обращались к ламам²⁹⁸. Последние сохраняли весь свой социальный, экономический и духовный престиж в глазах аратов. Иногда ламы сами шли на сговор с вновь прибывшими начальниками и, конечно, ради своих интересов. Спокойно, с буддийской терпимостью, и неким любопытством относясь ко всему тому, что пытались донести до них новые товарищи, ламы могли наклеить антиимпериалистические и большевистские плакаты под молитвенными дощечками²⁹⁹.

На монгольском совещании при Восточном Секретариате ИККИ 7 января 1929 коминтерновец Терешников так охарактеризовал социальные преобразования в Монголии за последние четыре года: «здесь если не полный застой в области социального законодательства и социального устройства, то и рецесс». С позиции Коминтерна и Советского Союза социальный успех в Монголии мог быть обеспечен расширением и укреплением партии, увеличением партийных ячеек, вовлечением всех социальных слоёв в партийные мероприятия. Контроль над жизнью населения, как и общественной, так и личной, должен был в первую очередь осуществляться через разветвлённый парт аппарат. В Монголии к началу 30-ых качество этого аппарата и его деятельность оставляли желать лучшего: не было хорошего и сплочённого актива, руководящая ячейка функционировала только в центре, все прочие члены как правило были пассивны и безынициативны³⁰⁰. На это и «списали» причины успехов «правых» в 1925-1928 годах, ещё раз подчеркнув первостепенное значение курса на «аратизацию партии», который был изложен в постановлении IV съезда.

Сохранившиеся «правые» националистические настроения в монгольском обществе старались пресекать на корню. Для этого, в частности, изолировали общественных деятелей Внешней Монголии от коллег и товарищей по несчастью из Внутренней Монголии и Бурятии. В этом русле Советский Союз всячески препятствовал проникновению бурят в МНР. Деятели РКП(б) и Коминтерна опасались эмигрировавшей (бежавшей) в Монголию бурятской интеллигенции. Эта «тонкая простотка» продвигала в Монголии националистические идеи и обладала определённым влиянием на монгольское

²⁹⁸ Ф. 495. Оп. 154 Д. 391. Л. 71.

²⁹⁹ Ma Ho-t'ien. Chinese agent in Mongolia. - Baltimore, 1948, P. 133.

³⁰⁰ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. ЛЛ. 17-18.

правительство. Работники Коминтерна и не пытались замаскировать свою позицию по данному вопросу: «Наша советская Бурятия проводит контрреволюционное влияние на Монголию»; «Это (буряты – И.М.) единственно культурные люди в некультурной стране, что делает их очень опасными»³⁰¹. В этой красноречивой цитате проступает ещё один известный принцип «построения социализма в одной отдельно взятой стране»: чтобы получить желаемый образ социалистического общества нужно избавиться от «культурных людей». Сложно переоценить губительное влияние на агрессивно-послушное большинство одной образованной, способной на независимые суждения личности. Поэтому ГВО под руководством МНРП предстояло вычистить самым жёстким образом этих «единственно культурных людей» (бурят), как и «прочих культурных» (не бурят)³⁰². Однако в период 1929-1932 поход на интеллигенцию был не столь актуален, перед властью стояли более насущные социальные и экономические проблемы.

К концу 20-ых в МНР наблюдалось большое несоответствие между «распространёнными социальными болезнями и ограниченностью средств у монгольского правительства»³⁰³. Победившие на VII съезде «левые» страдали от нехватки средств. Политика помощи Монголии, провозглашённая ВКП(б) в 1928 требовала больших вложений. Специальная Комиссия при ИККИ подсчитывала неизбежные убытки, которые должен был потерпеть СССР³⁰⁴. Монгольское правительство прекрасно понимало, что для обеспечения новой элиты средствами для самоутверждения и существования, необходимо задействовать внутренние ресурсы страны. В то время значительные материальные блага все ещё находились в руках лам, князей и китайских торговцев.

С целью нивелирования тенденций к консолидации ламства и «объединения вокруг него всех реакционных элементов»³⁰⁵ VII съезд принял постановление об отмене «живых богов» или, как это именовали в советской литературе, «института перерождества». Это был серьёзный

³⁰¹ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 38

³⁰² Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 48.

³⁰³ Ф. 495. Оп. 154. Д. 388. Л. 3.

³⁰⁴ Ф. 495. Оп. 154. Д. 388. ЛЛ. 3, 5.

³⁰⁵ Ф. 495. Оп. 3. Д. 123. Л. 350.

политический шаг, разом отсекавший попытки выдвижения альтернативного общественного лидера из религиозной среды: правительство заявило своему народу - перерожденца Богдо-Гэгэна не существует. Свободному политическому творчеству буддийских иерархов Монголии был положен конец. Тем не менее, у лам всё ещё оставалась своя вотчина -- монастырь, а у арат -- прежние представления о мироустройстве. На фоне политических поражений и сокращения численности (до 12%) ламство, тем не менее, экономически процветало: удельный вес его богатств оставался прежним (16,5-17%)³⁰⁶. Обеспокоенные появлением «элементов капитализма»³⁰⁷ в Монголии коминтерновские работники на своих заседаниях обсуждали «процесс концентрации капитала у лам».

Споры также вызывал китайский капитал и китайский торговый аппарат. Так, Амагаев считал, что позиции китайцев на монгольском рынке были всё ещё прочны: «В их руках первичная торговля, мелкая розничная, заготовки скотоводческих продуктов. Монголы не имеют первичного торгового аппарата. Он китайский»³⁰⁸. Ему возражал Терешников, полагавший, что «вопрос об эксплуатации китайским капиталом для МНР урегулирован»: «Сейчас есть случаи: китаец даёт монголу чай и не знает, получит ли с него деньги или нет. А раньше бы получил с процентами»³⁰⁹. Аргумент, конечно, сомнительный. Во-первых, отсутствие отрегулированных рыночных отношений и неисполнение обязательств, в частности, безнаказанная неуплата стоимости товара, не есть решение экономических проблем, а во-вторых, монголы и до революции могли откочевывать, не заплатив. Терешников был прав в одном, на что указывал и другой коминтерновец Юдин³¹⁰, - китайские долги были аннулированы. Однако на фоне этого имелись сведениях о росте китайского капитала за последние годы. О смыкании чиновничьего и китайского капитала говорил коминтерновец Радьяр: «Некоторые члены ЦК и правительства имеют известные капиталы, которые находятся в китайских лавках. Чиновники вкладывают капитал в транспорт»³¹¹. С ним соглашался и Коняев:

³⁰⁶ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 59.

³⁰⁷ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 102.

³⁰⁸ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 8.

³⁰⁹ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 28.

³¹⁰ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 75.

³¹¹ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 36.

«Китайский капитал не уменьшился, а просто изменил форму, захватил громадную часть внутреннего рынка»³¹². Даже в 1929 тугрик обслуживал не более 50-60% внутреннего товарооборота Монголии, а в остальном, как и прежде ходило китайское серебро³¹³.

Накапливали капитал и пускали его в оборот не только китайцы, к этому «несоциалистическому» занятию пристрастились и ламы, и бывшие князья, и старые и новые чиновники, и даже члены МНРПГ и правительства. Укрываясь от уплаты налогов, свою недвижимость распродавали бывшие князья³¹⁴. Кроме того, оказалось, что и многие зажиточные араты не желали держать скот как объект обложения и стремились продать его. «Где сберают (вырученные деньги — И.М.), куда пускают, очень сложно проследить»³¹⁵, — жаловался коминтерновец Коняев. Как ни посмотри, всё равно ламы и бывшие князья оставались состоятельной прослойкой, практически только они и могли пользоваться платными зоотехническими услугами³¹⁶.

По представлениям работников Коминтерна национальные богатства МНР распределялись среди основных социальных групп в 1929 следующим образом:

Группы населения (%)	Национальное богатство (%)
Ламы (13)	Более 30
Феодалы (7)	30
Прочее (80)	30

Таблица составлена по документам Коминтерна: Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 31.

Некорректность подобной градации, формулировки, неточность данных, безусловно, очевидны. Однако в этой таблице заложена вся суть последовавших мероприятий «стебого» монгольского правительства в 1930-1932. Видно, и кто виноват (ламы и феодалы), и что делать (отнять у них национальное богатство). Иначе революция не будет завершена.

³¹² Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 67.

³¹³ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 60.

³¹⁴ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 58.

³¹⁵ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 66.

³¹⁶ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 63.

Основываясь на решениях VII съезда и V Великого Хурала, в сентябре 1929 Народное Правительство совместно с Президиумом Малого Хурала приняли Постановление о конфискации собственности, движимого и недвижимого имущества «феодалов» (князей, ванов, гунов, хутухт и хубилганов). Подлежащее конфискации имущество было оценено в условных единицах — хувь (1 хувь — 30 тугриков). Оставляемое имущество не должно было превышать 100 хувь (включая юрту, предметы домашнего обихода, одежду, культовые вещи и небольшое количество скота). Была создана Центральная комиссия по конфискации, во главе которой встал Председатель Президиума Малого Хурала — Х. Чойбалсан. В аймаки и хошуны отправлялись уполномоченные правительства, которые должны были контролировать работу местных комиссий. Однако главными действующими лицами являлись привлекавшиеся в комиссии члены партии и Ревсомола. Они составляли списки лиц, подлежащих экспроприации, как могли проводили регистрацию их имущества (если вообще проводили) и приводили приговор в исполнение... С аратами списки, разумеется, никто не обсуждал. Конфискация была насильственной кампанией, проводимой молодыми партийцами. Именно партийные структуры проявляли основную инициативу, безапелляционно (в революционном духе) беря на себя все административные полномочия. Конечно, такие исполнители пользовались лурной славой среди населения.

Осень 1929 — зима 1930 — период массовой конфискации, в течение которого было экспроприировано более 600 хозяйств у 427 светских и монастырских «феодалов» и 302 чиновников на сумму приблизительно в 5 млн. тугриков. Кампания не затихла и в 1931-1932, к апрелю 1932 было экспроприировано 1100 хозяйств на 10 млн. тугриков³¹⁷.

Конфискованный скот передавали наскоро сколоченным колхозам. Вообще, человек, хоть раз побывавший в Монголии, с трудом представляет возможности коллективизации этой страны: при небольшой численности населения (по данным Коминтерна, около 800 тыс. человек на начало 30-ых)³¹⁸ подавляющее большинство — кочевники, живущие на расстоянии 300 км. друг от друга. Тем не менее, к началу 1930 в Монголии насчитывалось 624 колхоза

³¹⁷ Цифры проведены по: История Монгольской Народной Республики. — Москва, 1983, С. 358-359.

³¹⁸ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 10.

(65% - артели, 27% - товарищества, 8% - коммуны, хотя разницы между ними на деле не было)³¹⁹. Колхозы объединяли около 29% бедняцких и середняцких хозяйств. Колхозы «проедали» скот, быстро разваливались. Члены этих краткосрочных объединений получали одинаковый паёк независимо от степени участия в общественном труде, что лишало их естественного стимула к увеличению поголовья скота. Вместо стимула был страх – страх голода. Известно, что во время кампании экспроприировали имущество зажиточных араторов, лишали их избирательных прав, облагали непомерными и несправедливыми налогами, отказывали в ветеринарных услугах, препятствовали частному транспорту и торговле. Колхозы в Монголии периода колLECTivизации – это неорганизованные, потребительские отряды кочевников, «питавшиеся» добычей от экспроприации.

Насильственная коллективизация вела к резкому уменьшению поголовья скота, экономическая блокада со стороны Китая – к товарному голоду, а попрание естественного уважения кочевника к национальной аристократии и буддийскому духовенству – к всесообщему недовольству новой властью. Первой дала реакцию самая свободолюбивая Западная Монголия: в марте 1930 восстали дюрбеты с лозунгами «долой конфискацию и партию», «защитим религию и нацию». Восставшие укрывались в монастырях, вели бои, которые закончились, конечно, их поражением. Часть мятежников расстреляли, часть посадили в тюрьму³²⁰. Несмотря на полное подавление восстания дюрбетов, власть впредь стала учитывать настроения в этом районе.

Одновременно с конфискацией кардинальным образом решался вопрос об иностранном капитале. В 1929 была установлена государственная монополия на заготовку и вывоз тарбаганых шкур, а 12 декабря 1930 правительство приняло решение о введении государственной монополии внешней торговли. Отныне вывоз и ввоз любых товаров мог осуществляться только по специальному разрешению Министерства торговли и промышленности согласно плану и нормам, утверждённым правительством МНР.

На волне «головокружения от успехов» коллективизации в феврале 1930 прошёл VIII съезд МНРП, на котором «стевые» сумели протащить курс на

³¹⁹ Роцин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). - Москва: ИВ РАН, 1999, С. 247.

³²⁰ Там же, С. 242.

сплошную коллективизацию. Съезд выдвинул и «новых левых», активно принимавших участие в кампании конфискации: З. Шижээ, Ц. Жигжиджав, Л. Лааган, Л. Дэндэв, Г. Дэмид, Д. Лувсаншааров. Некоторые пункты биографий этих скороспелых политиков одинаковы³²¹: почти все были аратами по происхождению, не блистали образованием, но прошли «классическую школу» подготовки революционеров – учились либо в партшколе Улан-Батора, либо в СССР, а также «правильно» вели себя (как «левые араты») на VII съезде. «Новые левые» стремительно пополняли партийные ряды на всех уровнях: если к началу VIII съезда партия насчитывала 12 тыс., то к концу – уже 30 тыс. членов (это при общей численности населения в 700 тыс. человек (90 тыс. – ламы)). Вот такие делегаты и выступали на VIII съезде за активную борьбу против религии и конфискацию имущества монастырских хозяйств (*джасс*). Они и являлись «застрельщиками» печально известной *джассской кампании* 1930–1932.

Идея проведения джассской кампании имеет свою историю. Мысль об этом впервые подал Коминтерн ещё в середине 20-ых. Призывы к экспроприации монастырского скота звучали из уст отдельных работников Коминтерна (Райтер), которые призывали «ковать железо пока горячо»³²². Эти советские работники считали возможным применять в Монголии те же методы решения экономических и социальных проблем, как и в советских республиках. «В ближайшее время нам придётся провести конфискацию, как конфискация церковного имущества в СССР в Поволжских губерниях», но с оговоркой: «Эта конфискация будет скорее такого характера, а не похожа на ту конфискацию, когда мы захватывали фабрики и заводы непосредственно после Октябрьской революции. Нужна осторожность. Пусть монгольское ЦК 3-4 раза в год отчитывается перед Коминтерном. Представитель Коминтерна должен ездить на места, собирать жалобы»³²³. Коминтерновцы ошибались, во-первых, во временном отношении: то, что было возможным в Петербурге сразу после революции, в Монголии стало реальным только к началу 30-ых; во-вторых, монгольское ЦК не спешило «отчитываться» перед Москвой:

³²¹ Подробнее: Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). - Москва: ИВ РАН, 1999, С. 240-241.

³²² Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 42.

³²³ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 50.

джасская кампания являлась сугубо монгольским творчеством. Монголы не прислушались к замечаниям «старших товарищей» о «преждевременности» и «рисках»³²⁴ конфискации монастырского имущества. Сравнивая перспективы политики экспроприации в Монголии с Советской Средней Азией, коминтерновец Мамаев, в частности, отмечал: «Экспроприация в Монголии в 10 раз труднее, чем в Советском Туркестане»³²⁵. Здесь в первую очередь имелась в виду степень влияния Коминтерна на местную политическую элиту и участия широких масс в революционных процессах. Тем не менее, универсальный метод затушёвывания противоречий на всех уровнях (в том числе конфликтов на национальной почве) путём неукоснительного следования намеченному курсу в кадровой политике работал как газонокосилка всюду: и в пяти Советских Среднеазиатских республиках, и в Монголии, и в Синьцзяне³²⁶...

Идея форсированной коллективизации и проведения экспроприации имущества монастырей окончательно вызрела у монгольского руководства после первых «успехов» конфискации осени 1929 – зимы 1930. ИККИ ещё в начале апреля 1930 доводил до сведения ЦК МНРП, что считает идею национализации джасского имущества рискованной, пытался нацелить монгол на постепенное расслоение ламства, «отделение средних и младших лам от зажиточных духовных иерархов». Разумеется, в Москве беспокоились вовсе не о положении лам, а о возможности массовых выступлений населения как реакции на репрессивные меры³²⁷. На фоне народных возмущений политикой МНРП ламы имели реальный шанс консолидировать силы вокруг борьбы за свои доходы и имущество.

Начало 30-ых годов – переломный этап в истории Монголии XX века – время, когда перед пришедшими к власти людьми встал принципиальный вопрос укрепиться прочно и надолго, зацементировать своё господство. Факт невозможности сосуществования двух систем – революционного государства и буддийской сангхи давно был для всех очевиден. Кампания по экспроприации имущества монастырей – эта ультралевая попытка разом решить эту проблему. Несмотря на все предупреждения из Москвы, пришедшие к власти в Монголии

³²⁴ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 56.

³²⁵ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 71.

³²⁶ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 13.

³²⁷ Ф. 495. Оп. 4. Д. 73. Л. 9.

после VIII съезда «новые левые» приняли решение в пользу проведения джасской кампании. В июне 1930 ЦК МНРП и Совет Министров МНР приняли соответствующее постановление.

Как мы уже писали в библиографическом очерке, в современной литературе существует ряд популистских оценок сущности и предназначения «стековой кампании» в Монголии начала 30-ых. Идут рассуждения об альтернативах истории: могло ли не быть экспроприации джасских хозяйств и похода на буддизм, если бы не было Чойбалсана? Участники дискуссии забывают, во-первых, что история не знает сослагательного наклонения, во-вторых, в начале 30-ых Чойбалсан не являлся безоговорочным лидером партии (даже отошёл на вторые роли после разгрома «правых» на VII съезде), решения принимались ещё не в единоличном порядке. Наиболее адекватную, на наш взгляд, точку зрения представил Д. Дашибурэв³²⁸: джасская кампания и «стековый загиб» были продуманными действиями членов МНРП в русле запланированных социальных преобразований. То надругательство над религиозными святынями, которые творили члены партии и Ревсомола во время экспроприации монастырских хозяйств³²⁹, не могло не вызвать широкую волну протеста со стороны населения всей страны и открытого противоборства лам, что и стало «оправданием» поводом для углубления террора и начала нового этапа репрессий.

С другой стороны, джасская кампания была задумана как развитие партии. Партийные структуры, набрав новых членов, стремились заправлять всеми делами страны, контролировать правительство, выбивать у него пальму первенства, - и в период 1929-1932 чаша весов сместились в сторону партии. В 1930-1932 диктатура партийных структур всех уровней напоминала чем-то военную...

Джасской кампании не могло не быть. Как мы уже не раз отмечали, монастырские хозяйства в Монголии представляли собой местечковые корпоративные структуры – константные элементы монгольского общества³³⁰.

³²⁸ См. Историографический очерк С. 42.

³²⁹ Во время джасской кампании наблюдался насильственный персвод лам невысокого сана на положение мирян. В 1930 вопреки буддийской идеи непричинения насилия был введён военный налог на лам призывного возраста.

³³⁰ См. Введение С. 11.

Не преодолев их, невозможно было надеяться на успех социальных реформ. Поэтому насильственная экспроприация монастырской собственности и репрессивные меры в отношении лам были призваны взломать веками形成的авшийся порядок существования монгольского общества.

Для успешного проведения джасской кампании из центра на места направили 150 работников партийного и государственного аппарата. Особую роль в конфискации и фабрикации политических дел сыграла ГВО. Благодаря деятельности этой организации, представлявшей ЦК МНРП особые доклады о проведении конфискации, ряд хозяйств были уничтожены по обвинению в политических преступлениях. По сведениям Д. Дашпурэва, за годы конфискации ГВО арестовала 430 человек (в основном из среды лам и бывших владельческих князей).

Напрасно в письме к пленуму ЦК МНРП от 10 декабря 1930 Коминтерн указывал на «*первоначальные ошибки стихийного движения – антисередняцкие перегибы, административные перегибы, «пагубное пренебрежение постановкой особой работы с беднотой*»³³¹ (людям свойственно учить других тому, что они не умеют делать сами, стоит вспомнить преступные перегибы «похода в деревню» в СССР), «левые» вовсе не собирались сворачивать с курса террора и грабежа в худонах. Монастырские хозяйства начали опустошаться с невиданной жестокостью. Причём, проблема, что дальше делать с экспроприированным скотом, решалась на месте по сценарию войны, мародёрства, положения пленных. Скот могли передать на выпас другому собственнику, пусть даже из зажиточной среды, но тому, кто выступал на стороне новой власти и помогал грабить монастыри. Араты как всегда ничего не получили, экспроприированный скот доставался им зачастую на кабальных условиях³³². В колхозах, сосредоточивших у себя значительную часть монастырского имущества, происходило попросту проедание скота, так как название «колхоз» являлось не более чем вывеской; на деле хаотично собранные отряды аратов, руководимые неграмотным «леваком», не знали, как вести колхозное хозяйство. Поголовье скота падало, росло число недовольных. По данным, которые приводит в своей книге С. Рошин, на 1 ноября 1931 в МНР

³³¹ Ф. 495. Оп. 4. Д. 73. Лл. 8-9.

³³² Ф. 495. Оп. 4. Д. 73. Л. 10.

отмечалось 717 колхозов, в том числе 503 артели, 174 товарищества и 40 коммун; из монастырей «были» 12 тыс. лам; в Китай откочевало не менее 15 тыс. человек, а партия продемонстрировала невиданный рост, её ряды увеличились с 12 до 40 тыс. членов³³³!

Вышеприведённые цифры говорят о многом: шквальный ветер перемен пронёсся над Монголией в 1930-1932. Для успешного завершения «стекового эксперимента» в 1931 была проведена административно-территориальная реформа. Произошло укрупнение наименьших административных единиц: были упразднены былые хошуны (старые баги ликвидировали ещё в 1927), уменьшилось количество сомонов (с 515 до 306). Зато раздробили наибольшую административную единицу: вместо 5 аймаков (1924-1929) сформировали 13. Понятно, что такая реорганизация вместе с широкой экспроприацией наносили двойной удар по местным административным структурам и традиционным общественным отношениям. Увеличение количества аймаков усиливало контроль из центра и ослабляло местные корпорации, а упразднение хошунов и укрупнение сомонов играло на руку местным партийным организациям, расширяя их права и функции. Реформа 1931 упростила технологию принятия административных решений, открыла новые возможности, с одной стороны, для вмешательства центра в местные дела, с другой, - для самоуправства партийных ячеек. Новое территориальное деление должно было стимулировать центробежные тенденции и создавать предпосылки для развития партийной бюрократии. Дальнейшее дробление территориально-административной системы, разветвление партийных организаций на местах приведёт к их адаптации к «естественному полевым условиям» - созданию своеобразного «симбиоза» иерархий номенклатуры и традиционных социально-возрастных отношений. Экспроприация и новое администрирование являлись началом переструктурирования этих традиционных элементов монгольского общества. Естественно, что полное «переформатирование» системы произойдёт не сразу, не в начале 30-ых.

Реформы 1931 были ультралевыми и встречали почти повсеместное сопротивление. Начали восставать ламы. Стоит упомянуть Улангомское

³³³ Рощин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). - Москва: ИВ РАН, 1999, С. 252-253.

восстание, заговор высших лам – Манджушири, Егозыря³³⁴. В ряде районов (Гурван-сайханский, Цэцэрлэг) на стороне лам против МНРП начали активно выступать и араты³³⁵. Особенно опасно было проведение джасской кампании в пограничных областях с Китаем. Как верно отметил Д. Дашпурэв, восстания населения имели не столько экономическую, сколько культурную подоплеку: араты были возмущены не только отнятием их собственности (к чему они были уже привыкли и покорны), но и надругательством над буддийскими святынями, творимыми членами МНРП и РСМ.

У «левых» наблюдалась почти инстинктивная тенденция с корнем вырвать и уничтожить некогда привилегированную часть населения Монголии – лам. В 1932 году появлялись даже проекты заточить 13 000 высших лам в концлагерь³³⁶. Стоит ещё раз подчеркнуть, что эта вакханалия инициировались не коминтерновцами, не советскими коммунистами, а монголами, которые, казалось, совсем недавно имели привычку обращаться за советом к ламам по любому сколько-нибудь важному поводу. Теперь же они выдвигали лозунг «борьбы свинцом». «Цирики, расстреливавшие лам, не испытывали никакой буддобоязни, рука не только не дрогнула, но даже с большим удовольствием направилась...»³³⁷ Вчера были буддистами, сегодня коммунистами...

Напрасно в Москве беспокоились и призывали к последовательному расслоению ламства, «выведению низового ламства в светское состояние с наделом части имущества джассы»³³⁸, процесс нового передела – экспроприации монастырской собственности, уже нельзя было остановить. Для развития системы, уже прошедшей точку надлома, дальнейший сценарий (так напоминавший советский) был почти заказан...

В Москве надеялись на реорганизацию монгольских парт ячеек во время кампании, на «большой сдвиг в области внутрипартийной работы, переход на производственные, колхозные, фабричные и другие ячейки, систематическое выдвижение новых кадров, оживление работы ячеек, организацию почти отсутствующей марксистско-ленинской пропаганды, постановку

³³⁴ Ф. 495. Оп. 4. Д. 73. Л. 8.

³³⁵ Ф. 495. Оп. 4. Д. 73. Л. 9.

³³⁶ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 50.

³³⁷ Ф. 495. Оп. 154. Д. 391. Л. 65.

³³⁸ Ф. 495. Оп. 4. Д. 73. Л. 10.

систематической работы с набором VIII съезда, укрепление руководящих органов партии айкомов, развитие внутрипартийной демократии, самокритики и коллективного руководства и т.д.»³³⁹. Из всего вышеперечисленного в реальности происходило лишь оживление. Хотя партия и росла семимильными шагами, но количество не переходило в качество. Советские инструктора советовали систематически работать с новыми членами партии, которые вливались прямо-таки рекой, выдвигать лидеров, регулировать работу с ними. Иными словами, СССР желал видеть в Монголии партийную организации по образу КПСС со своими послушными функционерами, бюрократами, руководителями на всех уровнях (хотя процесс формирования номенклатуры в это время не был завершён и в Советском Союзе).

Пока в начале 30-ых в Монголии вместо сплочённой и стройной партии орудовала орда «стеваков», устраивающая погромы монастырей. К этому времени революционные перемены уже вошли в столичную жизнь (маленький Улан-Батор), а на всей остальной территории страны, соответствующей вместе взятым Англии, Франции, население было не подконтрольно новой администрации. Появилась угроза «переразвития» «стевского эксперимента», что экспроприация монастырских хозяйств не решит, а только усугубит проблемы по работе с населением. От идеи коллективных хозяйств не отказались (наоборот, звучали призывы к развитию земледельческих госхозов и даже созданию монгольского пролетариата)³⁴⁰, но задумались о новых методах работы. Как подготовить монголов к работе в колхозах и госхозах? Как их вовлечь в хозяйствственные мероприятия, такие, как «борьба за лучшую стрижку овцы, козы, за постройку утеплённых хашаанов» и т.д.?³⁴¹ И тут вспомнили несколько забытый метод «комбинированной войны» (полит воспитательная работа в армии была наиболее успешной сферой деятельности СССР и Коминтерна в Монголии). Как по заказу к началу 30-ых назрел внешнеполитический конфликт - угроза со стороны японских милитаристов. На этом фоне и начали раздаваться призывы к усилению армии, распространению военных знаний и навыков среди населения, боевой подготовки членов партии и Ревкома. Предложили проводить территориальные сборы бедняков,

³³⁹ Ф. 495. Оп. 4. Д. 73. Л. 12.

³⁴⁰ Ф. 495. Оп. 4. Д. 73. Л. 14.

³⁴¹ Ф. 495. Оп. 4. Д. 73. Л. 12.

середняков, колхозников и батраков, прохождение ими физкультурной подготовки. Таким образом, во время военных сборов и учений «левой» администрации предоставлялась возможность воздействовать на население, контролировать его, внушать ему необходимые стереотипы восприятия власти. Конечно, в угаре экспроприации начала 30-ых подобная тщательная работа с населением была нереальна, но позднее конфликт на Халхин-Голе предоставил такую возможность. Подробнее на этом мы остановимся в следующей главе.

Результаты широкомасштабной конфискации были трагичны. В течение 1931-1932 поголовье скота сократилось на 32% от уровня 1930 (23,5 млн.). По стране полз пятнистый товарный голод. Старые транспортные службы были разрушены, новые ещё не созданы³⁴². В апреле 1932 начинает нарастать волна сопротивления: вспыхивают восстания в Восточном, Хубсугульском, Архангайском аймаках, затем в Убурхангайском и Завханском. Начались мятежи в Южногобийском, Алтайском аймаках. По донесениям ГВО, в этих районах восставшие «грабили, разрушали кооперативы, колхозы и общественные организации: активистов арестовывали, убивали...»³⁴³

Из Советского Союза в срочном порядке пришли «убедительные рекомендации»: «сильно ударить по администрированию, по командированию, вообще, по левым загибам»³⁴⁴. 10 июня 1932 представителю Коминтерна в Монголии Охтину пришла телеграмма-директива из Москвы: «оттеснить «леваков», «выдвинуть вместо них на поста министров и руководителей поделей, способных проводить новый курс», «обновлённый монгольский ЦК должен был объявить всенародно, что в области внутренней политики (хозяйство, религия) допущены ошибки»³⁴⁵. К этому моменту монголы сами осознали, что так дальше существовать нельзя и «левых» пора убирать. Логика социального террора заключается в ликвидации самих его инициаторов и исполнителей после фильтрации общества. По «загибам ударили», когда до основания всё разрушили. В восстании уже участвовало 70% населения страны, пять самых густонаселённых аймаков, в которых сосредотачивалось до 60%

³⁴² Ф. 495. Оп. 4. Д. 73. Л. 14.

³⁴³ Цитата по: Роцин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). - Москва: ИВ РАН, 1999, С. 258.

³⁴⁴ Ф. 495. Оп. 4. Д. 73. Л. 16.

³⁴⁵ Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 188.

всего скота, сплошь были охвачены мятеожом³⁴⁶. В июне 1932 состоялся 3-й чрезвычайный пленум ЦК МНРП, осудивший «левую политику» и «левых уклонистов». Лидеры джасской кампании З. Шижээ, О. Балрах, Л. Лааган были отправлены в отставку (на этом процесс «наказания» «левых» не закончился), сменился состав партийного руководства. На этой волне выдвинулся П. Гэндэн (который, кстати, на пленуме пытался переложить весь груз ответственности за «левый эксперимент» на работников Коминтерна).

В резолюции пленума в частности говорилось: «работа правительства Малого Хурала и местных органов самоуправления сведена на нет; ЦК партии и местные партийные организации руководят всей жизнью страны, вследствие чего народ своей власти не знает. Государственная власть в глазах народа дискредитирована, не имеет авторитета»³⁴⁷. Из этой цитаты видно, что наметился очередной этап усиления государственных административных структур, редактирования их отношений с органами партии, а в «играх» правительства и партии наметился крен в пользу первого. В последующий период (вплоть до IX съезда МНРП) прямое вмешательство партийных органов в дела государственных структур было запрещено и невозможно. Партийные ячейки «левых» быстро распустили, что было совсем несложно в связи с их шаткостью и негативным к ним отношению со стороны населения, и создали вместо них новые.

3-й пленум охарактеризовал сплошную коллективизацию и джасскую кампанию начала 30-ых как «перегибы» и выдвинул так называемый «новый курс». Однако ничего принципиально нового в этом курсе не было, основное направление социальной политики осталось прежним: «решительная борьба против контрреволюционных феодалов и реакционной верхушки ламства, отрыв трудового аратства, а также зажиточных слоёв его и низших слоёв ламства от контрреволюционных элементов и создание крепкой национальной армии». (Последний пункт появился по объективным обстоятельствам - вследствие образования Маньчжоу-Го.) Наметились некоторые «смягчения», как то: «поощрение частнохозяйственной инициативы, постепенное, осторожное внедрение простейших форм кооперирования и коллективизации».

³⁴⁶ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 45.

³⁴⁷ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 20.

Допускалась частная и кооперативная торговля. Лозунг «обогащайтесь» приобрёл второе дыхание, теперь его активно выдвигали очередные временные победители кадровой войны - П. Гэндэн и А. Амар.

По горячим следам З-его пленума 10 июля 1932 состоялась XVII чрезвычайная сессия Малого Хурала, распустившая некоторые учреждения, возникшие во время «левых загибов», такие как государственный совет инженеров, арбитражная комиссия, штаб культурного похода и др. Далее последовали показательные мероприятия по «исправлению левых загибов». В июле МНРП искусственно организовала аратскую конференцию, созвав для участия в ней 400 аратов. Таким образом партия пыталась создать хотя бы некую видимость единения с народом. (Лакмусовой бумажкой этого единства были массовые восстания.)

Любопытно проанализировать дальнейшие реформы последней четверти 1932, которые, с одной стороны, преподносились как послабление жёсткого курса, выбранного партией и правительством, с другой, только укрепляли его, создавая основу для нового витка репрессий. Так, расширились обязанности органов суда и прокуратуры, были внесены изменения в уголовный и гражданский кодексы. В августе при Совете Министров создали Управление по статистике, планированию и регулированию. Одновременно ко всем государственным и общественным организациям прикреплялись партийные группы. В августе 1932 вышел новый Закон о монастырском налоге, согласно которому налогообложению подлежал только скот, но не имущество монастырей. Эту реформу можно было бы назвать «поблажкой» ламам, если бы от их имущества после джассской кампании осталось нечто достойное обложения. Выпас монастырского скота аратами был разрешён «на добровольной основе по договору».

Поощрение кооперации шло параллельно с давлением на частного предпринимателя. Ряд распускаемых колхозов и коммун, по постановлению Совета Министров от 5 августа 1932, реорганизовывались в простейшие формы кооперативов. По Уставу, утверждённому правительством 21 октября, эти товарищества должны были представлять собой объединения аратов для сенокошения, земледелия, выпаса скота, перевозки грузов, охоты, строительства загонов и т. п., причём скот и прочая собственность не обобществлялись. Согласно новому Закону о скотоводческом и земледельческом налоге, для

хозяйств, построивших утеплённые загоны для скота, размер налога снижался на 10-20%, отремонтировавшие старые колодцы – на 5%, построивших новые колодцы и успешно вырастивших скот – на 20%. Бедняцкие хозяйства полностью освобождались от налогов. Примечательно, что отслеживали ход этих преобразований комиссии из центра. Под их контролем в конце года состоялись выборы в местные органы власти³⁴⁸. Таким образом, наказанное Зим чрезвычайнымplenумом «*поощрение частнохозяйственной инициативы*» было строго нормированным и дозируемым из центра, иными словами административно-командным.

«Новый курс» был провозглашён, но восстания не прекращались. Их пришлось жестоко подавлять, задействовать и армейские части, и подразделения ГВО. Погибло от 8 до 10 тыс. восставших³⁴⁹. Потери, конечно, были и со стороны правительства (превысили 400 человек). Погибли министр торговли и промышленности Г. Содном, а также другие работники партии, Ревсомола, офицеры армии и ГВО³⁵⁰. На помощь правительству пришла советская техника. Бои полностью были завершены только в октябре 1932.

Одновременно шла активная чистка партийных рядов. Во время «левых загибов» в партию вербовали «нажишиом сверху»³⁵¹. Левая кампания открыла возможность для широкого проникновения в управляющие структуры всевозможных карьеристов и авантюристов. Каждый, кто хотел быть государственным служащим, должен был быть членом партии³⁵². Первый шаг чистки состоял в джентльменском предложении добровольно покинуть партийные ряды. Было опубликовано взвывание, в котором говорилось, что «кто хочет, может из партии уйти, и ничего ему за это не будет». Реакция запуганного населения не заставила долго ждать, 25 080 членов поспешили покинуть партийные ряды. Вторым этапом стала, естественно, чистка. После

³⁴⁸ В конце 1932 снова были восстановлены *баги* как первичные административные единицы. *Баги* могли объединять от 3 до 100 дворов.

³⁴⁹ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 45.

³⁵⁰ Такую информацию предоставил начальник ГВО Д. Намсрай. Цит. По: Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). - Москва: ИВ РАН, 1999, С. 259.

³⁵¹ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 25.

³⁵² Там же.

чистки в партии от 44 тыс. осталось 8 тыс. членов³⁵³. Социальный состав членов партии стал выглядеть следующим образом:

Социальные группы	Количество человек
Араты	5051
Служащие	2545
Рабочие	318
Женщины	85
Всего	8000

Таблица составлена по документам Коминтерна: Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 25

Социальная градация, приведённая в этой таблице, принципиально отличается от предшествующих, по ней мы можем сделать заключение о новом облике партии и изменениях во всём обществе, произошедших за 1929-1932. Исчезли старые «классы», появились новые: графы лам и феодалов заняли служащие и рабочие, и хотя перед нами только социальный срез партии, а не всего общества, всё равно налицо кардинальные перемены. «//евый эксперимент» принёс свои плоды: уничтожил старые привилегированные прослойки, освободив пространство для новых. За четыре года (1929-1932) почувствовали вкус крови репрессивные организации не только в центре, но и на местах, расширилась сфера деятельности ГВО.

Самым главным «достижением» периода 1929-1932 стало завершение передела собственности. Имущество бывших владетельных князей было полностью конфисковано. Джасская кампания выбила экономический фундамент из-под ног ламаистской сангхи (оставшийся скот конфискуют в 1939). Коминтерновские инструктора отмечали, что экспроприацию в Монголии провели даже на больший процент, чем в Советском Союзе. Для экономики страны эти эксперименты закончились спадом, для населения — жертвами. Средства от конфискации пополнили партийную казну, частично осев в карманах «стёвых активистов». Однако последним так и не пришлось воспользоваться награбленным добром, их уничтожили физически (некоторых

³⁵³ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 25.

раньше, других чуть позже). Вообще, «леваякий эксперимент» стал некой «пробой пера» перед массовым террором 1937.

Как всегда на очередном витке передела собственности осознающая прошлые ошибки и пытающаяся прикрыть свою фальшивь, одновременно вынашивая коварные планы на будущее, власть объявила амнистию: все повстанцы, славшие оружие и проявившие покорность, прощались. Обвинялись только главари повстанцев. ЦК и правительство заявило о непримиримой борьбе с этими «агентами китайских и японских милитаристов»³⁵⁴. Таким образом, эта амнистия оправдывала и клеймила одновременно. Подобные амнистии, – как правило, признаки надвигающегося ужесточения режима, очередного этапа фильтрации населения. Как мы увидим из следующей главы, это и будет происходить в Монголии во второй половине 30-ых.

³⁵⁴ Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 188.

Глава V. 1933-1939

Между русским коммунизмом и японским милитаризмом

После широкой экспроприации и эксперимента с форсированной колLECTивизацией 1929-1932 страна кочевников подошла к очередному этапу социальных преобразований в духе так называемого «некапиталистического развития». К этому времени уже назрели внешние и были созданы внутренние предпосылки дальнейшего следования этому пути. Крепла связь монгольских и советских лидеров, на всех фронтах расширялась поддержка со стороны СССР, а с юга и востока нарастала угроза китайского и японского вторжения. Новые политические элиты МНР, вытеснив старые, приступили к установлению жёсткого контроля над экономикой и расширению полномочий своих карательно-репрессивных организаций (в первую очередь ГВО).

Широкомасштабная экспроприация 1929-1932 привела к понижению общего уровня жизни населения, одновременно провоцируя диктатуру партийных организаций на местах. «Левая кампания» была доведена до конца и затем официально осуждена. Правительственные мероприятия конца 1932, воплощавшие провозглашённый З-им чрезвычайным пленумом ЦК МНРП *Новый Курс*, с одной стороны, демонстративно «исправляли» ошибки «левого эксперимента», а с другой, были призваны стимулировать дальнейшее партийное строительство.

Дискуссии о монгольских «левых загибах» были модны на заседаниях Коминтерна, в них вожди мировой революции постфактум открывали для себя известные истины. Рассуждали на тему, как «монголы ... настуhi-индивидуалисты, без колLECTивистской психологии»³⁵⁵, умудрились «проводить колLECTивизацию на больший процент, чем в СССР». Ещё на VIII съезде МНРП констатировали: то, что в Советском Союзе было проделано за 3 года в области колLECTивизации, в Монголии провели за 6 месяцев. Озвучить адекватное объяснение этому факту коминтерновцам в начале 30-ых не позволяли обстоятельства: уже начался кризис (сталинизация) Третьего Интернационала. Эра Коминтерна в Монголии клонилась к закату, контакты всё больше

³⁵⁵ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 49.

происходили на межпартийном уровне - между МНРП и ВКП(б). По указке последней коминтерновские работники и пришли к глубокому заключению, как следует исправлять «левые перегибы»: «Теперь в порядке дня стоит непосредственно строительство социализма»³⁵⁶. Получалось, что, пополнив партийную казну грабежом и разбоем, можно было несколько успокоиться и начать строить социалистическое общество в стране экстенсивного скотоводства.

Здесь мы хотели бы в очередной раз развеять миф о том, что конфискация и коллективизация были полностью навязаны монголам советскими братьями как нечто чуждое их социальному опыту и культуре. Сила «народной» власти МНРП (как и любой другой партии подобного толка) основывалась на терроре, и это для монголов было не ново. История показывает, что ещё до Чингисхана «покорность жителей степей держалась на жестокости»³⁵⁷. В 20 - начале 30-ых XX века она основывалась на репрессивных мероприятиях ГВО и других, сходных с ней по характеру, структур. Вместе с тем, массовые восстания лета 1932 свидетельствовали вовсе не о «покорности». Чего-то не хватало для достижения необходимого уровня подчинения населения власти. Чего? - Единоличного правителя, карающего деспота, хана-отца... Поэтому последующие несколько лет пройдут в подготовке, воспитании такого лидера, а во второй половине 30-ых начнётся период восхождения Х. Чойбалсана к вершинам власти в МНР. Однако в 1933 Чойбалсан (уличённый после VII съезда в «правом уклоне», а затем проштрафившийся на ниве конфискации) оставался пока на втором плане.

В политические лидеры Монголии выбился Г. Гэндэн. Именно он и А. Амар снова активно продвигали лозунг «обогащайтесь». Казалось, без этого девиза, без поворота маятника «вправо», невозможно было восстановить разрушенные хозяйства большей части населения страны. «После форсированной коллективизации 1930-1932 единственным спасением была коопeração»³⁵⁸. Поэтому *Новый Курс* и заключался в «поддержке внутреннего домашнего скотоводческого хозяйства с допущением частной и кооперативной

³⁵⁶ Ф. 495. Оп. 2 Д. 188. Л. 51.

³⁵⁷ Ломакина, Инесса. Голова Джя-ламы. - Улан-Удэ – С.-Петербург, 1993, С. 55.

³⁵⁸ Rosenberg, Daniel Mark. Political Leadership in a Mongolian Nomadic Pastoralist Collective. - University of Minnesota, 1977, printed in 1992, Р. 23.

*торговли*³⁵⁹. На это монголов ориентировали и советские советники, перед которыми была поставлена задача всерьёз завоевать монгольский рынок. Дело в том, что даже в начале 30-ых товары из СССР с трудом доходили до населения МНР, этот процесс был в ведении Монценкоопа, оставшихся китайских торговцев и комиссионеров. Кооперация должна была явиться важным проводником в цепи торговых отношений СССР-МНР. Вместе с тем, правительство Гэндэна³⁶⁰ выступало с заявлениями об экономических (и не только) отношениях с другими иностранными государствами; установили даже открытые пункты на границах для торговли товарами на восток в Китай и Японию³⁶¹. Отменили запрет на частную торговлю, и число свободных предпринимателей (легальных) заметно возросло (с 28 торговцев в 1932 до 1100 в 1934)³⁶². В 1933 ликвидировали монополию Монголтранса, что привело к естественному увеличению объёма гужевых перевозок. Торговые организации и араты стали заключать соглашения на перевозку грузов. Фундаментальными рыночными мероприятиями эти действия правительства назвать невозможно: в условиях существовавшего жёсткого политического режима у частной торговли не было шансов на интенсивное развитие. Созданное в 1933 монголо-советское акционерное общество «Монголсовбунер» уже на следующий год перешло в полную собственность государства. В 1934 80% товарооборота МНР приходилось на долю государственного и слегка поддерживаемого кооперативного сектора. Национализация в МНР приобретала характер тотальности.

На некое стимулирование экономики и исправление «стёвых загибов» монгольское руководство толкали не до конца утихшие восстания. Правда, усмиряли их вовсе не экономическими методами. Справиться с народными волнениями помогал главный борец за права народа – СССР. В 1933 восстание в Цэцэрике подавлял отряд, присланный К.Е. Ворошиловым³⁶³. С этого времени начинается активная пропаганда «японской угрозы», связи определённых «контрреволюционных» прослоек монгольского общества (в особенности лам) с

³⁵⁹ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 19.

³⁶⁰ П. Гэндэн стал премьером и министром иностранных дел в июле 1932.

³⁶¹ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 19.

³⁶² История Монгольской Народной Республики. - Москва, 1983, С. 376.

³⁶³ Ф. 495. Оп. 152. Д. 153. ЛЛ. 2-3.

агентами японского империализма. В монгольской прессе в апреле-мае 1933 проходила дискуссия о причинах контрреволюционного движения в Цэцэрике: «степные» или японцы? Необходимо заметить, что японская пропаганда имела место быть, японцы в свою очередь стремились играть на «степных загибах», в особенности в антиламской политике³⁶⁴ (а также панмонгольские тенденции во Внешней и Внутренней Монголии) для создания необходимой идеологической базы своему проникновению в Центрально-азиатские степи³⁶⁵. И СССР, и Япония старались использовать все возможности в этом регионе.

Монголы понимали, что противостояние двух сил – СССР и Японии, в конце концов, достигнет своего пика именно на их территории. Осознавали они и своё бессиление предотвратить этот конфликт. Участие в возможных военных действиях на стороне Советского Союза в 1934 уже было неизбежностью для МНР, однако, в обществе продолжали ходить дискуссии о свободной внешней политике, праве самостоятельно выбирать союзников. При первом сравнении экономического потенциала СССР и Японии монголам чётко обрисовывались слабые стороны первой и преимущества второй державы, но дети степей больше всего на свете желали независимости, о которой пришлось бы окончательно забыть под японской пятой. Тем более, что новая политическая элита Монголии опиралась на Советский Союз и Коминтерн, именно с помощью этих двух «друзей» она пришла к власти, именно от них получала ценные «советы». Подоспевшая на подавление массовых восстаний в 1932 советская техника лишний раз продемонстрировала монголам, «кто им друг, а кто враг». Некоторые деятели монгольского правительства, которые до 1932 любили выступать с сомнениями по поводу целесообразности всемерной опоры на СССР, поумерили свой вздорный нрав и сознались, что «ошибались, что Советский Союз – единственная сила, способная им помочь»³⁶⁶. Вместе с тем,

³⁶⁴ Коминтерновцы полагали, что японцы не сразу сообразили, как они могут использовать «степной курс», и «окомнились» только в декабре 1932 и январе-феврале 1933.

³⁶⁵ По этой теме см.: Morozova I.Y. Japan and its Influence towards Panbuddhism and Panmongolism // International Journal for Central Asian Studies. - Seoul: Institute of Asian Culture and Development. – 1999. - № 4, РР. 146-161.

³⁶⁶ Одним из таких «ошибавшихся» вскоре стал А. Амар. (Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 48.)

как верно отмечали некоторые коминтерновские работники, «идея о том, с кем и как лучше, у них всегда будет бродить в голове».

Не стоит забывать и о национальной идеи, отголоски которой ещё не были задушены социальным террором. Нажим со стороны Советского Союза только подстёгивал некоторых деятелей МНР в противостоянии надвигавшемуся советизму и апелляции к «златому веку» монгольской истории. Так, А. Амар писал в «Краткой Истории Монголии»: «Монгольская нация... с древних времён распространяла своё могущество... случилось так, что бывшие под руководством наших предков роды стали господствующими над нами...»; «поскольку бытовой уклад каждой нации является для неё блаженством, то быть другого народа, как бы он не был хороши, является для неё трудным»³⁶⁷. О Советской России и Коминтерне автор в своей книге не проронил ни слова. В 1934 немедленных репрессивных мер против Амара за его писанину не последовало. В 1936 при Х. Чойбалсане начнут активно заниматься теми, кто не писал, а действовал. Счёты же с пишущей интеллигенцией будут сводить позже.

Параллельно с нагнетанием настроений вокруг «японской угрозы» в МНР ожесточался политический диктат новой власти. Расширился поиск внутренних врагов. 1933 год известен крупным делом ГВО – «заговором Лхумбэ». Проходившим по этому делу десяткам людей были предъявлены обвинения в шпионаже в пользу Японии. С.К. Рошин в своей книге точно отмечает, что особенностью этого совершенно фальсифицированного дела являлось то, что карали уже не лам и феодалов, как чуждых и враждебных общественных элементов, а представителей своей же революционной среды, взращенные молодые кадры³⁶⁸. Однако ничего удивительного и поистине неожиданного в этом не было, так как каждый новый виток террора начинался с ликвидации исполнителей предшествующего витка. Заговоры типа Лхумбэ (на фоне подрывавшегося *Нового Курса*) смывали воспоминания недавнего прошлого: «левые» сделали своё дело и должны были исчезнуть. 1933 – начало очередного этапа фильтрации общества, причём, не менее жёсткого чем «левая кампания».

Средства, полученные в результате конфискации и джассской кампании и осевшие в партийной казне, должны были идти на дальнейшее партийное

³⁶⁷ Ф. 495. Оп. 152. Д. 154. ЛЛ. 24-25.

³⁶⁸ Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). - Москва: ИВ РАН, 1999, С. 272.

строительство. Аратам же предлагалось проявлять личную инициативу и заинтересованность в поправке своего экономического положения. Поскольку дифференцированный подход к аратам безапелляционно сохранялся, жизнеспособные зажиточные хозяйства, сталкиваясь с рядом препон со стороны властей, исчезали. Таким образом, *Новый Курс* не приводил население Монголии к всеобщему процветанию.

В 1933 бедняцкие хозяйства (более половины всех хозяйств МНР) были освобождены от уплаты налогов, одна треть получала различные льготы. На наш взгляд, эти данные свидетельствуют вовсе не о демократичной налоговой политике государства, а об уничтожении зажиточного конкурентного частника. Чтобы хоть каким-то образом поддержать бедноту, с которой в любом случае было нечего взять, государство расширяло кредиты, поощряло строительство утеплённых загонов, хашаанов для скота, рътьё колодцев, заготовку сена и кормов. Не стоит пояснять, как фальшива была официальная статистика о росте народного хозяйства в 30-ых. Поголовье скота, действительно, увеличивалось по сравнению с катастрофическим спадом 1930-1932, но подъём экономики по-прежнему только снился, и характер труда (экстенсивное кочевое скотоводство) по сути своей не менялся. Ни кооперация³⁶⁹, ни созданные с помощью Советского Союза в 1937 единичные конно-сенокосные станции, на которые араты взирали как на диковинку, были не в силах изменить характер производства. К концу 30-ых пытались организовать даже земледельческие хозяйства: безвозмездно наделяли кочевников плодородными участками земли, обеспечивали семенами и орудиями труда, предоставляли налоговые льготы и денежные кредиты, но урожаев от этих экспериментов не дождались и в 40-ых³⁷⁰.

Зато Народная власть продолжала доить монастырские хозяйства. Конечно, делала она это уже не в той насильтвенной форме как во время джассской кампании, а прикрывалась демагогией о дифференциированном подходе к ламству и привлечении его беднейших слоёв к общественно полезному труду. Доходы же в государственную казну поступали от «общественно

³⁶⁹ По существу способными к выживанию кооперативами в Монголии в 30-ых (да и сейчас) являлись кустарно-промышленные артели.

³⁷⁰ Rosenberg, Daniel Mark. Political Leadership in a Mongolian Nomadic Pastoralist Collective. - University of Minnesota, 1977, printed in 1992, P. 23.

бесполезного труда» высших лам (налоги с их личного скота возросли на 50%). За 1932-1934 налоги на монастырские хозяйства составили свыше 1,5 млн. тугриков, а военные налоги с лам призывного возраста – более 1 млн. тугриков.

Однако уничтожив ламство политически (1921-1928), выбив из-под его ног экономический базис (1929-1932), новая власть не добилась полной и безоговорочной победы, в очередной раз споткнувшись об общественный авторитет и культурное влияние лам, нивелировать которые было совсем не просто. Даже в 1932 коминтерновцы отмечали, что «ламы – до сих пор культурные руководители монгольского населения: и учителя, и единственные врачи, и купцы-ремесленники»³⁷¹.

Настигивала статистика. К началу 1934 наблюдалась следующая картина монгольского социума:

Состав населения МНР к началу 1934 (по данным Коминтерна):

Группы населения	Количество человек
Мужчины	267962
Женщины	349318
Ламы	87774
Всего	705054

Таблица составлена по документам Коминтерна. Ф. 495. Оп. 152. Д. 154. Л. 42.

Административная система МНР к началу 1934:

Название административных единиц	Количество единиц
Сомоны	306
Баги	2391
Юрты	186634
Хиты ³⁷²	387

Таблица составлена по документам Коминтерна. Ф. 495. Оп. 152. Д. 154. Л. 42.

³⁷¹ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 30.

³⁷² «Хит» (монг.) – монастырь, при котором постоянно проживают монахи, а также монахи-отшельники. О типах монастырей Монголии см.: Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. - Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1993, С. 1-2.

Не стоит забывать, что ламы были не только «церковные» (проживавшие при монастыре), но и «чёрные» – худонские. По некоторым данным Коминтерна, в 1934 на 7 человек приходился 1 лама. При этом на 1000 человек насчитывался всего один член партии, которому противостояли 13 лам³⁷³. Таким образом, с ламами предстояла ещё жестокая борьба...

Характерно, что после 1932 в МНР количество лам возросло. Люди ожили после чёрной годины *джассской кампании* и стали возвращаться к своим привычным занятиям. Появились признаки реставрации: возобновились постройки новых храмов, ламы проводили принудительные сборы, применяли физические наказания, возвращали себе прежние титулы, держали в своих руках ремесло³⁷⁴, т.е. препятствовали претворению в жизнь новых законов и утверждению нового строя³⁷⁵. С этими явлениями после массовых восстаний бороться было крайне сложно.

Так как «любовные удары по ламству закончились решительным отпором с его стороны», пришлось вновь задуматься о тактике борьбы. На этот раз наступление решили проводить на «культурном фронте».

Культурная борьба с ламством иногда принимала комические формы: например, завлекали кочевников в худонах игрой в футбол и шахматы, «рядом с *цам* устраивали цирковые аттракционы»³⁷⁶. Однако не всё это было так смешно и тем паче совсем не наивно, – разве советский футбол и шахматы, советский цирк не были возведены в определённый культ, занимавший свободное время советского человека, составлявший его «культурный досуг». Правда, в Монголии этот «досуг» так и не удалось внедрить до конца – традиционный *наадам* всё равно остался излюбленным развлечением монголов.

«Развитие культуры» одними цирковыми аттракционами не обеспечишь. Поэтому намечались удары по тибетской и старо монгольской письменности, на которых и велось обучение буддийской грамоте. Пока монголы писали и читали на этом не выражавшем новых понятий языке, общество оставалось в значительной степени глухо к культурным достижениям социализма. Приблизительно с 1934 советские инструктора начали вынашивать

³⁷³ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 44.

³⁷⁴ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 30.

³⁷⁵ Ф. 495. Оп. 152. Д. 154. Л. 36.

³⁷⁶ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 56.

серьёзные планы по реформированию монгольской письменности. К этому времени Монголия была уже почти окончательно втянута в орбиту влияния Советского Союза, а на Западе появилась концепция сателлитизма.

Ещё более тесное сближение МНР и СССР ознаменовалось официальным визитом П. Гэндэна в Москву в ноябре 1934, когда было заключено устное джентльменское соглашение о советской помощи Монголии (в том числе и военной). Последовавший за этим ряд соглашений непосредственным образом ставили дальнейшее развитие монгольской экономики в прямую зависимость от установок ВКП(б). Монголам такое решение далось непросто, хотя и было выгодно нарождавшимся монгольским аппаратчикам.

В декабре 1934 в Улан-Баторе были подписаны Соглашение об основах советско-монгольских смешанных обществ, Соглашение о временном расчётом курсе тугрика, Соглашение о советниках, инструкторах и специалистах, Соглашение о расчётах в советско-монгольском торговом обороте. Характер сделки в советско-монгольском экономическом сотрудничестве очевиден: одновременно с нотой о конверсии военных займов и сокращении монгольской задолженности по торговле с СССР Улан-Батор получил письмо председателя правления Госбанка СССР на имя председателя Монголбанка о временном курсе тугрика³⁷⁷. Эти события ознаменовали начало нового витка советско-монгольских отношений.

Показательным стал и IX съезд МНРП, проходивший в сентябре-октябре 1934. Он поставил точку в спорах о роли партии и правительства. Как мы уже писали в предыдущей главе, во время «левых загибов» авторитет ЦК и местных партийных организаций падал, власть партии была «дискредитирована в глазах народа»³⁷⁸, лишилась авторитета. После 3-его чрезвычайного пленума пошла обратная реакция: «вдруг роль партии исчезла, президиум ЦК к регулярным заседаниям не сходится, Секретариат партии не работает, и вся власть оказалась в руках правительства»³⁷⁹. «Партия испугалась последствий своей

³⁷⁷ Лузянин С.Г. Россия - Монголия - Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. - Москва, 2000, С. 172.

³⁷⁸ Из резолюции Чрезвычайного Пленума ЦК в июне 1932. Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 20.

³⁷⁹ Из выступления Шмераля на заседании Президиума ИККИ от 10 ноября 1934. Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 20.

же левой политики», «партия выступила на второй план»³⁸⁰, «партия исчезла!», что если появятся «тенденции коммунистского толка, внедрится какая-то диктатура, и произойдут перемены во внешней и внутренней политике»³⁸¹. - переживали коминтерновцы, успевшие к тому времени разочароваться в идеи мировой революции³⁸². Под контролем ВКП(б) они вносили свои корректизы в отчёт секретаря ЦК МНРП к IX съезду. В самостоятельной монгольской версии доклада партии отводилась роль агитпропа, советские цензоры переправили её в руководящую.

Таким образом, окончательно определившаяся в своей руководящей роли МНРП подошла к IX съезду обновлённая, «очищенная от феодальных элементов», «революционизированная изнутри», «приобретшая пастуший, аратский базис»³⁸³. О проблеме Ревсомола, в той форме в которой она представлялась в 1921-1924, никто уже не вспоминал. Напротив, на повестке дня стояла задача вновь пополнить и сплотить его поредевшие ряды³⁸⁴.

Интересен социальный состав избранных делегатов съезда. В коминтерновской классификации он выглядел следующим образом:

Социальные прослойки	Количество о человек
пастухи	90
служащие	138
всего	228

Таблица составлена по документам Коминтерна. Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 26.

Исходя из этой таблицы, получается, что в представлении Коминтерна в МНР существовали только две социальные прослойки, достойные внимания: пастухи

³⁸⁰ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 78.

³⁸¹ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. ЛЛ. 20-21.

³⁸² Вообще, IX съезд МНРП стал последним в ряду мероприятий, разработанных и подготовленных Коминтерном. В начале 30-ых Коминтерн продолжал играть на расстановке сил в монгольском правительстве и ЦК, разрабатывая тактику завоевания и углубляя метод диверсии, но как интернациональная организация трансформировалась так, что уже невозможно было провести грань между указкой ВКП(б) и решениями коминтерновских работников. К 1932 должность представителя Коминтерна при ЦК МНРП себя изжила.

³⁸³ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 11.

³⁸⁴ При «левых» численность Ревсомола насчитывала 8 000 человек, после чистки стало 4 000. Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 26.

и служащие, причём, последних должно было быть больше. Не понятно, к какой социальной группе коминтерновцы отнесли присутствующих на съезде 14 рабочих, 46 делегатов Красной Армии и 61 бывших лам. Как и многие другие социологические таблицы, составляемые советскими работниками, скорее всего, для официальной огласки, приведённая выше градация показывает не то, что реально представляло собой монгольское общество на данном этапе, а то, что хотели создать. Появившаяся в первой половине 30-ых категория служащих свидетельствует о грядущих изменениях структуры монгольского общества, о уже начавшемся выделении особой привилегированной социальной прослойки – номенклатуры. Неважно, что такая градация была ещё совсем условной, главное, существовала чёткая тенденция её развития. В 30-ых МНР уже почти бесповоротно встала на рельсы построения общества и государства по образцу СССР.

После подавления массовых восстаний на повестке дня стояло «укрепление и расширение базы социалистического строительства»: власти МНРП необходимо было застолбить достижения прошедших лет революции, обеспечить всем своим структурам устойчивое развитие, сделать так, чтобы «антиреволюционные тенденции (которые всё ещё имели место быть) *больше не повторялись*». Создавать благоприятную почву для развития послушной национальной номенклатуры собирались известными способами: во-первых, с помощью очередного этапа форсирования кадровой политики, во-вторых, путём приведения к власти лидера, способного к осуществлению этого нового этапа.

Какие формы примет этот этап, как будет протекать, и что за плоды придётся пожать впоследствии, участники IX съезда, наверное, не до конца представляли. На съезде говорили о необходимости бюрократизации партийного аппарата и повышения уровня грамотности его функционеров. Состав делегатов съезда по уровню грамотности был оценен Коминтерном таким образом:

Оценка уровня грамотности	Количество человек
Хорошо	30
Средне	104

Плохо	81
Нет	27
Всего	242

Таблица составлена по документам Коминтерна. Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 26.

Что конкретно означали эти оценки, трудно сказать, но, представляя реалии того времени, можно предположить, что «*средне*» подразумевало знание алфавита, элементарные навыки чтения и умение ставить свою подпись. Предстояла «*борьба с безграмотностью*», дорогостоящее предприятие, в особенности на фоне планируемой реформы письменности. IX съезд принял решения, направленные на расширение сети школ, подготовку учителей, выпуск учебников и т.д. Однако даже в 80-ых годах школы МНР были не до конца укомплектованы учебниками³⁸⁵.

Проблемы «*культурного строительства*» Монголии (как и СССР) логически вытекали из кадровой политики. Как мы уже неоднократно отмечали в предыдущих главах, концепция образования в МНР, как и в СССР во многом подменялась социалистическим ликбезом или живой практикой работы в коллективе кадровиков. Поэтому на IX съезде уделили также особое внимание состоянию профсоюзов. После чистки их осталось всего лишь два (а было 12). Как и в предыдущие годы, русские и китайцы составляли весомый процент профсоюзных работников (1309 русских, 1404 китайцев, 4734 монголов)³⁸⁶ и пользовались своим влиянием. В общей сложности, профсоюзы насчитывали 8045 человек, из которых 1911 являлись членами МНРП. 90% членов профсоюзов составляли служащие. Процент рабочих был крошечный, как, собственно, и количество рабочих в стране вообще (в то время занятость рабочих серьёзно могла обеспечиваться только одним крупным функционирующим промышленным комбинатом в Улан-Баторе³⁸⁷). Поднять численные показатели профсоюзов решили за счёт привлечения бедняцких слоёв аратства. IX съезд поставил задачу по «*развёртыванию революционного соревнования за повышение производительности труда*» среди арат.

³⁸⁵ Информация, почерпнутая из беседы с акад. Ш. Бирой в сентябре 2001.

³⁸⁶ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 26.

³⁸⁷ Из индустриально-технических достижений МНР в 30-е годы можно отметить пуск в эксплуатацию Хантгальской шерстомойки в 1933, начало работы Улан-Баторской ТЭЦ в феврале 1934 и Промышленного комбината в марте того же года, а также начало вещания первой радиостанции.

Кто возглавит новый этап по «завершению демократических преобразований среди арат»? – Если среди монголов и были сомнения по этому поводу, то в Москве решение о подходящей кандидатуре было уже принято. Stalin выбрал себе монгольского коллегу. На последовавшем за IX съездом VII Великом Хурале первым заместителем премьер-министра стал X. Чойбалсан. С этого момента начинается падение П. Гэндэна и восхождение X. Чойбалсана к вершинам власти в МНР.

После визита в Москву и IX съезда национализм и своенравие Гэндэна окончательно убедили советское руководство в том, что он не подходящая кандидатура вожди монгольского народа. Он был слишком активен и самостоятелен, публично критиковал советских инструкторов и желал видеть в Монголии полпредов разных государств, не только СССР, и торговать с ними. Будучи самым популярным человеком в политической жизни Монголии в 1933 – 1934, Гэндэн периодически делал заявления националистического толка: например, во время поездки по Советскому Союзу, заметил, что «Чингис многое господствовал во многих районах европейской территории и, в частности, в Закавказье он много оставил своей крови, и это очень хорошая кровь»³⁸⁸³⁸⁹. Члены делегации Коминтерна, прибывшей к IX съезду, насторожились, когда Гэндэн не вышел их встречать³⁹⁰. Таким образом, за Гэндэном тянулся целый шлейф грехов и промахов, однако его авторитет и влияние были так велики, что требовалось некоторое время, чтобы ликвидировать эту яркую фигуру и воспоминания о ней.

Во второй половине 30-ых, ликвидировали многих и многое. Эти годы протекали при нараставшем деспотизме политического режима, консолидации власти в руках одного лица и активизация карательно-репрессивных организаций. Начинается рассмотрение вопроса о преобразовании ГВО в МВД. Эту «историческую необходимость» какое-то время оттягивал Гэндэн, что ему, в частности, будет вменяться в вину в 1936.

³⁸⁸ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 48.

³⁸⁹ Миф о крови Чингисхана поддерживается и бытует и по сей день, как среди простых аратов, так и в кругах монгольской интеллигенции. (Из беседы с директором Национального Архива Монголии Энхтувшином, сентябрь 2001.)

³⁹⁰ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 18.

Наращивание деятельности чрезвычайных карательных органов внутри страны было тесно связано с внешней угрозой. Более того, внутренняя и внешняя разведка порой сливалась в одно: ГВО занималась поиском японских агентов среди монгольского населения, и если не находила подлинных, то подменяла их ложными. Вообще, монгольская ГВО фабриковала дела не хуже советского КГБ. Монгольские деятели лепили компроматы, обвиняя друг друга в контрреволюции и японской разведке.

Нагнетание напряжения вокруг МНР, территориальные споры между МНР, Маньчжуо-Го и Японией, участившиеся пограничные конфликты, деятельность японской агентуры волновали Москву, заставляли ещё жестче воздействовать на монгольское руководство. СССР боялся «проглядеть» Монголию так же, как и Китай в 1927. «У страха глаза велики»... Сложно судить по дошедшим и доступным нам агитсводкам в архивах о том, что, действительно, имело место быть, а что существовало только в воображении советских работников. Так, осенью 1934 ликвидировали вторгшиеся из Синьцзяна «многочисленные казахские банды», которые открыто выступали под лозунгом войны, утверждая, что одновременно с востока наступают японцы, с которыми они и встречаются в Улан-Баторе³⁹¹. Какова была их реальная связь с японцами, была ли она вообще, - этими и многими другими вопросами занималась ГВО. Начальник ГВО Намсрай и другие работники утверждали, что им удалось вскрыть небольшую часть работы японских агентов. Однако конкретной информации и доказательств компетентные советские ведомства не получили. У последних также имелись подозрения о сношениях японцев с ламами. Доходили сведения о регулярных курьерах, циркулировавших между Панчен-Богдо и «контрреволюционной верхушкой ламства»³⁹², но ничего конкретного о подобных настроениях среди ламства и монгольского населения Москве не было известно. Тем не менее, даже лёгкое подозрение являлось достаточным основанием для жестоких мер: готовился новый этап широкомасштабных репрессий против лам и китайцев, завинчивались гайки.

В декабре 1934 VII Великий Народный Хурал принял новый закон, запрещавший «передачу по наследству» имущества высших лам и

³⁹¹ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 74.

³⁹² Там же.

строительство новых монастырей. В феврале 1935 вышел закон, в соответствии с которым значительно увеличивались налоги на монастырские хозяйства. В том же году правительство предприняло беспрецедентный шаг, – вмешалось в сугубо духовные дела *санхи* – во внутренний распорядок жизни монастырей, внеся в него свои корректизы, призванные «учесть интересы низших лам». Теперь администрация монастырей состояла в основном из низших лам, которые были обязаны следить за деятельностью высших и бороться против их «контрреволюционных происков». Впервые в истории светская власть наделила молодых, неопытных низших лам правом вмешиваться в назначение и смещение должностных лиц в монастырях! Всё коварство этой политики заключалось в том, чтобы воспитать у юных лам вовсе не буддийское сострадание и смирение, а вполне мирскую жажду власти и пренебрежение традициями. Иными словами, истины буддизма и монашеское послушание должны были извращаться изнутри, самими же буддистами. Для достижения этой цели среди низших лам в противовес обычному монастырскому образованию открывались «курсы по ликвидации неграмотности», а как контраст традиционной медицине предоставляли советскую медицинскую помощь. Старались заменить религиозные торжества новыми праздниками, «вечерами и общественными гуляньями», «работой по пятницам». Естественно, справедливый принцип «со своим уставом в чужой монастырь не суйся» срабатывал и в этом случае: добровольно заставить монашескую братию изменить свои предписания и нарушить ламаистские иерархии было невозможно. Отношение лам к революции и партии в середине 30-ых очень отличалось от их приспособленчества десятилетие ранее. Чем более высоким саном и уровнем образования обладал лама, тем более яростным противником революции он являлся. Однако и власть, в свою очередь, не собиралась долго церемониться с буддийским сопротивлением, и если при Гэндэне ламы ещё могли как-то дышать, то при Чойбалсане кислород им перекрыли окончательно и, чтобы не мучались, уничтожали физически.

Помимо «ламского вопроса» опасались китайской контрреволюции. В 1934 китайцев только в одном Улан-Баторе насчитывалось до 10 тысяч³⁹³. При Гэндэне продолжала функционировать и китайская торговая палата. Однако дни

³⁹³ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 75.

её были сочтены, через каких-то два года при Чойбалсане против китайцев начнутся массовые репрессии.

Напряжение на монгольских границах нарастало с каждым годом. Прибавлялось работы советской разведке и контрразведке. По сведениям их агентов, монастыри Внешней Монголии, вопреки всем правительенным законам и постановлениям, жили весьма активной политической жизнью, некоторые ламы даже предпринимали попытки перебраться в Тибет³⁹⁴. Ходили слухи о далекоидущих планах Японии по отношению к этой горной стране³⁹⁵, якобы японцы вместе с Панчен-Богдо решили захватить Тибет, намечали поход, а в январе 1935 организовали съезд с участием 113 монгольских князей и лам, на котором обличали «красную опасность»³⁹⁶. Осенью 1935 Панчен-Богдо в Гумбузе сосредоточил большие запасы оружия, в руках его сподвижников находились 5-6 тыс. человек монголов, эмигрировавших из юго-восточных и юго-западных районов МНР в 1929-1930³⁹⁷. В дальнейшем власть положит конец такой эмиграции и будет стараться обеспечить полную изолированность граждан МНР на своей территории.

Постепенно усиливаются тенденции к наращиванию военно-технической базы. Народное правительство увеличивает военные расходы: если в 1934 они составляли 34,7% общего бюджета страны, то в 1938 – уже 52,5%. Срок военной службы был продлён с двух до трёх лет, личный состав армии увеличен на 30%. Главная роль в обеспечении обороноспособности Монгольской Республики, безусловно, принадлежала СССР. Союз полностью взял на себя военное оснащение монгольской армии, делал серьёзные вливания в монгольскую экономику. В 1935 денежные дотации СССР составили 6 млн. рублей, а в 1936 – 8 млн.³⁹⁸

³⁹⁴ Ф. 495. Оп. 152. Д. 155. ЛЛ. 13-28.

³⁹⁵ Пока никто из исследователей не предоставил объективных данных о деятельности японских агентов в Тибете в указанный период. Очевидно, что Япония имела стратегические планы по отношению к этой стране, но её географическое и политическое положение не способствовало быстрому проникновению и развертыванию широкой кампании.

³⁹⁶ Ф. 495. Оп. 152. Д. 155. ЛЛ. 13-28.

³⁹⁷ Ф. 495. Оп. 152. Д. 155. ЛЛ. 15, 27-28.

³⁹⁸ Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. - Москва, 2000, С. 197.

Советский Союз руководил и дипломатией МНР. В 1935-1936 в несколько этапов проходит официальная монголо-маньчурская конференция, так и не приведшая к конкретным результатам. Вопреки советско-китайскому соглашению от 1924, по которому Внешняя Монголия значилась составной частью Китайской Республики, 14 марта 1936 СССР и МНР подписывают Протокол о взаимной помощи.

Одновременно во внутренней жизни Монголии происходят неизбежные и фатальные перемены. В конце февраля Х. Чойбалсану присваивают звание маршала, а в марте «убирают» Гэндэна, отправляют его в Советский Союз (где его и расстреляют чуть позже). ГВО преобразовывается в МВД, и министром внутренних дел становится всё тот же Чойбалсан.

На фоне возрастания угрозы безопасности МНР Президиум ЦК МНРП в январе 1936 обращается к Советскому Союзу с просьбой о введении войск. 1 февраля советское правительство заявляет об удовлетворении просьбы. Полномасштабный ввод советских войск в МНР осуществляется в 1937.

В том же году Чойбалсан начинает новую, невиданную ещё волну репрессий. Опять всплывает «дело Лхумбэ», по нему снова сажают часть заключённых, освобождённых в 1936 «в честь 15-летия революции». В августе отправляют во время поездки по Союзу маршала Г. Дэмида, незамедлительно фабрикуют новое «дело Гэндэна-Дэмида», по которому составляют чёрный список на 115 человек. Репрессии стремительно проносятся «по верхам»: расстреливают членов Президиума ЦК МНРП (Д. Яндага), вице-премьера, начальника Генштаба, прокурора³⁹⁹, министра просвещения и др. Вершат суд над высшими ламами – Ёнзор Хамба и Дэд Хамба. Репрессируют членов Президиума ЦК МНРП (Х. Лувсандоржа, Р. Мэнда, Н. Элээ), бывшего начальника ГВО Д. Намсрая.

Карательная политика проникает во все партийно-государственные структуры, начинают функционировать новые судебные органы, расширяют применение высшей меры пресечения.

Характерной особенностью этой новой волны террора является её широкомасштабность, глобальность, вовлечённость всех слоёв населения. Репрессии 1937 – это не «буря в верхах» как в 1922, 1924 и 1928, когда жизни

политической верхушки и простого населения протекали параллельно, почти не пересекаясь, и даже не «борьба с феодальными пережитками» как в 1929-1932, когда связали руки бывшей элиты. Это и не чистка 1933-1934, когда перетасовали старые и молодые партийные кадры. Период 1937-1940 - кульминационный момент насилиственной трансформации общества, его капитальная встряска, с самых низов. Репрессии стали массовыми, они перекинулись на простое население, дошли до самых отдаленных районов страны.

В контексте теории о циклах кочевых империй, о которой мы упоминали во вступительной части нашей работы, 1937 – очередной этап становления монгольского государства (на этот раз под эгидой СССР). Перед Монголией стояла задача выжить в условиях реальной внешней угрозы. Устоять можно было только в союзе с сильным северным соседом и при обеспечении сплочённости всего населения. Сплочённость в кочевом обществе всегда достигается методом террора и верой-страхом перед великим полководцем-предводителем. Как это и не режет слух, но дух монгольского народа можно было поднять, только склав этот народ в железный кулак. Эта фаза сжимания, жестокий режим маршала Чойбалсана, не есть новая страница монгольской истории, а традиция, вновь воскресшая из глубины веков.

Итак, в 1937-1940 массовые репрессии прокатились по всей стране. В этот период новое карательное ведомство - Министерство Внутренних Дел занялось простым населением, страх овладел умами людей, ибо контрреволюционные элементы уже искали в народной толще.

В отношении «контрреволюционных элементов №1» – лам, бурятов, баргутов и китайцев, объявленных Чойбалсаном на 3-ем Пленуме ЦК МНРП, прошедшем в октябре 1937, «врагами монгольского народа», «агентами японского империализма», практически проводили политику геноцида. Количество арестованных лам так резко возросло, что не хватало тюрем. Всем подразделениям и отделам ГВО на местах было поручено арестовывать определённое количество бурят, китайцев и баргинцев. (Репрессивная политика в отношении них имела свою политическую историю)³⁹⁹. При отсутствии

³⁹⁹ В начале 1936 А. Амар и Догсом высказывались за контроль прокуратуры над деятельностью МВД. Категорически против был Чойбалсан.

⁴⁰⁰ См. С. 53-54, 90, 106-107.

должного количества представителей этих национальностей не возбранялось выполнять план за счёт арестов любых других граждан⁴⁰¹. «Под статью» мог попасть любой ни о чём не ведавший, мирно пасущий свой скот араг. Бывало такое, что пастухи по возвращении на свою прежнюю зимнюю стоянку после летних перекочёвок немедленно попадали под стражу ГВО⁴⁰².

В конце 30-ых начали борьбу с нелегально проживавшими на территории МНР китайцами. Любой задержанный иностранец, не имевший при себе официального разрешения на жительство, отправлялся под стражу. Нетрудно себе представить размах этого террора, так как удостоверения личности не всегда имели даже партийные или ведомственные работники. Монголы, привыкшие свободно кочевать в степи, ещё не были знакомы с бюрократией новой политической власти (она сама ещё не бюрократизировалась) и не понимали смысла документов на жительство. Разумеется, авторы этой политики вовсе не были наивны и адекватно оценивали обстановку. Безосновательные аресты и расстрелы приобрели черты обыденности, стали объективной реальностью того времени. Для улучшения производительности труда и поднятия дисциплины в МВД объявляют революционные соревнования: следователи собираются по особым дням, чтобы огласить приговоры над политическими заключёнными. Так, многих казнили накануне праздника Великого Октября или Наадама⁴⁰³.

Особенно активно репрессиям подвергалось мужское население, в результате на плечи женщин выпадала вся тяжёлая работа в кочевом хозяйстве. Зато исполнителями репрессивных органов были только мужчины. Подобная ситуация ещё больше закрепляла традиционное распределение обязанностей в монгольской семье: муж, если повезёт, - ленивый *дэргэ*, женщина же выполняет домашнюю работу, заготавливает продукты, ухаживает за скотом и воспитывает детей.

В 1937-1940 происходит стремительный рост рядов МВД. Пополнение происходит, в основном, за счёт молодых партийных кадров. Вообще, по оценке коминтерновцев, парт ячейки «кое-как зашевелились по стране» только к

⁴⁰¹ Dashpurev D., Soni S.K. Rein of Terror in Mongolia 1920-1990. - New Delhi, 1992, P. 40.

⁴⁰² Там же, Р. 41.

⁴⁰³ Там же, Р. 39.

1935⁴⁰⁴. В 1937 в отдалённых районах страны в офицеры МВД вербовали в добровольно-принудительном порядке. Результатом этого чрезвычайного сколачивания местных подразделений МВД стала известная картина произвола, самоуправства и беспорядка. «Молодые, неподготовленные работники начинают увлекаться властью... или же руководящие товарищи страшно бояться масс, не умеют настойчиво проводить своё мнение до конца. Безыдейность. Мелкое интригунство.»⁴⁰⁵ Такую ситуацию коммунисты конца 30-ых называли «кризисом человеческого материала». В этом холодном структуралистском термине - вся суть отношения верхушки партии к народу - как к материалу, из которого можно слепить любое общество.

Из-за массовых репрессий во второй половине 30-ых происходит действительный «кризис человеческого материала», который в полной мере выражен в крайне низких демографических показателях. Общая численность населения МНР на конец 1935 – 738.2 тыс. человек⁴⁰⁶. За период 1935-1940 прирост населения составил всего 0,1% (самый низкий показатель за весь ХХ век)⁴⁰⁷. Причём, за 1937-1938 прирост был даже отрицательный. В большей степени сократилась численность мужского населения по сравнению с женским (в особенности в Улан-Баторе)⁴⁰⁸. В столице выросла детская беспризорность⁴⁰⁹. В довершении ко всему аукнулись и климатические условия, в 1937 случилась суровая зима. Население целых аймаков, сильно пострадавших от стихийных бедствий, голодало. «В западном районе имелись места, где всё вымерло»⁴¹⁰.

Перед страной, находящейся в таком плачевном положении, стояла грандиозная задача – противостоять сильной милитаристской Японии. Вся работа по обеспечению обороноспособности МНР и укреплению её хозяйственной базы была проделана СССР. Издержки со стороны последнего

⁴⁰⁴ Ф. 495. Оп. 152. Д. 153. Л. 3.

⁴⁰⁵ Ф. 495. Оп. 152. Д. 155. Л. 41.

⁴⁰⁶ Цэдэнсодном Х. Монголын хүн амын байршилт динамик ба газарзүйн орчин. - Улаанбаатар, 1999, С. 13.

⁴⁰⁷ Там же, С. 14.

⁴⁰⁸ Дамжав, Дэндэвийн. Улаанбаатар хотын хүн ам зүйн лавлах гуравдугаар дэвтэр. - Улаанбаатар, 1998, С. 3.

⁴⁰⁹ Ф. 495. Оп. 152. Д. 160.

⁴¹⁰ Ф. 495. Оп. 152. Д. 155. Л. 42.

были большими, но, несомненно, меньшими, нежели могли бы быть в случае захвата Монголии японскими войсками.

В 1937-1938 началась широкомасштабная программа экономической помощи Советского Союза Монгольской Республике. В программе значились следующие пункты: строительство кирпичного, известкового, цементного, механоремонтного заводов, расширение добычи каменного угля в Налайхэ, ряд научно-изыскательских проектов. 19 января 1937 вышло Постановление Совнаркома о строительство узкоколейки Улан-Батор – Налайха, на что были выделены дотации в 2,8 млн. рублей. Впоследствии смету увеличили до 20 млн. рублей. Производилась поддержка Монголбанка и Центровоенторга. В МНР были направлены новые советские спецы. Увеличился товарооборот с Советским Союзом. «Размер советских дотаций, не считая кредитования промышленных объектов, которые или отдельной статьёй, составил в 1938 10 млн. тугриков»⁴¹¹. Успехи МНР в создании военно-технической базы и победа на Халхин-Голе в 1939 были достигнуты благодаря СССР.

Как мы уже писали выше в этой и предыдущей главах военизация страны, наращиваемая с 1935, сыграла незаменимую роль в социальной трансформации Монголии. На новом витке был применён «метод комбинированной войны»: при подготовке и ведении боевых действий обеспечивалась необходимая идеологическая обработка населения, невозможная в мирных условиях. Известно, что «полит-воспитательная» работа на Халхин-Голе велась очень тщательно, что отчасти и обеспечило победу объединённым войскам. Халхин-Гол явился своего рода школой для военных и политических кадров новой Монголии. По документам, опубликованным в Улан-Баторе группой монгольских и российских исследователей⁴¹², можно судить, как новая идеология проникала в умы и руководителей, и простых цирков. Здесь мы в очередной раз упомянем

⁴¹¹ Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. - Москва, 2000, С. 198.

⁴¹² Дөрөвдүгээр хэсэг. Редакторлаж, оршил бичсэн академич, хошууч генерал В.А. Золотарёв. Дөрөвдүгээр хэсэг. Нам, улс төрийн ажил, улс төр-ёс суртахууны байдал. Документы. Халхын голын дайн: нэгэн жирийн тэртээд (Барийт бичгийн эмхтгэл). Редакторлаж, оршил бичсэн академич, хошууч генерал В.А. Золотарёв. - Улаанбаатар, 1999, С. 282-350.

психологический аспект войны для кочевников: война давала монголам ощущение силы и единства, в особенности, победа.

Победу на Халхин-Голе связали с именем Чойбалсана, культ личности которого уже достиг своего апогея (как и культ личности Сталина в СССР). С помощью устрашений, публичных казней и сопутствующих им восхвалений великого вождя монгольского народа маршала Чойбалсана кочевое общество мобилизовалось и военизировалось перед внешней угрозой. Весной 1939 с поста премьера был смешён А. Амар, его также исключили из партии и арестовали (чуть позже его отправят в Союз, где и расстреляют в 1941). С марта 1939 и до конца своих дней премьером МНР будет Чойбалсан. Одновременно он и министр иностранных дел. Он единственный из 11 членов ЦК МНРП, избранных на IX съезде, кто «*дотянулся*» до X съезда в 1940 и не просто «*дотянулся*», а победил, совершив триумфальное шествие, остался один.

Интересно проанализировать изменения в кадровой политике МНРП, привнесённые Чойбалсаном. Так, Второй Пленум ЦК МНРП от 20 марта 1936 ужесточил порядок приёма в партию. Отныне в партию не принимались «лица, лишенные по конституции прав гражданства», «светские и жёлтые феодалы», а также «лица, поддерживающие монастырско-ламаистскую систему»⁴¹³. Партия Чойбалсана – это уже не открытая организация, призывающая добровольцев пополнять её ряды (как это было в 20-ых), это неизбежный и опасный тест на прочность (в 1937-1939 на выживание) для любого человека, желавшего войти в политическую и административную элиту страны. Статистика численности МНРП во второй половине 30-ых показывает, что, с одной стороны, партия постоянно пополнялась новыми членами, с другой, активно чистилась⁴¹⁴.

Численность МНРП:

Годы	Численность МНРП (чел.)
1934	8312
1935	9882

⁴¹³ Ф. 495. Оп. 152. Д. 155. Д. 63-64.

⁴¹⁴ По некоторым данным, за период 1935-1939 из партии исключили 3,5 тыс. человек. См.: Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). - Москва: ИВ РАН, 1999, С. 296.

1936	10478
1937	12958
1938	13385
1939	15774
1940	14951

Таблица составлена по ряду документов Коминтерна.

Характерно, что интенсивность роста партии находилась в некой зависимости от местонахождения Чойбалсана. Так, заметно увеличение числа новых членов, принятых с 1938 на 1939 (в сентябре 1938 - январе 1939 Чойбалсан находился в Москве) по сравнению с существенным их сокращением в период 1937-1938 и тем более 1939-1940.

Некоторые современные монгольские историки считают, что в Москве Чойбалсан получил ультимативный наказ от Сталина уничтожить всех лам (якобы за несколько лет до этого за такое же предложение Сталина наградил пощёчиной Гэндэн⁴¹⁵). К сожалению, мы не располагаем документированными свидетельствами, чтобы подтвердить или опровергнуть это мнение. Разумеется, безапелляционная позиция Сталина по «ламскому вопросу» не вызывает сомнений. Тем не менее, как мы уже не раз подчёркивали, антиламская политика на всех своих стадиях была во многом монгольским творчеством.

Смещение бывшего ламы Амара весьма символически совпало с внесёнными в 1935-1936 изменениями в Положение о военном налоге с лам призывного возраста, предусматривающими наряду с общим увеличением налога взыскание основной его части с высших лам. В 1936 ввели специальный налог на высших лам, а в 1937 как государственный шаг по переводу экономики на военные рельсы ввели новый Закон о военном налоге на лам⁴¹⁶. Все эти мероприятия подводили заключительную черту под очередным этапом «решения ламского вопроса». Активных проповедников буддизма гнали и уличали в контрреволюции⁴¹⁷. Как нарочно «на раздачу» подоспела деятельность реформаторов буддизма в Бурятии, что ещё больше приспустило занавес между буддистами Советской Бурятии и МНР. Для пресечения

⁴¹⁵ Сведения почерпнуты из беседы с корреспондентом Жамбалдоржем в сентябре 2002.

⁴¹⁶ Ф. 495. Оп. 152. Д. 155. ЛЛ. 23-24.

⁴¹⁷ Ф. 495. Оп. 152. Д. 155. Л. 94.

возможных контактов с монастырями Внутренней Монголии в 1936-1937 около 50 монастырей Внешней Монголии по восточной и южной границы были частично перебазированы вглубь страны, частично ликвидированы. В монастыри было запрещено принимать детей и подростков, не достигших 18 лет, а ограничения при приёме были введены даже для взрослых. Поощрялся переход монахов в светское состояние, осмелившимся пойти на это ламам выделяли кредиты. В 1936 была открыта первая ламская производственная артель, а в 1938 их уже насчитывалось около 100. В том же году «закрылось» около 760 из 771 действующих монастырей. В 1939 завершили экспроприацию оставшегося монастырского имущества. Позже в советских и монгольских учебниках истории напишут: «Большинство низших лам, восприняв поистине гуманную политику МНРП, покинули монастыри и занялись хозяйственной деятельностью»⁴¹⁸. Политика МНРП была «поистине гуманной»: согласно данным, приводимым некоторыми монгольскими историками, в 30-ых годах было репрессировано 35 000 лам⁴¹⁹. Ряд исследователей доказывают, что из 100 000 буддистов Монголии в 30-ые годы уничтожили общей численностью 90 000⁴²⁰.

Вот так средствами массового террора во второй половине 30-ых фактически уничтожили некогда очень прочную корпоративную монастырскую систему на местах. За период 1937-1939 население страны фактически просеяли через сито. Монголия стала представлять собой «новое явление в области надстройки»⁴²¹, однако экономический и бытовой уклад (кочевое скотоводство) остался старый. Для укрепления социальных достижений 20 лет революции и последующего развития требовалась дальнейшая институционализация и бюрократизация государственно-партийных структур.

Как всегда тон дальнейшим социальным преобразованиям в Монголии задала советская политика. В марте 1939 была ликвидирована Монгольская

⁴¹⁸ История Монгольской Народной Республики. - Москва, 1983, С. 388.

⁴¹⁹ Barkmann, Udo B. Erste Benmerkungen zu einem traurigen Kapite mongolischer Geschichte – die dreißiger Jahre // Asien, Africa, Lateinamerika. - 6/1993. - Vol. XX, P. 1045, P. 1049.

⁴²⁰ Dashpurev D., Soni S.K. Rein of Terror in Mongolia 1920-1990. - New Delhi: South Asian Publishers, 1992.

⁴²¹ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 32.

Комиссия при Политбюро ЦК ВКП(б), с тех пор решения по монгольским делам передавались в ведение различных специальных ведомств. Так, торгово-экономические отношения были отданы Наркомвнешторгу, дела внутренней политики – НКВД, строительство заводов вошло в компетенцию Наркомата тяжёлой промышленности, а железных дорог – Наркомата путей сообщения. Этот ведомственный подход в отношениях двух стран сохранится вплоть до 90-ых.

Глава VI. 1940-1945. Монгольское общество и Вторая мировая война

Если к середине 20-ых неравновесное состояние монгольского общества достигло кульмиационной точки, приведя старые и новые элементы системы в состояние крайнего напряжения, а к началу 30-ых определился основной вектор развития, то к 40-ым годам уже произошла частичная переструктурализация константных элементов социума. Нашла своё воплощение латентно присутствующая тенденция объединения кочевников под предводительством сильного и жестокого правителя, «хана-отца», - сложился культ личности Х. Чойбалсана. Была взломана и корпоративная монастырская система, а образовавшийся вакуум начал заполняться новыми партийными структурами. Военные действия на Халхин-Голе отчасти направили в единое русло традиционное стремление монголов к независимости.

Тем не менее, процесс социальной трансформации был незавершён. Террор власти конца 30-ых вверг население в пассивно-примиренческое состояние страха по отношению к новой администрации, но не обеспечивал долгосрочное устойчивое социальное развитие на фоне исключительно низкого уровня жизни. Таким образом, только в 40-ых годах МНРП и Народное правительство всерьёз задумались о повышении благосостояния своих граждан и создании адекватной социальной программы. Это было в полной мере отражено в решениях X съезда партии.

Х съезд МНРП стал важной вехой в истории МНР. Во-первых, в сравнении с предыдущими съездами партии в глаза бросается политическое единство, идеологическое единодушие, полное отсутствие фракций, уклонов, конкурирующих сторон. Съезд начали готовить сразу по возвращении Чойбалсана из Москвы в начале 1940. В процессе организации противоречивых мнений не возникало: все судьбоносные манифести и постановления уже были согласованы великими вождями двух народов. Чойбалсан был единственным и

неоспоримым лидером⁴²², фетишем, восхваляемым всеми участниками съезда. Никто не сомневался в благополучном и ровном протекании работы съезда, в дифирамбах в адрес СССР. Отчасти поэтому на X съезд в первый раз не приехали представители Коминтерна⁴²³, да и официальной делегации ВКП(б) не было. Участие Советского Союза на съезде обеспечивалось советником Народного правительства Ю.К. Приходовым, инструктором при ЦК МНРП Д.И. Сидоровым, представителями полпредства, а также генсеком ЦК Тувинской Народно-Революционной Партии С. Тока. Уже никто не мог себе представить, что могут быть высказаны какие-то сомнения, прозвучать критика внешней политики МНР, вноситься предложения по изменению характера советско-монгольских отношений. Напротив, первое, что сделал X съезд, это полностью одобрил политику ЦК и правительства по «укреплению нерушимой братской дружбы с Советским Союзом».

Вторая отличительная черта X съезда заключается в раздувании мифа о теории «некапиталистического развития под знаменем марксистско-ленинского учения». (В 1941 начинают в большом объёме переводить К. Маркса на монгольский язык.) В марте 1940 X съезд принял новую Программу партии по задачам строительства социализма в МНР. Подводя общий итог деятельности МНРП и правительства по строительству нового общества, съезд заявил, что Монголия уже «прочно встала на путь некапиталистического развития». В определённом смысле это утверждение было верным: какие бы определения не навязывали уже выбранному и неуклонно поддерживаемому направлению развития МНР, ясно, что капиталистическим оно не являлось. Монгольское общество уже прошло значительный отрезок на пути своей трансформации. Миф заключался в содержании этого определения, в демагогии о «достижениях революции, завоёванных руками трудящихся в борьбе за свои интересы». На самом деле, к 40-ым годам не так уж много было сделано в интересах простого населения (арата).

⁴²² На съезде было всего лишь три члена Президиума – Х. Чойбалсан, Ж. Лхагвасурэн и Д. Дамбаа.

⁴²³ В это время Третий Коммунистический Интернационал доживал свои последние годы. Фактически он уже «умер» после подписания германо-советского Пакта о ненападении 23 августа 1939. Коминтерн был распущен в июне 1943, а на основе его был в частности создан Отдел международной информации ЦК ВКП(б).

Чтобы поддержать миф о благе для народа и обеспечить в дальнейшем его позитивное отношение к власти МНРП, X съезд заострил внимание на экономических проблемах, в особенности, на подъёме животноводства. С.К. Рошин в своей книге иллюстрирует увеличение поголовья скота в Монголии за 30-ые годы на следующих цифрах: 1933 – 19,6 млн.; 1940 – 26,2 млн.; 1941 – 27,5 млн. Здесь не совсем ясна динамика роста в период 1933-1940. Более того, по сравнению с поголовьем скота до *джессской* кампании (1930 - 23,5 млн.), можно сказать, что рост, в целом, был относительно небольшой и происходил во многом благодаря поблажкам *Нового Курса* частникам и первым кооперативам. Вместе с тем, как мы уже отмечали в предыдущей главе, огосударствление монгольской экономики, политический террор и перестройка страны на военные рельсы никак не способствовали действительному, качественному развитию народного хозяйства. Изымаемые средства шли на партийное строительство и военный комплекс.

У мер по увеличению поголовья скота был и корыстный административно-управленческий смысл: подъём животноводства планировался в неразрывной связке с поддержкой и развитием аратских производственных объединений под контролем партийных органов разных уровней⁴²⁴. Подразумевалось, что именно партия должна была привнести экономические преобразования в традиционное кочевое хозяйство. Слабости номадизма объяснялись «феодальными пережитками», и считалось, что социализм неизбежно приведёт экстенсивное кочевое скотоводство к интенсивному животноводству. ... В поездке по худонам современной нам Монголии, лицезря широкие долины со свободно пасущимися на них стадами, отдельные юрты или группы юрт, отстоящие друг от друга на расстоянии десятков, иногда сотен, километров, знакомясь с совершенно натуральным, не механизированным, способом ведения хозяйства аратских семей, начинаешь сомневаться, что есть какой-либо общественный строй или политический режим, способный изменить этот порядок вещей... По крайней мере, очевидно, что так называемый «некапиталистический путь развития» не затронул глубоко кочевого скотоводства как доминирующего способа ведения хозяйства, этой матрицы социальной системы монголов. Социализм привнёс перемены в

⁴²⁴ К 40-ым годам кооперативы имели свои парт ячейки.

систему традиционного общества, не изменив её базиса. Новая администрация заполнила системный вакуум, образовавшийся после ликвидации старых привилегированных слоёв (князей и лам), усвоив при этом иерархичность властно-патронажных отношений, принятых у кочевников. Новые государственные и партийные чиновники встраивались в традиционные социально-возрастные группы монголов: молодой человек 18 лет в начале 40-ых уже не мог молниеносно превратиться в большого руководителя, как это случалось в начале 20-ых и было почти повседневной практикой в начале 30-ых, он имел возможность сделать первые шаги в своей карьере в местной ревкомольской ячейке и по мере взросления и приобретения жизненного и управлеченческого опыта, слушаясь старших товарищей, постепенно эволюционировать во властных структурах. Отношения между старшими высокими и молодыми низкими начальниками в Монголии не были демократическими (они и сейчас таковыми не являются).

С докладом по животноводству на X съезде выступил Ю. Цеденбал⁴²⁵. Его избрали членом Президиума и Генеральным секретарём ЦК МНРП. Выдвижение этого «скромного и тихого» человека не было случайностью. Во-первых, большинство историков сходятся на том, что Цеденбал был кандидатурой Москвы. Во-вторых, сам Чойбалсан, расправившись со всеми соперниками и «старыми» членами партии, в полной мере ощутив свою силу (к X съезду он контролировал и ЦК, и Президиум, и Малый Хурал, а также различные министерства и общественные организации), стал искать себе верную опору и возможного приемника. Чуть позже в августе 1940 Чойбалсан даже оставит пост Министра Внутренних Дел, поручив его своим молодым и преданным продвиженцам – Жамбалдоржу и Цэдзу. Именно они станут организаторами очередного ряда политических дел. В 1942 Чойбалсан и Цеденбал подпишут секретную резолюцию, согласно которой МВД не возбранялось применять пытки над заключёнными. Репрессии не утихали и в 1940, 1941, 1942...

Вдохновившись «историческими решениями» X съезда, подготовили VIII Великий Народный Хурал, который прошёл 22 июня – 5 июля 1940. Этот Хурал знаменит принятием новой Конституции МНР. Не секрет, что она была

⁴²⁵ Любопытно, что взлёт карьеры Чойбалсана также начался с животноводства.

списана со Стalinской Конституции 1936. Этот факт монгольские законотворцы с гордостью констатировали в проекте Конституции на Хурале. С точки зрения композиции, новая Конституция МНР представляла собой документ более совершенный, чем Конституция 1924. С содержательной стороны, она помпезно провозглашала перемены в обществе и государственном управлении, произошедшие с 1924 по 1940. Так, МНР выступала независимым государством (хотя советско-китайское Соглашение 1924 никто не отменял⁴²⁶), уничтожившим бывших «феодалов», вставшим на путь некапиталистического развития с перспективой плавного перехода к социализму. Конституция застолбила государственную (*народную*) собственность на землю, недра и национальные богатства, а также зафиксировала наличие кооперативной и частной собственности. Новая Конституция провозглашала равенство всех граждан и их основные права.

В новой Конституции нашла своё отражение эволюция МНРП и начало оформления монгольской номенклатуры, статья 95 говорила о членах МНРП фактически как о новом привилегированном классе общества. Конституция провозглашала руководящую роль партии. Таким образом, принятие этого нового основного закона в зачатке уничтожало какие-либо колебания по поводу дальнейшего развития МНР по стопам Советского Союза.

Согласно официальной идеологии, после X съезда и VIII Великого Хурала в МНР начался этап «непосредственного строительства социализма», предшествующий период (1921-1940) был назван революционно-демократическим. Социализм надо было строить, народ превращать в послушную массу трудящихся, поэтому во второй половине 1940 и начале 1941 в Монголии проводится ряд мероприятий, по сути вторящих сталинским мерам укрепления трудовой дисциплины в 1939. В июне 1940 Президиум Малого Хурала вводит восьмичасовой рабочий день вместо шестичасового, а в декабре того же года Пленум ЦК МНРП принимает решение осуществлять руководство народным хозяйством на основе годовых планов. При этом Пленум утверждает план развития народного хозяйства и культуры на 1941. В феврале 1941 на 24-й сессии Малого хурала проходит новый Закон о труде. Этот закон, содержащий положения о порядке приёма на работу и увольнений, продолжительности

⁴²⁶ См. Глава IV, С. 71.

рабочего дня, заработной плате, правах и обязанностях рабочих и пр., был началом установления жёсткого контроля на зарождавшихся промышленных предприятиях МНР. Производственные объединения, общественные организации должны были быть подотчётными партии. По принятию Закона о труде началось введение трудовых книжек для рабочих и служащих. И тех и других (в особенности первых) в 1941 было ещё совсем мало, с годами существенно увеличится вторая категория, а национальных рабочих кадров в Монголии всегда будет недоставать.

Как очередная мера по усилению государственного и партийного контроля над экономикой в мае 1941 при Совете Министров МНР было создано Государственное управление по планированию, учёту и контролю. По директивам МНРП это управление спускало наказы аймачной администрации, которая в свою очередь вместе с местными партийными организациями давала кооперативам планы по утилизации земель. Принцип дифференцированного подхода к различным слоям аратства неукоснительно соблюдался: по Законам о налоге 1940 и 1941, госхозы, артели и бедняцкие хозяйства пользовались значительными льготами, крупные и благополучные хозяйства назывались «эксплуататорскими» и облагались высокими налогами. Хозяйства земледельческие, сенокосные и охотничьи освобождались от налогов. Несмотря на это, урожаев они не приносили, правда, зимой могли дать дополнительный корм для скота⁴²⁷. Члены кооперативов освобождались от уртжонной повинности, которая теперь падала исключительно на частников⁴²⁸. Как и до революции, араты обслуживали государственных чиновников. Ряд частников не замедлили переметнуться в государственный сектор, среди них было много лам. Таким образом, рост числа кооперативов обеспечивался государственной политикой. Если в 1934 насчитывалось 23 кустарно-промышленные артели, то в 1940 – 152.

Вторая мировая война во многом перечеркнула планы мирного развития хозяйства МНР и повышения благосостояния её граждан. На первое место в очередной раз вышла проблема выживания. С другой стороны, военное время стало дополнительным удобным предлогом для партии и правительства

⁴²⁷ Rosenberg, Daniel Mark. Political leadership in a Mongolian nomadic pastoralist collective. - University of Minnesota, 1977 (printed in 1992), P. 23.

⁴²⁸ Там же, Р. 24.

решительным образом форсировать политику огосударствления экономики, например, внедрить систему обязательных поставок сырья и продуктов, назвав её «перестройкой работы торгово-заготовительных органов». В 1942 был принят Закон об обязательных поставках мяса государству. Естественно, не все аймаки и далеко не сразу отреагировали на государственные планы по заготовке мяса, шерсти, молока и др. видов продукции. Изымали «запланированное» репрессивными способами под видом «проведения широкой агитационной и организационной работы».

В связи с решениями партии об использовании внутренних ресурсов для производства продуктов и товаров широкого потребления, началось строительство предприятий пищевой промышленности. В 1940 стартовала кампания по увеличению заготовок шерсти для государства. Был выдвинут лозунг «Шерсть – золото», все аймаки и сомоны получили специальные планы по заготовке шерсти, их выполнение должны были контролировать партийные органы. В январе 1941 был принят закон «Об обязательной поставке шерсти государству аратским хозяйствами». Увеличили заготовительные цены на различные виды шерсти, ввели порядок отоваривания сданного сырья предметами широкого потребления. Таким образом, государственные заказы и планы занимали место бывших повинностей в пользу князей и монастырей.

Рождение же «новой монгольской интелигенции» ознаменовалось закрытием «лацкого вопроса» (ещё в 1939) и введением нового монгольского алфавита на основе кириллицы Постановлением ЦК МНРП и Совета Министров МНР в марте 1941. Эту веху в истории монголов XX века можно охарактеризовать как последний удар по исчезавшей ламаистской сангхе и вместе с ней буддийской культуре. Предстояла огромная работа по обучению населения новой письменности и формированию системы образования по советскому образцу.

Начало социалистического этапа⁴²⁹ (1941-1945) стало не просто тяжёлым временем для страны, когда «старший брат» противостоял мировому фашизму

⁴²⁹ Согласно идеологическим догмам, он продлится до 1960, после чего начнётся новый этап дальнейшего углубления социалистического строительства и культурной революции.

и не мог оказывать достаточную материальную помощь⁴³⁰, но и очередной принципиально важной стадией развития диктатуры МНРП, широким внедрением её на местах. Даже при беглом сравнении документов и отчётов партийных съездов и пленумов середины 20-ых и 30-ых и начала 40-ых перед нами предстаёт уже другое общество и проблемы. Не видно ни «левых», ни «правых», ни заядлых националистов, ни рьяных революционеров. Нет конфликта между МНРП и РСМ, последний полностью находится под чутким руководством первой. Никто не трубит о возможности какого-либо контрреволюционного переворота. Акцент смешается от центра на периферию, от противоречивой и насыщенной политической жизни в столице (которая и так стала однозначной и однообразной) к социальным и экономическим проблемам худонов. Уже не приходится читать между строк, пытаясь представить себе полную картину жизни населения вне Улан-Батора, появляются развёрнутые докладные о конфликтах на местах, больше статистики. На Пленумах ЦК МНРП обсуждается и уточняется регламент (факт, казавшийся 15 лет назад почти нереальным в монгольских условиях), да и сами доклады становятся более развёрнутыми и обстоятельными.

В начале 40-ых начинает развиваться партийная бюрократия, кочевников пытаются приучать к бумажной работе. Наверное, на фоне этих потребностей МНРП на данном этапе стал выделяться Ю. Цеденбал. Он был один из немногих по-советски хорошо образованных монгольских деятелей того времени.

В 1942-1943 организуют обмен партийных документов. Было создано 188 комиссий для обмена партийных документов по всей стране. Из стройных партийных рядов исключали всех оставшихся лам, бывших князей, старых партийцев и участников гражданской войны. Однако отдельные бывшие крупные ламы всё-таки сумели просочиться в партийный аппарат. Постепенно становилось всё сложнее выбыть из партии добровольно (в 1943 добровольно выбывших оказалось 5,7%)⁴³¹. Изменился социальный состав партии, по-другому, более функционально, стали характеризовать группы населения.

⁴³⁰ В ноябре 1941 Пленум ЦК МНРП принял решение перестроить народное хозяйство применительно к условиям военного времени.

⁴³¹ Ф. 17. Оп. 128. Д. 11. Лл. 10-11.

Процентное соотношение представителей различный социальных групп в МНРП на конец 1943:

Социальные группы	Их процент в МНРП (%)
Служащие и трудовая интеллигенция	41,5
Араты-скотоводы, непосредственно занятые в своём хозяйстве	29
Военнослужащие и занятые на производстве	24,6
Прочие	4,9

Таблица составлена по документам ВКП(б). Ф. 17. Оп. 128. Д. 11. Лл. 10-11.

Из этих данных, приведённых основным докладчиком Ю. Цеденбалом на Пленуме ЦК 1943, не понятно, кто составлял оставшиеся 4,9 % партийцев. Ламы, частные торговцы, беспризорные? Характерен рост числа военнослужащих как социальный эффект Халхин-Гола.

Особое внимание стало уделяться социальному происхождению. В 1943 по социальному происхождению члены МНРП подразделялись на следующие группы:

Члены партии	Количество человек
- из аратов	13281
- из лам	1866
- из тайдж	74

Таблица составлена по документам ВКП(б). Ф. 17. Оп. 128. Д. 11. Лл. 10-11

Появление графы «происхождение» в анкетах для вступления в партию – известный признак углубления партийного контроля над населением.

Обмен партийных документов сильно затягивали в ряде аймаков и в особенности весной и летом, т.е. в период активных перекочёвок. Араты никак не могли понять смысла переписей, выдачи и обмена документов. Вольные дети степей не умели заполнять карточки и бланки, были не в состоянии писать характеристики, в особенности конкретные и подробные, часто они теряли партийные документы. В это время среди монголов, оказавшихся на

государственной и партийной службе, стала активно развиваться особая монгольская социальная болезнь, известная под названием «ядарги»⁴³². Эта болезнь выражалась в повышенной беспричинной усталости и апатии, физической и психологической неспособности исполнять свои служебные обязанности. Вчерашние кочующие араты не могли сидеть на заседаниях, посещать лекции, придерживаться распорядка рабочего дня... Советские работники в Монголии, не понимавшие сути «ядарги», жаловались, что «*многие монголы не могли подавить природной лени*»⁴³³. Проводить законы о труде в Монголии было весьма сложно.

Тем не менее, лозунгами этого периода стали «*политическое воспитание*» и «*партийная дисциплина*». (Замечу, что дисциплина – довольно редкое явление в Монголии и сейчас). Весьма трудновыполнимой задачей стало «*сочетание хозяйственной и партийной работы*»⁴³⁴. Это хитрое дело могли осилить только отдельные чиновники в Улан-Баторе. «*Партийное хозяйство*»⁴³⁵ – ещё одно понятие нового времени. С одной стороны, оно звучало несколько странно для пастухов, которые только недавно (после конфискации и репрессий) узнали, что такое «*реальная сила*» партии, и не до конца понимали своё место в ней, но с другой стороны, «*хозяйство*» делало партию ближе и доступней, так как выгода, заключавшаяся в принадлежности к партии, становилась для всех очевидной. Оказалось, что партийные «*дэрги*»⁴³⁶ – это те же «*дэрги*», что и раньше (такие же жестокие и безучастные), и есть реальная возможность выслужиться и примкнуть к их элитным рядам.

Другое понятие, смущавшее своей формулировкой, но не содержавшее ничего принципиально нового по сути, – это «*партийное задание*» или «*поручение*». Эти задания воспринимались населением как вариация натуральной повинности. Действительно, в партийных документах на местах «*партийное поручение*» фиксировалось приблизительно следующим образом: «*найти и сдать к такому-то сроку столько-то кг. шерсти, столько-то овец и*

⁴³² От монг. «ядрах» – уставать.

⁴³³ Ф. 17. Оп. 128. Д. 11. Л. 53.

⁴³⁴ Ф. 17. Оп. 128. Д. 11. Л. 12.

⁴³⁵ Ф. 17. Оп. 128. Д. 11. Л. 17.

⁴³⁶ «*Дэргэ*» (монг.) – начальник.

т.д.»⁴³⁷; и под каждой фамилией члена партии любой ячейки можно было найти длинный список подобных «задолженностей».

Что же было принципиально нового в системе управления, сложившейся в МНР за 20 лет революции? Были ли, вообще, премены? Изменения, в первую очередь, заключались в смене администрации. К 40-ым годам партийное руководство, известное только столичным жителям, «достучалось» (и как! в 1937-1940) и до аймачных «даргов», работа закипела на местах. Араты среагировали на смену начальников довольно быстро, так как она происходила в рамках привычного для них сценария: меняется политическая власть в центре, приезжают новые «дарги», или «амбани» или комиссары, расправляются со старыми, устанавливают свои налоги и повинности, перерезают часть населения, - и жизнь продолжается. Однако на этот раз вмешивались в само течение жизни - отвращали от религии. Население уже ответило приспешникам новой религиозной политики в начале 30-ых, но сопротивление было подавлено. В начале 40-ых люди были запуганы военной расправой, не выступали открыто, а затаивали своё возмущение. Старики молча курили трубки на собраниях, демонстрируя тихое внутреннее неприятие новых начальников, покусившихся на самое святое... Часто происходили конфликты на бытовом уровне: кто-то не выдерживал самоуверенной наглости новых даргов, их фамильярного обращения, и подавал голос... Порой за неудачно оброненное слово в адрес начальника человек платился несколькими годами тюрьмы⁴³⁸...

Консолидация партийной власти на местах усиливалась в тяжёлых экономических условиях, вызванных войной в Советском Союзе. «Дарги» пытались удержать и распорядиться по-своему теми жалкими товарами, которые поступали по новому механизму распределения в отдалённые аймаки и хушуны. Этот процесс присвоения благ верхушкой был естественным для традиционного монгольского общества. Голод 1941-1945 не вызывал социального недовольства в Монголии, тем более что агитаторы проводили большую работу с населением, рассказывая о страданиях и героических подвигах советского народа в войне. Любящие геронческие эпопеи кочевники с

⁴³⁷ Ф. 17. Оп. 128. Д. 11. Л. 25.

⁴³⁸ Сведения получены от учителя математики, репрессированного в 40-х гг. (интервью записано в августе 2001 г.)

удовольствием внимали агитаторам. Монголы создали свои собственные мифы о войне Советского Союза с фашистской Германией. Интересно, что в наше время некоторые старики могут самозабвенно, детально и часами рассказывать небылицы о своём участии в военных действиях на советско-германском фронте⁴³⁹. Эта «святая ложь» очень показательна: причастность к героическим подвигам «старшего брата», к размаху мировой войны, пусть даже косвенная, тешила национальные чувства бывших некогда воинственных кочевников. Вот почему первое, о чём вспоминают монголы при встречах с русскими, как правило, касается темы помощи советскому фронту в годы войны. Освещать этот вопрос нелегко. Во-первых, обе стороны очень чувствительны, во-вторых, истина обросла несколькими слоями идеологических мифов. В отечественном монголоведении, как и в МНР, было принято говорить о помощи Монголии советскому народу: 11 эшелонов с подарками, продажа и передача в дар лошадей, скота, поставки мяса, танковая колонна «Революционная Монголия», эскадрилья «Монгольский арат»... Оригинальные архивные документы свидетельствуют, что во время войны СССР продолжал снабжать Монголию товарами, продовольствием, оборудованием и медикаментами⁴⁴⁰. Эта помощь была совершенно закономерна: отрезанная от всего мира и ослабленная монгольская экономика просто не выжила бы без советских вливаний, как следствие мог пошатнуться политический курс и тогда, -- изменения во внешней политике открыли бы Дальневосточную границу Советского Союза японским империалистам. Тем не менее, справедливости ради стоит отметить, что чувства монголов к советскому народу, страдавшему и героически сражавшемуся против фашизма, были и остаются искренними и добрыми. Они хотели помочь, но для этого у них не доставало ресурсов, ни технических, ни людских...

Как мы уже писали выше, в конце 1940 в Монголии появляется первый годовой план. Попытки увеличения поголовья скота путём планового ведения хозяйства начали предприниматься ещё в конце 30-ых. В 1941 поголовье скота составило 27,5 млн. Намечалось повысить его в 1942 до 30 млн., но план оказался неосуществим: в июле 1942 поголовье скота в Монголии составило всего 24,3 млн. Эта цифра была довольно угрожающей, так как напоминала

⁴³⁹ Рассказ информанта в сентябре 2001 г.

⁴⁴⁰ Ф. 17. Оп. 128. Д. 20. Л. 46.

бедственное положение скотоводства в 1937-1938. В численности поголовья скота как в зеркале отражались и военное время, и социальный террор. Чем больше слабела экономика, тем жестче звучали обвинения в «плохой партийной работе». Временами доходило до смешного: например, яловость маточного поголовья скота в 1942 объясняли «невыполнением партийными и государственными органами указаний ЦК и правительства по проведению осенней ступной кампании»⁴⁴¹. В 1943-1945 решения вопросов по развитию животноводства принимались на Пленумах ЦК МНРП и сессиях Малого Хурала. При ЦК МНРП и аймачных комитетах партии был создан штат секретарей по животноводству. Партия самым бездарным образом вмешивалась в хозяйство монголов. На местах постоянно происходили хаотичные кадровые перетасовки, в результате которых в руководстве производственных объединений оказывались неумелые люди. Некоторые «учетчики» видели себя новым поколением «тайджи» и производили учёт, не упорядочив расценки труда, таким образом, что араты не только не получали свою зарплату, а становились должниками. Снова очередной этап революции не принёс аратам улучшения уровня жизни, они продолжали быть «угнетаемым классом»⁴⁴². Нереальные планы, спускаемые из центра на места, исправлялись аймачными и сомонными «диргами» в свободной форме и административными мерами навязывались простым пастухам. У последних зачастую не было ни простейшего инвентаря, ни одежды, ни обуви. Транспорт был всё ещё гужевой, и уртонную повинность никто не отменял. Разница в государственных закупочных ценах на скот у кооперативов и аратов была не в пользу последних. Им приходилось производить убой скота на мясо или спекулировать.

Во время войны правительство особо остро нуждалось в доходах, поэтому, поддерживая государственный сектор экономики, не ограничивало и частный, вернее, делало вид, что большой проблемы не существует: в социалистическом государстве частник не может создать настоящую конкуренцию колхознику, ибо преимущества коллективного ведения хозяйства согласно государственному планированию неоспоримы. В реальности обойтись без частного сектора в условиях войны МНР не могла. Поскольку кооперативное движение в начале 40-ых ещё не набрало силу, и большинство

⁴⁴¹ Ф. 17. Оп. 128. Д. 11. Л. 54.

скота принадлежало аратам-частникам, местной администрации приходилось учитывать интересы последних, чтобы сдавать планы, востребованные в военном режиме. Зачастую местные чиновники игнорировали официальные правительственные постановления, направленные на поддержание кооперативов⁴⁴³. Так, в 1942 вышел новый Кодекс законов по утилизации земель, в соответствии с которым кооперативам разрешалось выбирать под выпас своего скота лучшие земли (до этого пастбища были общедоступными, и скотоводы-частники зачастую выпасали свои стада на землях, принадлежащих кооперативам)⁴⁴⁴. Однако частники продолжали свободно кочевать и пасти свой скот. Головы местных начальников, закрывавших на это беззаконие глаза, полетят позднее, после войны.

Во время войны скота в кооперативах было мало, их члены были бедны⁴⁴⁵ и поэтому освобождены государством от налогов. Однако заново формирующаяся корпоративная система позволяла местным «дэргами» различными способами «доить» кооперативы. В Монцкоопсоюзе наблюдались хищения, и к 1942 он остался без оборотных средств⁴⁴⁶. К тому же, кооперативы должны были продавать скот государству по установленной цене в зависимости от поголовья скота. Для частников закупочные цены были установлены ниже кооперативных. Таким образом, существовавшие полулегальные способы манипулирования экономикой, были невыгодны никому, но обеспечивали минимальное функционирование системы. Голод и нищету, вызванные неумелым управлением, можно было всегда списать на невзгоды войны.

Монгольские араты находились в естественном для себя состоянии, - на самообеспечении в суровую годину, обираемые, угнетаемые и устрашаемые властью в лице местной администрации. Поголовье скота за годы войны сократилось на 6,2 млн. голов. Прирост населения за 1940-1944 оставался почти на том же уровне, как и за период 1935-1940. Согласно проводимым переписям,

⁴⁴² Ф. 17. Оп. 128. Д. 11. Л. 259-260.

⁴⁴³ Rosenberg, Daniel Mark. Political leadership in a Mongolian nomadic pastoralist collective. - University of Minnesota, 1977 (printed in 1992), P. 28.

⁴⁴⁴ Там же, Р. 25.

⁴⁴⁵ Там же, Р. 26.

⁴⁴⁶ Ф. 17. Оп. 128. Д. 11. Л. 73.

на конец 1940 общая численность населения МНР составила 743,8 тыс. человек, а в 1944 – 759,1⁴⁴⁷.

Следы индустриализации Монголии в первой половине 40-ых надо было поискать. В торговле и промышленности (правильнее сказать, небольших очагах развития промышленности) отмечались бесхозяйственность и хищения⁴⁴⁸. Не умели монголы управлять производством, не представляли себе этого процесса. В отсутствии достаточных дотаций от Советского Союза финансирование предприятий предполагали производить даже за счёт доходов от водочного производства, что себя совершенно не оправдало⁴⁴⁹: монголы могли сами изготавливать *архи*⁴⁵⁰ в степи...

Всё вышеперечисленное позволяет предположить, что в годы войны в МНР так и не получилось добиться симпатии или хотя бы лояльности простого населения к новому партийному руководству. Подчинение и молчаливое соглашательство основывалось на страхе и бедственном положении. Наступал критический момент: новая власть, разобравшись с теми, кто ей препятствовал, должна была вплотную заняться повышением благосостояния своих нищих граждан. Без внимания к аратам и практического улучшения жизни распространяемая идеология казалась людям беспочвенной. Конечно, экономические проблемы можно было списать на военное положение, тем не менее, к 1945 наступал момент истины, – назревала необходимость рывка в «кочевом хозяйстве». Зазвучали новые «хозяйственные» лозунги: «каждому багу – школу, медпункт, ветучасток, клуб, радио, электричество...»⁴⁵¹ До их реального воплощения было ещё много лет, но воодушевление, настроения ожидания светлого будущего (на фоне побед над фашизмом, воспринимаемых монголами как свои собственные) уже распространялись среди людей. Монголы, уставшие от террора и лишений военного времени, нуждались в

⁴⁴⁷ Х. Цэдэнсодном. Монголын хүн амын байршилт динамик ба газарзүйн орчин. - Улаанбаатар, 1999, С. 13.

⁴⁴⁸ В августе 1943 Президиум Малого Хурала принял постановление об охране общественной собственности, в котором говорилось о необходимости усиления борьбы со всеми проявлениями расточительства, хищений и стяжательства.

⁴⁴⁹ Ф. 17. Оп. 128. Д. 11. Л. 73.

⁴⁵⁰ «Архи» (монг.) – водка.

⁴⁵¹ Ф. 17. Оп. 128. Д. 20. Л. 55.

надежде. Они сами создали мифы о героях войны и иллюзии светлого будущего.

В реальности же завершался очередной этап эволюции МНРП и всего общества вместе с ней. Шло формирование нового привилегированного слоя простых партийных функционеров – служащих. Среди них существовала своя иерархия и соподчинение, но принадлежность даже к самому низшему звену предоставляла определённые социальные гарантии, а главное, возможности роста – постепенного восхождения по социальной лестнице. Члену партии руководящие посты открывались быстрее, а члену партии и военнослужащему, участнику боёв при Халхин-Голе, - ещё быстрей! Ведь именно они прошли партийную школу и проверку в 1939! Некоторые из них оставались ещё на службе в 1945, многие демобилизовались. Именно таких и старались привлекать к партийной и руководящей работе. Пополнение рядов МНРП за пять лет (к 1июлю 1944 года) осуществлялось за счёт нижеследующих социальных групп.

Социальный состав членов МНРП, вступивших в партию в 1939-1944:

Социальные прослойки	Процентное соотношение (%)
Военнослужащие	66,5
Служащие	20,1
Рабочие	3,5
Араторы	9,8

Таблица составлена по документам ВКП(б). Ф. 17. Оп. 128. Д. 20. Лл. 24-25.

Таким образом, мы видим, что рост МНРП за 1939-1944 осуществлялся за счёт военнослужащих, на которых было необходимо полагаться в военные годы, и относительно молодой, но быстрорастущей прослойки служащих (номенклатуры). Пастухи-скотоводы составляли лишь около 10 % новых членов партии. Вообще, араторов, непосредственно занятых в кочевом хозяйстве, в партийных рядах в 1944 было всего лишь 5162 (26,6%)⁴⁵² (при общей численности МНРП – 19843 челвоек). Причём, всё чаще их исключали, а не принимали⁴⁵³. «Араторская партия» с подавляющим большинством араторов в том виде, как её пропагандировали в начале 30-ых, осталась в прошлом. В 40-ых

⁴⁵² Ф. 17. Оп. 128. Д. 20. Л. 2.

⁴⁵³ Ф. 17. Оп. 128. Д. 20. Л. 25.

МНРП по образу и подобию ВКП(б) стала воистину правящей партией, перерождавшейся в правящий класс – номенклатуру. Именно на неё опиралась верховная власть в лице Чойбалсана. Членам партии уже не возбранялось обрастиать личным имуществом, увеличивать поголовье своего скота. На 1 июля 1944 картина имущественного благосостояния членов МНРП выглядела следующим образом:

Количество бодо	Количество членов партии
Нет	2483
До 20	6986
До 50	6805
До 100	2497
До 200	575
До 300	59
До 400	9
До 500	4
Свыше 500	3

Таблица составлена по документам ВКП(б). Ф. 17. Оп. 128. Д. 20. Л. 22.

В партию уже вербовали не просто всех желающих, а осуществляли «индивидуальный» отбор, оценивая личные качества кандидата. Для правильного воспитания таких кандидатов поставили задачу «создания широкого круга беспартийного актива»⁴⁵⁴. Входящие в этот актив должны были стараться проявить себя с положительной стороны, чтобы приобщиться к новой социальной элите, – стать членом МНРП. Находясь в подобной конкурентной среде, будущие партийцы должны были ещё полнее осознавать все выгоды своего положения, почувствовать пусть маленькую – в одном худоне, но совершенно реальную власть над людьми. Конечно, эта система первичных партийных организаций плохо работала в 40-ых, она по сути только начинала обрисовываться. Однако в отличие от ситуации 20-ых уже не было шанса свернуть с намеченного курса развития: основная часть населения была запугана и хотела выжить, другая, более активная, но меньшая часть, смотрела в

⁴⁵⁴ Ф. 17. Оп. 128. Д. 20. Л. 49.

будущее и видела возможные выгоды настоящего положения. Такие настроения среди населения служили благодатной почвой для формирования монгольской номенклатуры по советскому образцу.

Интересно проанализировать условия формирования номенклатуры на монгольском варианте. Номенклатура – это эшелоны власти, скрепляющие все партийные и государственные институты и рекрутирующие в свои ряды население из всех сословий. Это своего рода привилегированный класс, внутри которого существует своя иерархия, ступени восхождения – от низшей к высшей... Однако номенклатура – это ещё не всё общество. Между номенклатурой и другими непривилегированными группами должна существовать взаимозависимость, общество должно являться питательной средой для эволюции номенклатуры (недаром Цеденбал указывал на необходимость формирования широкого беспартийного актива). Поскольку в структуре социалистического общества наиболее активная роль принадлежит привилегированному классу – номенклатуре, пассивная роль отдаётся беспартийной массе населения. В Монголии это были простые араты, от которых на самом деле не требовалось (вопреки всем показным кампаниям и красивым словам) ни глубокого понимания каких бы то ни было социальных и политических проблем, ни инициативы, ни обширных знаний и духовного развития. Разумеется, в обществе были разработаны рычаги вербовки кадров для номенклатуры из различных слоёв: особо отличившиеся, готовые стать исполнителями и проводниками решений свыше, перешагивая через своих товарищей, кандидаты могли рассчитывать на «автоматическое» попадание на определённые должности. Тем не менее, постепенно с индустриализацией страны и развитием социалистического общества, с накоплением номенклатурой благ, проход становился всё уже и уже, почти закрываясь для случайных людей. Одним из залогов успеха в таком обществе стала сеть «полезных знакомств»: номенклатура не желала «впускать» в свои ряды чужаков. Однако эта система в полной своей мере вызрела в МНР только в 70-80-ых годах. В 40-ых же завершался процесс чистки и воспитания пассивных масс – базиса для номенклатуры.

Как и в СССР при Сталине, в Монголии при Чойбалсане при вступлении в партию приоритет отдавался «молодняку». «Старые» партийцы становились опасными, так как помнили другие времена и не могли смириться с подменой

первоначальных целей (например, с уничтожением лам и антирелигиозной политикой)⁴⁵⁵. В 1944 члены МНРП по партийному стажу делились на следующие категории⁴⁵⁶:

Партийный стаж (кол-во лет)	Количество членов
До 5	8792
5 - 10	6262
10 - 15	2456
Больше 15	2333

Таблица составлена по документам ВКП(б). Ф. 17. Оп. 128. Д. 20. Л. 65.

В среде партийцев, состоявших в партии более 15 лет, наблюдалась такая картина:

Год вступления в партию	Количество членов
1921	39
1922	74
1923	105
1924	217
1925	243
1926 - 1930	1655

Таблица составлена по документам ВКП(б). Ф. 17. Оп. 128. Д. 20. Л. 65.

Таким образом, за период 1941-1945 окончательно оформились основные принципы дальнейшего пути развития МНРП (по образу ВКП(б)). Синонимом социальной политики того времени стал всеобъемлющий партийный контроль. Партия ставила своей насущной задачей - добиться исполнения директив из центра на местах, их регулярной проверки и отслеживания⁴⁵⁷.

Как всегда военное время предоставляло дополнительные возможности для установления партийного контроля на всех уровнях. В очередной раз

⁴⁵⁵ См. С. 49-50.

⁴⁵⁶ Ф. 17. Оп. 128. Д. 20. Л. 65.

⁴⁵⁷ Ф. 17. Оп. 128. Д. 11. Л. 30.

использовался метод «комбинированной войны». В 1943 вместо должности военных комиссаров (имевших равные права с командирами) были введены должности заместителей по партийно-политической работе. В армию в качестве политработников посыпались лучшие партийные агитаторы (не стоит упоминать о постоянном присутствии чутких советских инструкторов, а также обо всём увеличивающемся наборе монгольских слушателей в военные академии и учебные заведения Советского Союза). В 1944 68,3% солдат и офицеров Монгольской народно-революционной армии (МНРА) были членами и кандидатами в члены партии.

За время Второй мировой в МНРА произошли существенные структурно-организационные изменения. Во-первых, в 4-5 раза увеличилась численность армии, продлены сроки военной службы. Во-вторых, в 1944 был принят Закон о всеобщей воинской обязанности. В-третьих, в том же году ввели звания генералов и офицеров, а также новые знаки различий для военнослужащих. При генеральном штабе МНРА были созданы специализированные управления по родам войск. Обновили дисциплинарный устав внутренней службы и служебный устав караульных гарнизонов.

Монгольская армия окончательно приобретала структуру и черты Советской Красной Армии. Влияние и помощь последней были настолько всеохватывающими (постоянные поставки вооружения, техники, личного состава), что в войне против Японии сложно четко отделить действие монгольских частей от советских. Обе армии сражались под одним руководством.

К середине 40-ых единое руководство сложилось и оформилось для СССР и МНР. Общие вожди, общие кумиры... общая победа социализма над капитализмом в войне, придававшая уверенности, привносившая качественно новое содержание в межправительственные отношения Востока и Запада. Наступил благоприятный момент для оформления международного правового статуса Внешней Монголии. Напомним, что юридически МНР всё ещё считалась частью Китая, который не собирался добровольно отказываться от этой территории. Как пишет в своих работах С.Г. Лузянин, в январе 1942 оперативное управление военного комитета Китайской Республики вынашивало планы ликвидации независимости МНР в самом ближайшем будущем и

предоставления ей широкой автономии в составе Китая⁴⁵⁸. Тем не менее, ход войны определил иной исход решения о судьбе МНР. Одним из условий вступления СССР в войну против Японии в Ялтинском соглашении от 11 февраля 1945 являлось «сохранение статус-кво Внешней Монголии». Дальнейшие советско-китайские переговоры по этому вопросу замыкались на определении «статус-кво». Пекин полагал, что этот термин был использован формально, а, по сути, означал признание китайского суверенитета. Москва в свою очередь настаивала, что речь шла о независимости МНР *de facto*. Однако исход переговоров был определён международной обстановкой: нежелание, сопротивление китайцев «отдавать» Внешнюю Монголию было сломлено, Пекин был вынужден согласиться признать независимость МНР, пытаясь при этом «сохранить лицо, выдвинув условием проведение плебисцита»⁴⁵⁹. Таким образом, 14 августа 1945 был подписан советско-китайский договор о дружбе и альянсе, а 20 октября в МНР был проведён плебисцит.

Согласно постановлению Малого Хурала от 21 сентября во всенародном голосовании должны были принять участие все граждане МНР, имеющие избирательные права. Списки для голосования составляли местные органы власти. Результаты плебисцита можно было предвидеть заранее: монголы (фактически 100% принявших участие в голосовании) желали независимости. Протокол Центральной комиссии по проведению плебисцита был опубликован и 10 ноября 1945 направлен СССР и Китайской Республике, наблюдатели которой присутствовали в Монголии во время голосования. Китай был вынужден принять результаты плебисцита и признать независимость МНР, что и произошло 5 января 1946.

Это событие стало важной вехой в истории Монголии, своего рода освобождением от наследия прошлого – от многовекового господства маньчжур. Поэтому, несмотря на все послевоенные трудности, монголы, ведя совместные боевые действия с СССР против Японии (вслед за Советским Союзом МНР объявила войну Японии 10 августа 1945), находились в состоянии

⁴⁵⁸ С. Лузянин. Ялтинская конференция и проблемы международно-правового оформления МНР накануне и в годы второй мировой войны // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. - № 6, С. 55.

⁴⁵⁹ Rupen R. Mongols of The 20th Century. - Bloomington, 1964, P. 257.

воодушевления, и идея объединения всех монгольских племён вновь всколыхнула их сердца, но снова мечтам о единстве не было суждено осуществиться.

Очистив Маньчжурию и Внутреннюю Монголию от японских узурпаторов, советско-монгольские войска предприняли попытку установить своё влияние на завоёванной территории. 30 августа их войска вошли в Калган, нейтрализовав уже находившихся там китайских коммунистов. Однако в дальнейшем СССР уступил власть над Внутренней Монгoliей КПК, которая, в конце концов, задушила всплеск панмонголизма. Надо отметить, что МНР также не была особенно активна в сложившейся ситуации, опасаясь, что вопрос о Внутренней Монголии встанет на пути её членства в ООН (первое обращение состоялось летом 1946).

Как пишет в своей книге Р. Рупен, покидая Внутреннюю Монголию, советско-монгольские части захватили с собой 15 тыс. японских заключённых, которые и выполняли тяжёлую черновую работу по восстановлению хозяйства и строительству новой городской инфраструктуры Улан-Батора в первые послевоенные годы⁴⁶⁰.

Как будет видно из следующей главы, первые пять лет после войны лягут тяжёлым бременем на население и экономически, и политически: необходимость восстановления ослабленного хозяйства найдёт своё отражение в дальнейшем расширении и углублении партийного строительства и ужесточении репрессивной внутригосударственной политики. Однако эти процессы для населения будут протекать уже на принципиально ином идеологическом и эмоциональном фоне – при официальном признании существования независимого государства МНР.

Таким образом, за годы Второй мировой войны в МНР под руководством гражданских и военных советских инструкторов, при репрессивном режиме Х. Чойбалсана происходило углубление партийно-государственного контроля над населением и на фоне пополнения категории служащих оформление правящей социальной прослойки – монгольской номенклатуры.

⁴⁶⁰ Rupen R. Mongols of The 20th Century. - Bloomington, 1964, P. 261.

Глава VII. 1946-1952. Противоречия социалистического строительства после войны

Победа во Второй мировой войне воодушевляла и порождала радостные настроения в монгольском обществе. Как и многие народы Азии, монголы вышли из Второй мировой войны с качественно новым пониманием себя как нации, противостоящей мировому фашизму и победившей. Последовавший рост международного авторитета «старшего брата» укрепил связку СССР и МНР. Монголы ещё острее осознали свою принадлежность к социалистическому сообществу, возглавляемому Советским Союзом, представлявшим свою победу над Гитлером как торжество социалистического общества над капиталистическим. (Недаром 40-ые годы характеризуются активным ростом партий коммунистического толка.) После войны для монголов Внешней Монголии начался период признания на международной арене. Главным достижением, естественно, явилось признание МНР гоминьдановским Китаем в январе 1946, а также установление дипломатических отношений с КНР в октябре 1949. МНР также установила дипломатические отношения с КНДР (октябрь 1948), НРА (май 1949), с ГДР, ПНР, НРБ, ЧССР, ВНР, СРР (апрель 1950).

Если мы в общих чертах проанализируем историю международных отношений Монголии в течение трёх последних веков, то увидим, что, несмотря на все перипетии, противоречия и сложности, официального оформления своего международно-правового статуса независимого государства эта страна достигла только к середине XX века. Таким образом, вопреки всем возможным возражениям сторонников концепции сателлитизма, невозможно отрицать факт, что именно благодаря Советскому Союзу Внешняя Монголия добилась независимости во второй половине XX века. Конечно, у медали есть обратная сторона: монгольское общество оказалось втянутым в воронку социалистических преобразований Советским Союзом и Коминтерном и в создавшихся условиях не имело других альтернатив развития, однако это

вопрос другого порядка. С точки зрения международных отношений Монголия добилась определённых успехов при поддержке СССР. Во второй половине XX века МНР выступает на международной арене в качестве независимого национального государства.

Происходили перемены и в социально-экономической сфере, однако, они по-прежнему носили весьма сложный и противоречивый характер. Первые пять лет после войны – это продолжение социальных преобразований, начатых в 1940-1941: идёт дальнейшее оформление нового класса номенклатуры; углубляется и функционализируется разделение общества на служащих, военнослужащих, рабочих, аратов, интеллигенцию. Одновременно усиливаются рычаги вмешательства государства в экономические процессы (вплоть до контроля над личными артскими хозяйствами) и прессинг новых даргов на местах.

Период 1946-1952 – продолжение диктатуры Х. Чойбалсана в не менее жесткой форме, чем в первой половине 40-ых. Подразделениям МВД приходилось удерживать изголодавшееся и обнищавшее за время войны население от любой возможной формы социального протesta (прямой или косвенной). Действия МВД к началу 50-ых приобретают характер не только чрезвычайных (подавление вспыхнувших мятежей, фабрикация дел с целью ликвидации политических конкурентов как в 20-30-ых), но и профилактических (проведение воспитательных кампаний для уничтожения любой мысли о социальном протесте в самом её зародыше). Окончательно формируется схема функционирования власти и её репрессивных органов: Президиум ЦК МНРП (как правило, после очередного съезда или пленума) провозглашает *новый курс* партии (который может быть очень спекулятивным и удобным для самого разностороннего толкования), издаёт ряд резолюций, на основе которых МВД приступает к новым репрессивным действиям (отсюда берёт начало советское выражение «*попасть под статью*»). Конечные формулировки решений ЦК и резолюций существуют для прессы, идеологического воздействия на население, а практические руководства по проведению *нового курса* среди этого населения – для компетентных органов, чей статус секретности начинает восприниматься людьми априори. Согласно насаждаемой идеологии, простым гражданам не обязательно всё знать и понимать о положении дел в своей стране, потому что о них и так хорошо заботится государство, а МВД стоит на страже порядка.

На самом деле, структура монгольского МВД после войны была ещё очень рыхлой, а подразделения слабыми. Советские работники в Улан-Баторе в 1947 отмечали плохую работу милиции⁴⁶¹. Отчасти это было обусловлено экономическими проблемами. Послевоенные сложности отразились и на армии, материальное положение которой было тяжёлым, в особенности лишения претерпевали солдаты и офицеры пограничной полосы. Зачастую они даже не были обеспечены продуктами питания и топливом⁴⁶². Естественно, в таких условиях не было ни учётности, ни контроля над кадрами (этим основным принципам социалистического управления монгол пытались научить советские инструктора). Подобное положение дел в армии (и милиции) – потенциально взрывоопасная ситуация, и хотя XI съезд МНРП в 1947 и принял резолюцию об укреплении боеспособности армии, *практической* помощи ей и инструктаже⁴⁶³, настоящее *практическое* решение проблемы пришло в традиционной репрессивной форме.

В 1947 фабрикуется очередное крупное дело, известное под названием «Порт-Артура» и представляемое как покушение на великого лидера Чойбалсана. По делу было арестовано 80 человек, из которых 42 расстреляны. Одновременно «под дело» Президиум ЦК МНРП издал особую резолюцию по борьбе с «усищающимися антиреволюционными настроениями», на основе которой приняли решение о «формировании секретных представительств МВД» по все стране. Эти представительства и осуществляли *практическую помощь и инструктаж*. Так укреплялись, росли и ширились репрессивные организации.

После войны МНР вслед за СССР начинает постепенно создавать социально-экономическую базу для дальнейшего некапиталистического развития (социализма). Как было показано в предыдущей главе, после политических репрессий конца 30-ых и начала 40-ых это стало наконец-то возможным и, более того, необходимым. Речи о низких темпах развития животноводства и необходимости перехода к плановому хозяйству звучали ещё и в первой половине 40-ых, и главным запевалой в этом вопросе стал хорошо подкованный в СССР товарищ Ю. Цеденбал. Война заморозила решения X

⁴⁶¹ Ф. 17. Оп. 128. Д. 206. Л. 59.

⁴⁶² Ф. 17. Оп. 128. Д. 206. Л. 79.

⁴⁶³ Ф. 17. Оп. 128. Д. 393. Л. 844.

съезда МНРП и VIII Великого Народного Хурала по развитию народного хозяйства. Однако все эти вопросы снова встали на повестку дня после войны.

Вторая мировая война нанесла большой ущерб экономике МНР. В 1945 в ходе военных действий против Японии убытки составили более чем 200 млн. тугриков. На неопределённое время была отложена постройка Уланбаторской железной дороги и ряда промышленных объектов. За период 1940-1945 общая численность поголовья скота страны сократилась более чем на 6 млн. Наблюдался огромный дефицит материальных, финансовых и людских ресурсов. Последнее в определённой мере компенсировалось советскими работниками (которых в этот период было сравнительно немного), а также захваченными во Внутренней Монголии для строительства Уланбаторских объектов японскими военнопленными. Материальное и финансовое обеспечение, как и прежде, в основном зависело от СССР и! от новых социалистических государств.

После войны СССР вновь приступил к разработке планов по использованию сырьевых ресурсов и строительству стратегических промышленных предприятий в Монголии. Несмотря на истинные причины этого подхода, он сыграл свою определённую положительную роль в развитии МНР, обеспечив её со временем городской инфраструктурой, путями сообщения и отдельными мощными промышленными предприятиями. Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и МНР было подписано одновременно с новым Договором о дружбе и взаимопомощи 27 февраля 1946.

«Развитие производительных сил страны», «повышение материального благосостояния и культурного уровня трудящихся» – таковы были девизы нового комплекса экономических, политических и культурных мероприятий партии и правительства. За этими лозунгами в первую очередь стояло усиление всех ветвей государственной власти, её вмешательство в экономику и образование, а также воспитание национальных кадров. Прошедший в апреле 1946 Пленум ЦК МНРП поставил вопрос «О состоянии государственного и хозяйственного аппарата и мерах по улучшению его работы». Одно из главных предлагаемых решений – проверка исполнения – подразумевало вмешательство партийных органов во все хозяйственные мероприятия в стране. Партия должна

была донести мысли вождей мирового пролетариата о кочевом хозяйстве до каждого арата.

Партийное строительство шло полным ходом, проекладывая основной вектор развития монгольского общества на путях строительства социализма. Происходил невиданный ранее рост партии: если за 10 лет (1934-1944) общая численность партии увеличилась на 11531 человека, то за три года (1944-1947) она возросла на целых 7916 новых членов, и к XI съезду (декабрь 1947) её окрепшие ряды насчитывали 27759 человек и 904 парт ячейки. Определённый прогресс наблюдался в повышении уровня грамотности членов партии, хотя, в целом, он оставался неудовлетворительным.

Состав участников XI съезда по степени грамотности представлял собой следующую картину:

Образование съезда	Количество делегатов	Процентное соотношение делегатов (%)
Высшее образование		19,3
Среднее образование		15,1
Специальное образование		8,9
Начальное образование		8,2
Неграмотные		51,5

Таблица составлена по документам ВКП(б). Ф. 17. Оп. 128. Д. 393. Л. 24.

Следует обратить внимание на градацию этой таблицы, выбранную самими организаторами съезда: высшее, среднее, специальное, начальное образование, - всё это (как и относительное повышение уровня грамотности партийцев) свидетельствует о внедрении советской системы образования в МНР и об определённом повышении уровня грамотности и культуры населения.

Сохранялась тенденция омоложения партийных рядов, - как и на X съезде на XI основной возрастной состав был молодой и свежий: большинство

делегатов моложе 35 лет. 14,3% состава участников были женщины⁴⁶⁴. На съезде присутствовало 479 арата и 3 *таймажи*.

По имущественному положению делегаты XI съезда были представлены следующим образом:

Количество бодо	Количество делегатов
Нет	102
1-20	162
20-50	161
50-100	42
100-200	15

Таблица составлена по документам ВКП(б). Ф. 17. Оп. 128. Д. 393. Л. 25.

Хотя эта статистика и не даёт представления о действительном благосостоянии членов партии, есть и другие факты, косвенно свидетельствующие о его некотором повышении. Так, весомый процент служащих в партийных рядах сам по себе свидетельствует о социальных льготах, вытекающих из членства в МНРП.

К началу 1948 социальный состав партии представлял собой следующую картину:

Социальный состав	Процентное соотношение членов МНРП (%)
Скотоводы	54,1
Служащие	41,2
Рабочие	4,7

Таблица составлена по документам ВКП(б). Ф. 17. Оп. 128. Д. 393. Л. 942.

По полному отсутствию прослойки военнослужащих, составлявшей наибольший процент в партии в 1944⁴⁶⁵, можно судить о переходе общества и

⁴⁶⁴ Ф. 17. Оп. 128. Д. 393. Л. 27.

⁴⁶⁵ См. таблицу С. 158.

экономики Монголии на мирные рельсы. Незначительный рост рабочих отражает появление новых индустриальных рубежей.

Как мы отмечали выше, чрезвычайная деятельность партийно-репрессивных структур постепенно уступала место бюрократизации. ЦК партии теперь уже не просто ликвидировала тихо своих противников, а издавала специальные резолюции (монг. «тэсээргүүс»), в которых содержались указания в поддержку или против каких-то процессов в обществе или группы людей. В задачу всех ветвей власти и партийных органов входило проводить эти резолюции, доносить их содержание до каждого гражданина, уверяя в их правильности и добиваясь их воплощения. «Марксизм это не догма, а руководство к действию», - цитировали корифеи МНРП, а потом добавляли: «однако не стоит понимать это очень буквально»⁴⁶⁶...

32 декабря 1947 XI съезд принял Устав МНРП (по модели РКП(б)), в котором подробно были расписаны условия приёма в партию, обязанности и права её членов. Интересно подметить новый уровень контроля над партийными работниками: в отличие от 20-ых и даже от 30-ых в 40-ых он стал распространяться и на личную жизнь людей. Вынесение «морального облика члена партии» в качестве предмета для обсуждения на заседании, обвинение в «разложении» – таковы были новые методы нивелирования противников и конкурентов. Например, что в том, что члены правительства Лувсан-Жамьян и Балдан «с получением должностей министров сменили себе жён»⁴⁶⁷? В 1924, 1928 и даже в 1937 такие случаи вряд ли кого-то взволновали, а в 1946 они были вынесены на Пленум ЦК МНРП!

Появляются и другие типичные обвинения – «в излишнем бюрократизме», в «косности». Будучи по сути абстрактными и на практике не подтверждаемыми, они, тем не менее, становятся универсальными приёмами в политических чистках. Выдвижение этих обвинений в адрес какого-нибудь лица автоматически сигнализирует всем остальным об отрицательном отношении, которое они должны занять по отношению к этому человеку.

Наравне с этим сохраняется миф о «внутренних врагах», которые на этот раз олицетворяют собой все отрицательные «пережитки прошлого,

⁴⁶⁶ Ф. 17. Оп. 128. Д. 393. Л. 942.

⁴⁶⁷ Ф. 17. Оп. 128. Д. 206. Л. 57.

*мелкобуржуазную стихию*⁴⁶⁸. Под эту «статью» в начале 1946 попали, в частности, министр МВД – Шагдаржав, министр торговли Лувсан-Жамьян, министр здравоохранения Шагдарсурэн, председатель Монкопсоюза Цагандорж⁴⁶⁹.

Поскольку массовый террор конца 30-ых остался в прошлом, число репрессированных сокращалось, МВД от политических чисток стали постепенно переводить на «незримый бой» с «ворами, растратчиками и хулиганами»⁴⁷⁰, чувствовавшими себя в Улан-Баторе в то время довольно свободно.

К середине 40-ых в городе развелось множество воров и хулиганов, приносящих населению немалый ущерб, в особенности, в результате квартирных краж. Самым распространённым видом преступлений был налёт уличных проходимцев, гулять по городу, когда стемнеет, стало небезопасно, иногда даже днём одинокий путник мог лишиться содержимого своих карманов. Пятьдесят лет спустя, в 90-ых, когда в монгольском обществе на фоне дзуда, голода и безработицы снова выделились маргинальные слои, картина преступности и хулиганства в столице напоминает то послевоенное время.

После войны в Монголии продолжается борьба с усиливающейся «ядаргой»⁴⁷¹: с отсутствием трудовой дисциплины – прогулами, опозданиями, болтовней во время рабочего дня, ленью... Оказалось, что даже среди работников столичных министерств были такие, кто мечтал уйти с работы, уехать в худон и «живь таи спокойно без всяких тревог»⁴⁷². Не помогали ни награды, ни поощрения. Стимулом иногда являлась поездка в Советский Союз, воспринимавшаяся, правда, не как командировка, а как развлекательное путешествие⁴⁷³. Таюке министерские деятели порой развлекались быстрой ездой на казённых автомобилях. Понятия о правилах дорожного движения у кочевников ещё не сформировались, поэтому наблюдались частые случаи гонок в нетрезвом виде, происходили бесконечные поломки; единичные автомобилисты в просторном Улан-Баторе (или даже в степи) умудрялись

⁴⁶⁸ Ф. 17. Оп. 128. Д. 206. Л. 40.

⁴⁶⁹ Ф. 17. Оп. 128. Д. 206. ЛЛ. 40, 55, 56.

⁴⁷⁰ Ф. 17. Оп. 128. Д. 206. Л. 59.

⁴⁷¹ См. С. 159.

⁴⁷² Ф. 17. Оп. 128. Д. 206. Л. 44.

⁴⁷³ Ф. 17. Оп. 128. Д. 206. Л. 46.

попадать в автокатастрофы с человеческими жертвами⁴⁷⁴. Не способствовали повышению дисциплины и царившие в ведомствах склоки; министры писали друг на друга доносы.

На местах с «ядаргой» также пытались бороться административными и репрессивными методами. Для иллюстрации трагикомичности этой бессмысленной «борьбы» приведём ниже выдержки из приказов управления одного бага⁴⁷⁵ в адрес неповинующихся аратов: «...наши баг должен выделить двух скотогонов в этом году, управление бага решило выделить вас скотогоном, поэтому категорически приказывается вам немедленно явиться... иначе судебная ответственность»; «Почему, несмотря на официальные требования, вы не перекочёвываете на территорию нашего бага? Думаете ли вы, что можете безнаказанно нарушать требования администрации? Если думаете так, то продолжайте кочевать дальше...»; «Если вы не выполните приказ, то пеняйте на себя, так как будете привлечены к уголовной ответственности»; «Если вы раньше ссылались на ничтожные причины, вроде того, что у вас нет подвод, то сейчас вы должны понять, что эти отговорки не будут приняты во внимание». Налицо неэффективность власти, неспособность проводить административные решения, да и технология принятия решений (вернее, её полное отсутствие) оставляет желать лучшего. Таких примеров очень много. Планово-учётные кадры на местах были виртуальные. Главная причина тому крылась вовсе не в «специфике монгольской географии», как полагали некоторые работники Коминтерна в начале 30-ых, иронизируя на своих совещаниях: «Так вот, коллективизируем эту братию, живущую на расстоянии 100 км. друг от друга!», хотя и в ней тоже, а в отсутствии элементарных экономических благ, которые власть могла бы предоставить простым аратам-скотогонам.

В экономической программе восстановления страны после войны партия и правительство полагались на решения X съезда о плановом принципе ведения хозяйства. Переход на пятилетки казался реальной перспективой поднятия хозяйства Монголии, находившегося в это время в упадочном состоянии. Неуклонно сокращалось поголовье скота, провалилась идея создания

⁴⁷⁴ Ф. 17. Оп. 128. Д. 206. Л. 55.

⁴⁷⁵ «Приказ управления четвёртого бага Буринсомона Центрального аймака от 25.01.1946». Ф. 17. Оп. 128. Д. 206. Л. 41.

«образцовых кормовых баз на основе строго научных методов»⁴⁷⁶, в торговой сети расплодились «одни воры и жулики»⁴⁷⁷, плохо оказывалась медицинская помощь населению. Неналаженная инфраструктура препятствовала укреплению государственного аппарата: всё ещё отсутствовала связь с отдалёнными частями страны, наличествующие телефонные линии обрубались и растаскивались, радиоточки часто не принимали сигналы⁴⁷⁸.

Наравне с плановостью пытались поднять заинтересованность араторов в своём труде, стимулировать личную инициативу. Грязнули лозунги о перевыполнении планов по увеличению поголовья скота (без учёта качества). Вопреки ожиданиям, это лишь отрицательно сказалось на государственном секторе экономике, на поддержание которого и были в первую очередь ориентированы эти меры. Местные чиновники только усилили давление на членов кооперативов, продолжалось расхищение их собственности. Аймачные, сомонные кооперативы и система централизованной торговли работали плохо: товары не доходили до населения, оседали в руках даргов, которые «были безответственны, распускались, обыскивали и принуждали население»⁴⁷⁹. Сохранилось и батрачество.

В 1947 кооперативы совсем ослабли, потери коллективного скота достигли 33%⁴⁸⁰. О плачевном состоянии кооперативов наряду с другими болезненными вопросами ЦК МНРП доложил на XI съезде в декабре 1947. Этот съезд провозгласил первый пятилетний план в истории МНР. Решение о переходе на плановое хозяйство было закономерным, если сказал «А» - произнесёшь и «Б», коли встал не рельсы социализма, покатишься в нужном направлении. Как гласила первая статья чойбалсановской конституции: «МНР - независимое государство трудящихся, уничтоживших империалистический и феодальный гнёт, обеспечивающее некапиталистический путь развития страны для перехода в дальнейшем к социализму»⁴⁸¹. Для успешного продвижения по этому пути необходимо было, по словам того же Чойбалсана,

⁴⁷⁶ Ф. 17. Оп. 128. Д. 393. Л. 83.

⁴⁷⁷ Ф. 17. Оп. 128. Д. 393. Л. 844.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Ф. 17. Оп. 128. Д. 393. Л. 65.

⁴⁸⁰ Rosenberg, Daniel Mark. Political leadership in a Mongolian nomadic pastoralist collective. - University of Minnesota, 1977 (printed in 1992), P. 27.

⁴⁸¹ Ф. 17. Оп. 128. Д. 393. Л. 27.

«вытравить понятие собственности»⁴⁸². Впредь по экономическим вопросам все решения принимались исключительно в пользу крупного коллективного хозяйства. К тому же, выяснилось, что, оказывается, «темпы развития животноводства отстают от темпов развития промышленности и культуры...»⁴⁸³ Если мы задумаемся над этим доводом периода форсированной индустриализации послевоенной Монголии, то увидим в нём долю истины: зачатки развития промышленной инфраструктуры и приобщение к коммунистической идеологии и через неё к культуре модернизма было большим скачком для Монголии, в то время как доминирующий экономический уклад – кочевое скотоводство – оставался неизменным. Разница между политически активной Ургой и аморфно-консервативной периферией в 20-ых привела к несинхронности изменения качества и стиля жизни в Улан-Баторе и хуудонах в 40-ых. Поэтому слова Чойбалсана о медленных темпах роста в животноводстве по сравнению с промышленностью и культурой были в определённом смысле справедливы. Административная система в Монголии сменилась к 50-ым, основной экономический уклад – нет.

Как известно, идеологи социалистических обществ часто пытаются объяснить населению существующие экономические проблемы политическими факторами. Если же политический курс уже чётко определён, и сложно найти (или искусственно создать для последующей публичной ликвидации) сколько-нибудь существенное оппозиционное движение, то обвинения сыплются в адрес «отдельных реакционных» чиновников, которые или сохранили устарелые взгляды или «неправильно истолковали линию партии и народа». В Монголии во второй половине 40-ых «оппозиционно настроенных слоёв населения» уже не наблюдалось, – не было ни князей, ни лам, способных противостоять режиму. Опустевшие ячейки корпоративной власти на местах заполнили новые *дарги*. Однако методы управления, используемые ими, были старые, и поэтому критика, которая раздалась в их адрес после XI съезда, была во многом справедлива. Местных чиновников обвиняли, в частности, в подрыве экономики кооперативов: в игнорировании закона утилизации земель от 1942. Бороться с подобными негативными явлениями как всегда поручили парт ячейкам. Уже в

⁴⁸² Ф. 17. Оп. 128. Д. 393. Л. 65.

⁴⁸³ Там же.

1948 давление на кооперативы со стороны *дэргов* было в значительной степени нивелировано, и наблюдался небольшой прогресс в развитии кооперативного движения⁴⁸⁴. Так начиналась первая пятилетка, политической целью которой являлось укрепление централизованного управления экономикой страны.

В феврале 1949 IX Великий Народный Хурал утвердил пятилетний план и Закон о государственном планировании прироста скота. Это был очередной шаг в поддержку кооперативов. С 1949 в Монголии была введена система ежегодного планирования прироста скота для каждого индивидуального аратского хозяйства. На частников налагался ряд невыгодных обязательств, одно из которых заключалось в поставке скота государству по ценам ниже рыночных, и в отличие от предшествующего периода (до 1949) количество предоставляемого скота зависело не от фактического, а от планируемого поголовья⁴⁸⁵. Следствием этой политики явился переход аратов в кооперативы и передача скота в коллективную собственность. В 1947 поголовье коллективного скота увеличилось на 10% (а в 1952 оно возрастёт уже на 23%)⁴⁸⁶.

Идеологи первой пятилетки рассчитывали также создать новое социалистическое отношение к труду у кочевого населения. Частную заинтересованность пытались затмить духом соревнований ради общего дела. Поднять аратов на борьбу за высокие производственные показатели было делом нелёгким, и первые плоды государственного курса по взращиванию национальных передовиков пришли с развитием социальной сферы и системы наград и поощрений к концу 50-ых.

В целом, первый пятилетний план провалился, так как не была выполнена основная задача, — не произошёл желаемый подъём животноводства. В 1952 по сравнению с 1947 общее поголовье скота в стране возросло лишь на 8,7% (в основном из-за нажима на частные хозяйства)⁴⁸⁷.

Тем не менее, за годы первой пятилетки в МНР появились национальные кадры по ряду отраслей народного хозяйства; создали новые конно-сенокосные

⁴⁸⁴ Rosenberg, Daniel Mark. *Political leadership in a Mongolian nomadic pastoralist collective*. - University of Minnesota, 1977 (printed in 1992), P. 28.

⁴⁸⁵ Там же, Р. 29.

⁴⁸⁶ Там же, Р. 30.

⁴⁸⁷ МАХН-ын Төв Хорооны 1953 оны 3-р сарын хурлын илтгэл, тогтоол. - Улаанбаатар, 1953, С. 11.

станции (их общее количество увеличилось в 5 раз); строили механизированные колодцы; расширили ветеринарную сеть.

Революционные преобразования произошли в сфере транспорта. В течение 1948-1952 постепенно отменили уртонную повинность! Конные уртоны заменялись автотранспортом. В аймачных центрах появились автотранспортные базы; налаживались перевозки грузов и пассажиров между аймачными центрами и столицей, а также внутри аймаков. По отчётом министерства транспорта, автопарк за годы пятилетки вырос на 67%, а себестоимость перевозок снизилась на 18,4%⁴⁸⁸. Особым событием явилась сдача в постоянную эксплуатацию Уланбаторской железной дороги, построенной с помощью СССР.

Вообще, эти и последующие успехи развития хозяйства МНР во многом происходили за счёт прямых инвестиций СССР и других социалистических стран, а также советских специалистов. После войны Советский Союз ещё плотнее прижал к себе Монголию, но и дал ей немало. Постоянно возрастал внешнеторговый оборот между МНР и СССР, за годы первой пятилетки он увеличился по импорту на 25,4%, а по экспорту на 15,6%. Расширялся и ассортимент советских товаров, ввозимых в Монголию. По сравнению с 1940 поставки товаров широкого потребления Советским Союзом в 1950 увеличились на 90%, а промышленного оборудования и строительных материалов – на 79,5%. Ежегодно за счёт советского капитала рос и государственный бюджет МНР, преумножались вложения во все отрасли народного хозяйства. Если в 1948 в народное хозяйство было инвестировано 40,6 млн. тугриков, то в 1952 – уже 49,5 млн. тугриков. Всего за годы пятилетки эта сумма составила 203,7 млн. тугриков. В 1952 в сельское хозяйство Монголии было вложено в 10 раз больше средств, чем в 1947. Пятилетний план капиталовложений в промышленность был выполнен на 104,6%⁴⁸⁹.

На основе Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и МНР от 1946 за годы первой пятилетки в Монголии был построен ряд новых предприятий. В районе Налайхи было разработано семь новых шахт (в том числе «Налайха-капитальная») и восстановлено несколько старых. Осуществилась реконструкция Уланбаторской ТЭЦ. Были расширены и

⁴⁸⁸ Цифры приведены по: История Монгольской Народной Республики. - Москва, 1983, С. 463.

⁴⁸⁹ Там же, С. 463-164.

оснащены новой техникой промышленный комбинат и механический завод в Улан-Баторе. Возросло число предприятий в пищевой отрасли, был построен новый крупный мясокомбинат. В аймаках также создавались пищекомбинаты, спиртоводочные заводы, хлебокондитерские предприятия, столовые. Расширяли и оснащали государственную типографию (мысли вождей должны быть донесены до народа), в аймаках появлялись небольшие местные типографии (необходимость укрепления местных парт ячеек). Была проведена прямая телефонная линия Улан-Батор – Кобдо протяжённостью 1500 км, налаживалась телефонная и телеграфная связь в аймаках, в сомонах устанавливали радиопередаточные станции. Развивалось гражданское строительство и производство местных строительных материалов. С 1940 по 1951 по всей стране были сданы в эксплуатацию десятки промышленных объектов, школ, больниц, клубов и жилых домов. Среди них здания, и по сей день являющиеся основными достопримечательностями в городе, - Монгольский государственный университет, Государственный драматический театр, кинотеатр «Элдэв-Очир», Государственная публичная библиотека и др. Всего за это время были построены здания общей площадью свыше 1 млн. кв. м.

Развитие индустриализации и инфраструктуры в МНР изменило стиль жизни Улан-Батора. Начался медленный, но постоянный рост городского населения. Если в 1944 в столице проживало 30,5 тыс. человек, то в 1950 – 55,5 тыс. С расширением сферы услуг прирост населения ещё больше увеличивался. Так, за период 1950-1956 население Улан-Батора увеличилось на 100 тыс. человек⁴⁹⁰. Несмотря на это, худонское население продолжало доминировать над городским. В 1956 в хурулах проживало 662,5 тыс. человек (78,4%), а в городах – 183 тыс. (21,6%)⁴⁹¹.

К концу пятилетки в Монголии несколько увеличилось количество рабочих. Вместе с тем, это вовсе не даёт основания говорить о формировании рабочего класса. В условиях преобладания в стране кочевого населения само выдвижение проблемы классового деления общества выглядит неубедительно. Кроме того, приводимая в книгах статистика о численности монгольских

⁴⁹⁰ Дэндэвийн Дамжав. Улаанбаатар хотын хүн ам зүйн лавлах гуравдугаар дэвтэр. - Улаанбаатар, 1998, С. 68.

⁴⁹¹ Х. Цэдэнсадном. Монголын хүн амын байршилт динамик ба газарзүйн орчин. - Улаанбаатар, 1999, С. 13.

рабочих выглядит неубедительно. Например, утверждается, что общая численность рабочих и служащих, занятых в промышленности и на транспорте, достигла свыше 70 тыс. человек в 1952⁴⁹². При этом точных данных по количеству служащих и рабочих в отдельности не приводится. Более того, даже цифра 70 тыс. не выглядит достаточно весомо на фоне общей численности населения свыше 750 тыс. человек (на конец 1950)⁴⁹³. Несмотря на появление монгольских шахтёров, бурильщиков, паровозных машинистов, слесарей, токарей, электромонтёров, каменщиков, штукатуров, трактористов и т. д., промышленный сектор в МНР после войны в основном создавался руками советских специалистов (и частично японских военнопленных)⁴⁹⁴. Таким образом, фигурировавшая в партийных директивных документах руководящая роль монгольского рабочего класса в строительстве социализма – не более чем миф. Постепенно социальные блага в виде бесплатных больниц, школ, клубов доходили и до худонов.

В апреле 1950 Совет Министров МНР и ЦК МНРП приняли постановление «*О полной отмене системы нормирования продажи товаров населению, системы отоваривания заготовок шерсти и сырья и перехода к свободной продаже продовольственных и промышленных товаров населению*». Сам по себе этот указ свидетельствует о частичном преодолении послевоенного кризиса экономики. С мая 1950 на территории Монголии возобновилась свободная торговля по единым государственным ценам. По всей видимости, «чёрный» рынок по-прежнему сохранялся. Однако из-за ограниченности информации по данной теме, мы можем только строить предположения о его товарообороте (по официальным данным на его долю приходилось всего 6%)⁴⁹⁵. Чтобы увеличивать долю государственной и кооперативной торговли, партия и правительство были вынуждены проводить систематическое снижение розничных цен в 1946, 1947, 1948 и 1951.

Результатами первой монгольской пятилетки стали дальнейшая государственная монополизация экономики страны наравне с расширением и

⁴⁹² История Монгольской Народной Республики. - Москва, 1983, С. 465.

⁴⁹³ Х. Цэдэнсодном. Монголын хүн амын байршилт динамик ба газарзүйн орчин. - Улаанбаатар, 1999, С. 13.

⁴⁹⁴ См. С. 171.

⁴⁹⁵ История Монгольской Народной Республики. - Москва, 1983, С. 463.

углублением партийных (и репрессивных) структур, нивелирование частного сектора и укрепление кооперации, а также относительное повышение материального благосостояния граждан. Особого внимания заслуживают культурные достижения.

Для беспристрастной оценки государственной политики в сфере культуры и образования в монгольском обществе после войны необходимо ясно отдавать себе отчёт, кто и с какой целью её проводил. Очевидно, что даже преобразования в этой области были подчинены одной задаче – обеспечению контроля МНРП над населением. Это определило и характер развития культуры в МНР на все последующие годы социализма: попытки отдельных представителей интеллигенции и артистических кругов выйти за рамки насаждаемой идеологии (как мы не раз отмечали в предыдущих главах понятия образования и идеологии в социалистических обществах едины). Придумывали резолюции и принимали постановления по вопросам образования и культуры те же деятели, которые делали революцию и устанавливали режим власти МНРП.

За 1921-1946 произошла быстрая смена поколений монгольских революционеров. После войны превалирующее большинство членов МНРП были люди, воспитанные на «челых загибах» и чистках. В лидеры партии продвигали выпускников партийной школы в Улан-Баторе или советских образовательных учреждений. От лидеров 20-ых и даже 30-ых годов их отличало знание теории марксизма-ленинизма. Характерно, что система полит просвещения в Монголии оформляется именно в 40-ых годах. В это же время начинают активно публиковать переводы Маркса на монгольский язык. В 1947 в МНР перевели и издали сочинение Сталина «Вопросы ленинизма»⁴⁹⁶. Так начинается постепенное внедрение советской идеологии в умы интеллигентской элиты.

Воспитание интеллигенции – очередная стадия перетасовки общества по социалистической модели. После того, как ликвидировали политических оппонентов и потенциальных противников, *подчистили* и запугали широкие массы простых людей, пришёл черёд наиболее малочисленной, но самой непокорной группе, привыкшей принимать самостоятельные решения, – интеллигенции. Следует отметить её относительную молодость в Монголии.

⁴⁹⁶ Ф. 17. Оп. 128. Д. 619. Л. 1.

Это и неудивительно: дореволюционную интеллигенцию представляли в основном высшие ламы, которые уже были ликвидированы. Интеллигенция МНР – это, в основном, люди, получившие образование в Советском Союзе. Хотя образование имеет колossalное значение в формировании взглядов на общественные процессы, оно не является гарантом лояльности к режиму и тем более согласия с ним. Интеллигенция является прослойкой, способной к критическому осмыслению действительности, поэтому для усмирения её необходимо создать условия, при которых было бы неповадно заниматься «критиканством». В МНР во второй половине 40-ых предпринимается ряд шагов в этом направлении: во-первых, продолжаются репрессии, во-вторых, основываются специальные институты социалистической культуры. Естественно, что залев в культурной сфере жизни нового монгольского общества также принадлежит советским организациям. С 1946 в МНР активно действует Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС).

ВОКС – одно из продолжений бывшей разветвлённой структуры Коминтерна. Теперь советские инструктора стали содействовать монгольским братьям в создании социалистического управление культурой, организации интеллигенции и творческих работников в проф. союзы. В МНР появляются: Государственный Университет, Государственный Музыкально-Драматический театр, Союз писателей, Монголизо (Монгольское изобразительное искусство), Киностудия, Китайский театр. В задачу новых культурных ведомств входила пропаганда помощи Советскому Союзу⁴⁹⁷ для поднятия самосознания монгольского народа и воспитания братских чувств. Кадровая политика распространялась и на духовную жизнь населения: с помощью ВОКСа новые культурные учреждения учились «курировать и продвигать отдельных деятелей науки и культуры»⁴⁹⁸. В 1946 намечалось продвинуть следующих: 1) учёного и писателя Ринчина⁴⁹⁹; 2) артистку Эрдэнибатын; 3) художника

⁴⁹⁷ Ф. 17. Оп. 128. Д. 86. Л. 3.

⁴⁹⁸ Ф. 17. Оп. 128. Д. 86. Л. 3.

⁴⁹⁹ Д. Дашпурэв в своей книге пишет, что Чойбалсан хотел казнить Ринчина ещё в 1939, однако впоследствии решил использовать его опыт для проведения культурной революции. Однако Ринчин сумел отклониться от участия в государственных культурных кампаниях. Травля Ринчина начнётся в конце 50-ых. Особое недовольство со стороны партии будет вызывать критика учёным некоторых сокращений в монгольской грамматике, произведённых в 40-ых, и многое другое.

Чойдога; 4) ректора Университета Ширендыба; 5) председателя Учёного Комитета Дугээрсурэна⁵⁰⁰. Следует подчеркнуть, что работа ВОКСа в МНР вовсе не была столь систематичной, как это выглядело на бумаге, происходила частая смена уполномоченных⁵⁰¹.

Культурные учреждения советского типа создавались с целью перестроить старую интеллигенцию на новый лад, ликвидировав особенно выделявшихся, и воспитать новую, поддерживающую политический режим. Особое внимание уделяли приобщению бывших буддистов к научной системе знаний и атеистическому мировоззрению.

Внедрить науку как социальный институт в монгольское общество было крайне сложно. Во-первых, невозможно было привить демократический дух публичных дискуссий, непоколебимый заслон в этом деле представляло традиционное *восточное* почитание учителей и авторитетов. Учёные МНР представляли свои работы и предложения «на благоусмотрение» начальства, руководствуясь личной мотивацией, а вовсе не стремлением поиска истины. Во-вторых, многие не могли достичь необходимой для науки степени абстрагирования от предмета исследования и были необычайно слабы в теоретических подходах. Монгольская историческая наука усваивала худшие черты советской: догматизм, фальсификацию фактов.

Критика первых монгольских учёных шла параллельно с их воспитанием, что создавало особенно напряжённую атмосферу недоверия и взаимных обвинений. Ещё в апреле 1946 Цеденбал, выступая на Пленуме ЦК МНРП, заявлял: «В особенности нечего делать в Комитете Наук»⁵⁰². Недавнего выдвиженца Дугээрсурэна обвинили в «угодничестве» и бюрократизме, жёсткую критику обрушили в адрес многих работников новых культурных ведомств и учреждений.

Для власти МНРП и режима Чойбалсана был необходим постоянный контроль над настроениями в обществе. Угрожающе выглядела даже робкая реставрация религиозной обрядности после затухания массовых репрессий и войны. Оказалось, что оставшиеся в живых ламы продолжают проповедовать буддизм, давать свою трактовку мировым событиям, предсказывать будущее,

⁵⁰⁰ Ф. 17. Оп. 128. Д. 86. Л. 4.

⁵⁰¹ Ф. 17 Оп. 128. Д. 86. Л. 5.

⁵⁰² Ф. 17. Оп. 128. Д. 206. Л. 13.

врачевать, т.е., выражаясь языком коммунистов, «агитировать население». Более того, выяснилось, что у самого населения остались ещё «религиозные предрассудки», что многие араты молятся, а секретари парт ячеек и председатели сомонов возглавляют религиозные обряды!⁵⁰³ Значит, даже террор против лам, их физическое уничтожение не привели к изменению религиозного сознания населения. Вероятно, требовалась какая-то иная, более глубокая работа с каждым, чтобы сделать из буддиста атеиста. Нужны были новые способы воздействия и проникновения в умы людей.

Прорастание номенклатуры на местах, осуществление заседаний с обсуждением кандидатур на вакантные должности, личных качеств людей, двигало процесс внедрения идеологии в массы. Наступление в сфере культуры и образования, воспитание новой национальной интеллигенции – именно эти аспекты жизни общества стали главными в социальных преобразованиях конца 40-ых.

По представлению монгольских руководителей, необходимо было осуществлять регулярную промывку мозгов населению, пока не постарались другие. Случилось, например, что в Южно-Гобийском аймаке ламы «затесались в партийные агитаторы» и вместо теории Маркса-Ленина стали проповедовать учение о Шамбале, уверяя людей, что Англия и Америка не просто хотят разрушить монголо-советскую дружбу, но и готовят *Шамбалинскую войну*, которая будет направлена на уничтожение всего человечества. По всей видимости, так некоторые ламы интерпретировали доходившие до них известия о разработках ядерного оружия. Хотя ламы и правильно определяли врагов социалистического сообщества, тем не менее, новые идеологи не могли мириться с их религиозными убеждениями. На этот раз вместо политического террора был избран (если не предначертан) другой способ воспитания населения – пятилетний план. Ожидалось, что он заставит аратов работать на достижение светлого будущего (Шамбалы) и позабыть свои прежние суеверия (о ней же), сконцентрировавшись на выполнении резолюций съездов, заветов великого вождя, а также отчётности, и в первую очередь, перед своими *даргами*.

Тем не менее, кампания по внедрению идеологии в массы в определённом смысле способствовала ликвидации неграмотности. К 1952

⁵⁰³ Ф. 17. Оп. 128. Д. 393. Л. 66.

фактически всё взрослое население страны научилось читать и писать. Расширилась сеть общеобразовательных школ, появились новые техникумы и вузы. За пятилетку число учащихся начальных школ увеличилось на 84,4%, семилетних школ – на 33,3%, десятилетних – в 4 раза, число студентов в техникумах – на 27%, в вузах – в 2 раза⁵⁰⁴. В стране возросло количество специалистов со средним и высшим образованием. Поэтому, несмотря на явную идеологизированность, курс МНРП на поднятие уровня грамотности населения имел позитивное значение.

К концу пятилетки также расширилась сеть больниц и врачебных пунктов, увеличилось количество врачей и фельдшеров.

Итак, как мы видим, в начале 50-ых в МНР отмечаются относительные успехи в области тяжёлой и лёгкой индустрии, транспорта и связи, строительства, а также образования и здравоохранения. Несмотря на то, что по ряду показателей (в первую очередь, по животноводству) первый пятилетний план 1948-1952 был провален, помочь СССР и других новых социалистических стран после Второй мировой войны способствовала началу создания материально-социальной базы развития Монгольской Республики. Это в свою очередь влекло за собой дальнейшее оформление прослойки новых государственных служащих, большинство которых были члены МНРП. Несмотря на увеличение количества служащих, появление монгольских рабочих и выделение тонкой прослойки интеллигенции, превалирующее большинство населения страны оставалось скотоводами, ведущими кочевой образ жизни. Однако все они за 30 лет революционного строительства пережили ряд социальных и культурных потрясений: и джассскую кампанию начала 30-ых, и массовые репрессии конца 30-ых, и милитаризацию страны, и голод войны. К концу 40-ых араты уже постепенно привыкли к новой администрации.

Если до первой пятилетки социальные преобразования в Монголии обеспечивались в основном политическими и репрессивными мерами, то с начала 50-ых появляется фактор экономического стимулирования, и уровень благосостояния граждан начинает медленно расти. Этот процесс протекает неравномерно и зависит, в первую очередь, от политической конъюнктуры и

⁵⁰⁴ Цифры приведены по: История Монгольской Народной Республики. - Москва, 1983, С. 464.

размера государственных капиталовложений в ту или иную отрасль. Во-вторых, индустриализация и строительство новой инфраструктуры происходит в городах несопоставимо более быстрыми темпами, чем в отдалённых от столицы аймаках и сомонах. В-третьих, распределение благ между различными прослойками населения по-прежнему находится в руках МНРП.

Ряды этой правящей партии имеют постоянную тенденцию множиться, а её главная задача и функция управлять и контролировать все слои населения – углубляться. Именно между членами МНРП согласно существующей внутрипартийной иерархии происходит основное распределение социальных льгот. Всё это позволяет говорить о новой социальной общности – привилегированных групп монгольской номенклатуры.

Ещё одним событием, свидетельствующим о завершении важного этапа социальных преобразований в МНР, явилось решение IX Великого Народного Хурала (февраль 1949) о закреплении принципа всеобщих выборов и замене прямого, открытого голосования тайным. Подобная реформа избирательной системы стала возможной только по достижению определённой степени устойчивости партийно-государственных структур и лояльности населения по отношению к ним. На основе этой новой избирательной системы в июне 1951 состоялись выборы в Великий Народный Хурал, продемонстрировавшие «морально-политическое единство монгольского народа, его сплочённость вокруг МНРП и народной власти». А в октябре 1952 по всей стране прошли выборы в местные органы власти. Таким образом, у власти МНР появилась уверенность в собственном народе, который должен был выбрать только её.

Монгольская Народно-Революционная Партия к 50-ым годам представляет собой законченную копию Коммунистической Партии Советского Союза по своей цели, структуре, стратегическим и тактическим задачам. Как и в СССР, в МНР в эти годы процветает культ вождя, указывающего своему народу «светлую программу продвижения к социализму...»⁵⁰⁵.

Маршал Х. Чойбалсан скончался в 1952, на год раньше своего старшего товарища и наставника И.В. Сталина. Его смерть и начало эпохи Ю. Цеденбала подводят символическую черту под завершением революционных преобразований монгольского общества. После 1952 социальные изменения

⁵⁰⁵ Ф. 17. Оп. 128. Д. 393. Л. 83.

будут происходить по уже отработанным ранее сценариям и налаженным схемам, и никаких особых социальных потрясений в Монголии уже не будет происходить вплоть до крушения мировой социалистической системы в начале 90-ых.

Заключение

- 1) Общая характеристика социального развития МНР после 1952 до начала 80-ых.**
- 2) Решение задач диссертации:**
 - A) Периодизация социальной истории Монголии 20-40-ых годов XX века, характерные и отличительные черты каждого периода;
 - B) Влияние кадровой политики МНРП на изменение социального состава монгольского общества. Исчезновение старых и появление новых прослоек и их характеристика;
 - C) Взаимосвязь изменений в международной ситуации, внешней политики СССР и Коминтерна с определением курса социального развития Монголии.
- 3) Главные выводы работы.**

Общая характеристика социального развития МНР после 1952 до начала 80-ых

Итак, в реформе избирательной системы в 1952 отразилась уверенность власти в своих позициях. IX Великий Народный Хурал предоставил всем гражданам МНР равные избирательные права при единственной существующей альтернативе выбора. 13 июня 1954 все избиратели проголосовали за кандидатуры МНРП в состав нового Великого Народного Хурала.

XII съезд МНРП (ноябрь 1954) утвердил новый пятилетний план на 1953-1957. Естественно, курс был взят на дальнейшее ускорение кооперирования аратских хозяйств. Для этого необходимо было повысить привлекательность АПО, КСС, госхозов и МЖС, и в этой связи важной вехой явились реформы 1955. По постановлению ЦК МНРП и Совета Министров МНР в госхозах была введена хозяйственная специализация, а основной формой организации труда становилась производственная бригада. Так утверждался социалистический коллективизм: вне своей бригады, парт ячейки и, вообще, какого бы то ни было социалистического учреждения, человек был никто. Сплачиваться во имя исполнения каких-то общественно выгодных целей (во время войны, облавной

охоты) монголам было свойственно всегда. Точно так же им было традиционно привычно соблюдать иерархию начальник-подчинённый (хозяин-слуга). В определённой мере навязанные обществу новые структуры социализма не противоречили традиционной корпоративной системе Монголии и системе социальных отношений, естественных для кочевников.

В 1955 активизировались мероприятия государственных и партийных по совершенствованию животноводческого хозяйства, была введена квота на количество частных животных, дозволяемых на одну единицу хозяйства для членов кооператива. Появился Примерный устав сельскохозяйственных объединений (СХО). Этот документ ещё раз закрепил уже известную истину, – партийные и государственные органы имеют все полномочия вмешиваться в управление экономикой. В 1954-1957 развернули движение *активистов-добровольцев* – партийных кадровиков, направляемых на работу в худоны⁵⁰⁶. Правительство начало действительно поощрять выполнение плана по трудодням, соревнования между работниками, установило пенсии для стариков и инвалидов. Таким образом, качество труда в кооперативах наконец-то после 1955 начало повышаться параллельно с ростом их престижа. С 1957 особо выделившимся работникам стали присваивать звание героя труда МНР, после 1959 система вознаграждений ещё более усложнилась, а в середине 70-ых пришлось даже организовать годичные курсы для аратов по изучению всех аспектов платежей и системы вознаграждений. К концу марта 1959 99,3% хозяйств Монголии были интегрированы в кооперативы⁵⁰⁷. Данная цифра означает несравненно большее, - почти все эти люди получили социальные гарантии, различные льготы и доступ к благам. К 60-ым годам жизнь среднего монгольского арата качественно изменилась. Лояльность к существующему политическому режиму, партии, местной администрации, а также желание трудиться отныне мотивировалось экономическими и социально-моральными нормами занятости в социалистическом секторе. Официальное признание результатов труда в виде медалей, призов, всяческих поощрений являлось существенной составной частью социалистической системы в том виде, в котором она оформилась в 60-ых и 70-ых в СССР и МНР. У людей возникла

⁵⁰⁶ История Монгольской Народной Республики. - Москва, 1983, С. 468.

⁵⁰⁷ Rosenberg, Daniel Mark. Political leadership in a Mongolian nomadic pastoralist collective. - University of Minnesota, 1977 (printed in 1992), P. 34.

личная заинтересованность в поддержании коллективного хозяйства, идея о том, что именно они являются важными участниками процесса изменения общества. Конечно, подобные идеи, – по сути, плоды насаждаемой идеологии. Тем не менее, даже если эта вера в общественные идеалы была не более чем иллюзией, а на самом деле МНРП манипулировала интересами своих подданных, таков был реальный путь социальной адаптации Монголии. Экстремальные меры 20, 30 и 40-ых остались в прошлом, после смерти Х. Чойбалсана МНР уже не переживала столь сильных социальных потрясений.

Социальный протест не может возникнуть при повышении общего уровня жизни населения, а именно это стало заметно в Монголии к началу 70-ых. В эти годы повышалось материальное обеспечение людей. Сеть медицинских, образовательных и других социальных учреждений расползлась по всей стране. Особенно важным для аратов стало бесплатное ветеринарное обслуживание. Усовершенствование технологий производства, новое оборудование, поставляемое из СССР, повышали производительность труда. Как замечал Д. Розенберг, проводивший полевое исследование в центральных аймаках МНР в 1972-1973, за редким исключением всё население поддерживало социализм, хотя отдельные индивиды могли и не доверять тому или иному местному начальнику⁵⁰⁸.

Постепенно задачи пятилетних (и трёхлетних – 1958-1960) планов становились конкретнее. Местные *дэрги* и араты демонстрировали стремление не провалить (а лучше всего побить) спускаемые сверху цифры. Всё больше и больше людей были вовлечены в социалистические соревнования.

За счёт СССР и других социалистических стран (в особенности ЧССР, ГДР, ПНР) увеличивались капиталовложения в монгольскую промышленность, в особенности нефтяную и горнорудную. Советский Союз поставлял в Монголию станки, автомашины, сельскохозяйственную технику, прокладывал ширококолейные железные дороги, руководил строительством аэродромов и поставлял самолёты.

С конца 50-ых заговорили об улучшении торгового обслуживания населения. Появились и другие новые термины, помыслить о которых 15 лет назад никто не мог, - рационализация, автоматизация, изобретения...

В 1960 была *единодушно принята* новая Конституция, провозглашавшая МНР «социалистическим государством рабочих, кооперированного аратства и трудовой интеллигентии, основанным на союзе рабочего класса и кооперированного аратства»⁵⁰⁹. На наш взгляд, эта формулировка свидетельствует об абсолютной фальсификации социальной истории Монголии XX века. Утверждалось, что *главным орудием революционных преобразований* в монгольском обществе являлся *передовой пролетариат*. На самом деле, как явствует из представленной нами работы, социальная прослойка рабочих только начала искусственно формироваться, а сторонником революционных преобразований на первых этапах (1921-1928) был *оппозиционный и реакционный класс* из князей и лам.

После 50-ых наступил период востребованной лжи в культуре и науке: партия и правительство требовали от молодых учёных, литераторов, музыкантов, артистов и художников социалистического содержания в их работе и творчестве. Поэтому репрессии периода правления Ю. Цеденбала (1952-1984) были в основном направлены против интеллигенции. Основной мерой пресечения являлась длительная ссылка. Хотя кровь не текла, как в 1939, нельзя сказать, что методы политической борьбы стали более гуманными. Просто власть достигла такого уровня контроля над обществом, когда открытый жёсткий террор был уже не нужен.

Решение задач диссертации

Периодизация социальной истории 20-40-ых годов, характерные и отличительные черты каждого периода.

Мы выделяем шесть периодов социальной трансформации монгольского общества 20-40-ых годов: 1921-1924; 1925-1928; 1929-1932; 1933-1939; 1940-1945 и 1946-1952. В соответствующем хронологическом порядке мы выстроили основные главы нашей диссертации.

⁵⁰⁸ Rosenberg, Daniel Mark. Political leadership in a Mongolian nomadic pastoralist collective. - University of Minnesota, 1977 (printed in 1992), P. 330.

⁵⁰⁹ Цит. по: История Монгольской Народной Республики. - Москва, 1983, С. 491.

Глава II «**Теократическая монархия и революция в Монголии**» освещает первые четыре года монгольской революции, от слияния двух политических кружков (Ургинского и Зунхуренского) 25 июня 1920 до провозглашения Республики 13 июня 1924. Главным итогом этого периода (1921-1924) являлось лишение наследственных князей политической власти, а также заметное ущемление политических прав лам. Тем не менее, на местах, в худоне продолжал господствовать традиционный уклад.

Глава III «**Республика не перепутье...**» посвящена принципиально важному, определяющему отрезку монгольской истории – 1925-1928 годам, времени, когда пришли в движение все разновекторные течения в обществе: терявшие власть привилегированные сословия пытались хотя бы частично сохранить свои былые позиции, а революционеры вплотную приступили к созданию социального и экономического базиса своей власти. Конец этого периода знаменуется VII съездом МНРП и V Великим Народным Хуралом, принявшими судьбоносные решения о ликвидации собственности князей и монастырей, в перспективе означавшие уничтожение этих сословий. В этот период происходит упрочнение позиций МНРП, создание сети партийных организаций, дальнейшая активизация репрессивных органов, расширение полномочий государства во всех сферах общественной деятельности, начало формирования централизованного управления экономикой и, в конце концов, решение о материально-технической опоре на СССР после VII съезда, свидетельствовавшее о принятии монголами советской модели трансформации общества.

В главе IV «**Старый и новый монгольский террор**» мы рассматриваем один из самых драматичных периодов в истории МНР – кампанию по конфискации собственности князей и монастырей. Самым главным исходом этого периода (1929-1932) стало завершение передела собственности. Имущество бывших владетельных князей было полностью конфисковано, а джасская кампания выбила экономический фундамент из-под ног ламаистской сангхи.

Глава V «**Между русским коммунизмом и японским милитаризмом**» охватывает довольно большой отрезок монгольской истории – 1933-1939: результаты политики «*Нового курса*» и приход к власти Х. Чойбалсана, массовые репрессии конца 30-ых, нарастание международного конфликта на

Дальнем Востоке и исход событий на Халхин-Голе. Характерной особенностью новой волны террора конца 30-ых является её широкомасштабность, глобальность, вовлечённость всех слоёв населения. Это кульминационный момент насильственной трансформации общества, его капитальная встряска, с самых низов. Репрессии 1937-1939 стали массовыми, они перекинулись на простое население, дошли до самых отдалённых районов страны. Средствами массового террора в конце 30-ых фактически уничтожили некогда очень прочную корпоративную монастырскую систему на местах, и Монголия стала представлять собой «новое явление в области надстройки»⁵¹⁰, однако превалирующий экономический и бытовой уклад (кочевое скотоводство) остался старый. Для укрепления социальных достижений двадцати лет революции и последующего развития требовалась дальнейшая институционализация и бюрократизация государственно-партийных структур.

В главе VI «Монгольское общество и Вторая мировая война» (1940-1945) анализируется очередной этап процесса социальной трансформации, когда МНРП и Народное правительство вплотную подошло к проблеме повышения благосостояния своих граждан. Однако решение этой задачи было приостановлено войной. За годы Второй мировой войны в МНР под руководством гражданских и военных советских инструкторов, при репрессивном режиме Х. Чойбалсана происходило углубление партийно-государственного контроля над населением и на фоне пополнения категории служащих оформление правящей социальной прослойки – монгольской номенклатуры.

Глава VII «Противоречия социалистического строительства после войны» охватывает 1946-1952 годы – от начала периода признания МНР на международной арене до смерти Х. Чойбалсана и подведения итогов первой пятилетки (1948-1952). Первые пять лет после войны – это продолжение социальных преобразований, начатых в 1940-1941: идёт дальнейшее оформление нового класса номенклатуры; углубляется и функционализируется разделение общества на служащих, военнослужащих, рабочих, аратов, интеллигенцию. Одновременно усиливаются рычаги вмешательства государства

⁵¹⁰ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 32.

в экономические процессы (вплоть до контроля над личными аратскими хозяйствами) и прессинг новой местной администрации. Отличительной чертой этого периода стали реальные правительственные шаги к повышению благосостояния населения.

Влияние кадровой политики МНРП на изменение социального состава монгольского общества. Исчезновение старых и появление новых прослоек и их характеристика.

За 20-40-е годы постепенно изменяется социальный состав монгольского общества, исчезают старые и появляются новые прослойки. При этом своего рода предвестником перемен в масштабе всего общества выступают различные этапы кадровой политики МНРП. Социальный состав МНРП, характерные особенности её роста на каждом очередном этапе – зеркало общественных изменений в Монголии на всём протяжении XX века. Более того, с самого начала революции в руках членов партии сосредотачивалась основная практическая работа по созданию нового общества.

В 1921-1922 МНРП пополнялась за счёт различных прослоек монгольского общества: и князей, и аратов, и лам, и торговцев. Лидеры партии изначально опирались не на аратов, политически пассивных в общей своей массе, а на лам, как наиболее широкую, влиятельную, грамотную, опытную и состоятельную прослойку. **На первом этапе революции был заключён тактический альянс между монгольскими ламами и лидерами МНРП и Народного правительства.** Из членов партии пытались формировать и дружины монгольской Красной армии, используя ее, таким образом, для агитации в пользу революционной власти.

В 1921-1924 положение самой многочисленной прослойки – монгольского аратства качественным образом не менялось. Несмотря на то, что официально правительство отменило права князей и лам владеть *аратами-хамжилга* и использовать труд аратов в принудительном порядке, а также ввело ограничения в исполнении уртонной службы, традиционные повинности, существовавшие до революции, в реальности не ослабевали.

В 1925-1928 борьба «левых» и «правых» в политической верхушке МНР предопределила грядущий раскол в монгольском обществе. «Правый

уклон» был попыткой бывших элит сохранить часть своих прав, «левый» являлся главным орудием борьбы с ними. По иронии истории, «правый уклон» своеобразным образом способствовал форсированию «левых» социальных преобразований, являясь дополнительным поводом к активным и экстремистским действиям против князей и лам. «Правые» были против репрессивной политики по отношению к буддийской сангхе, предлагаемой «левыми», и не противоборствовали панмонголистским настроениям в обществе.

В 1924-1928 появились опасные для революционной власти тенденции реформирования буддизма. Самая большая угроза заключалась в экономической мощи монастырей, большинство населения продолжало почитать лам во второй половине 20-ых в не меньшей степени, чем до революции, отдавая детей на учёбу в монастыри. На IV съезде МНРП (сентябрь 1925) первый раз заявили об открытой борьбе с бывшими князьями и высшим ламством. **Таким образом, тактическая задача МНРП – использование авторитета ламаистского духовенства, - уступила стратегической – нивелирование старых элит и администрации при последовательной подготовке новых кадров.** Повсеместно насаждался лозунг «артизации партии». Во власть продвигали новых кандидатов из среды арат.

После победы на VII съезде в 1928 «левые» предприняли экстремистские мероприятия - экспроприацию собственности князей и коллективизацию арат. **Джасская кампания 1930-1932** была призвана взломать существовавшую корпоративную систему и порядок на местах и наладить партийную диктатуру. Более того, сопротивление лам и населения насилиственной экспроприации монастырских хозяйств и грубому попранию религиозных святынь служило дополнительным поводом для углубления террора и начала нового этапа репрессий.

Насильственная коллективизация вела к резкому уменьшению поголовья скота, экономическая блокада со стороны Китая – к товарному голоду, а попрание естественного уважения кочевника к национальной аристократии и буддийскому духовенству – к всеобщему недовольству новой властью. В

восстании лета 1932 уже участвовало 70% населения страны, пять самых густонасёлённых аймаков сплошь были охвачены мятежом⁵¹¹.

В июне 1932 согласно директивам из Москвы состоялся 3-й чрезвычайный пленум ЦК МНРП, осудивший «левую политику» и «левых уклонистов». Пленум охарактеризовал сплошную коллективизацию и джасскую кампанию начала 30-ых как «перегибы» и выдвинул так называемый «новый курс». «Новый курс» был провозглашён, но восстания не прекращались. Их пришлось жестоко подавлять.

«Новый курс» несколько поправил бедственное положение экономики (увеличилось поголовье скота по сравнению со спадом 1930-1932), но не способствовал качественному подъёму народного хозяйства, в котором по-прежнему превалировало экстенсивное кочевое скотоводство. Сохранялся дифференцированный подход к аратским хозяйствам, исчезала, сталкиваясь с рядом препон, прослойка зажиточных арат. Возрастали налоги на монастырские хозяйства.

Как всегда о наметившихся социальных сдвигах свидетельствовал новый состав партии конца 1932: исчезли «феодалы» и ламы, появились рабочие и служащие. Таким образом, «левый эксперимент» принёс свои плоды: уничтожил старые привилегированные прослойки, освободив пространство для новых.

Однако вопреки потерям во время джасской кампании и репрессивной политики со стороны властей, ламы в 1933-1935 сохраняли свой престиж в глазах населения, количество их даже возросло, появились признаки реставрации. В ответ на это на IX съезде (сентябрь-октябрь 1934) провозглашается руководящая роль МНРП. Несколько изменяется и социальный состав делегатов съезда (большинство из них – служащие).

Появившаяся в первой половине 30-ых категория служащих свидетельствует о грядущих изменениях структуры монгольского общества, о уже начавшемся выделении особой привилегированной социальной прослойки – номенклатуры. Неважно, что такая градация была ещё совсем условной, главное, существовала чёткая тенденция её развития. В

⁵¹¹ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 45.

30-ых МНР уже бесповоротно встала на рельсы построения общества и государства по образцу СССР.

Внутренняя политика Х. Чойбалсана в 1936-1939 – отголосок событий в Советском Союзе. Массовые репрессии не замедлили отрицательно сказаться на демографической ситуации. Чойбалсан ставит точку в разрешении «ламского вопроса». В 1938 «закрылось» около 760 из 771 действующих монастырей. В 1939 завершили экспроприацию оставшегося монастырского имущества.

Партия Чойбалсана – это уже не открытая организация, призывающая добровольцев пополнять её ряды (как это было в 20-ых), а каста, членство в которой – неизбежный и опасный тест на прочность (в 1937-1939 на выживание) для любого человека, желавшего войти в политическую и административную элиту страны. Статистика численности МНРП во второй половине 30-ых показывает, что, с одной стороны, партия постоянно пополнялась новыми членами, с другой, активно чистилась⁵¹².

После X съезда происходит расширение функций партийных организаций всех уровней, **МНРП объявлется ответственной за подъём экономики страны и развитие животноводства**. Таким образом, партия получает право напрямую вмешиваться в хозяйства и кооперативов, и частников.

Летом 1940 VIII Великий Народный Хурал принял новую **Конституцию МНР**, по которой она провозглашалась независимым государством, уничтожившим бывших «феодалов» и вставшим на путь некапиталистического развития с перспективой плавного перехода к социализму. В новой Конституции нашла своё отражение эволюция МНРП и начало оформления монгольской номенклатуры, **статья 95 фактически говорила о членах МНРП как о новом привилегированном классе общества**. Конституция провозглашала руководящую роль партии. Таким образом, принятие этого нового основного закона в знатке уничтожало какие-либо колебания по поводу дальнейшего развития МНР по стопам Советского Союза.

В 40-ых акцент в партийном и государственном контроле смещается с центра на периферию. Первый годовой план, развёрнутые докладные парт и

⁵¹² По некоторым данным, за период 1935-1939 из партии исключили 3,5 тыс. человек. См.: Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). - Москва: ИВ РАН, 1999, С. 296.

гос работников о конфликтах на местах, приводимая ими статистика свидетельствуют о развитии монгольской бюрократии. Постепенно новые чиновники привыкают к бумажной работе. В 1942-1943 организуют обмен партийных документов. Ведётся новая политика приёма в партию: исключают оставшихся лам, бывших князей, не отступают от курса «**омоложения кадров**», применяют «*индивидуальный отбор*». Изменяется социальный состав партии, более функционально характеризуют группы населения: служащие и трудовая интеллигенция, араты-скотоводы, непосредственно занятые в кочевом хозяйстве, военнослужащие и занятые на производстве.

Рождение «новой монгольской интелигенции» ознаменовалось закрытием «китайского вопроса» (ещё в 1939) и введением нового монгольского алфавита на основе кириллицы Постановлением ЦК МНРП и Совета Министров МНР в марте 1941. Эту веху в истории монголов XX века можно охарактеризовать как последний удар по исчезавшей ламаистской сангхе и вместе с ней буддийской культуре.

Араты также не являлись свободным правящим классом в своей стране, как провозглашали идеологи Х. Чойбалсана. В 1944 араты уже не были превалирующей социальной прослойкой в МНРП. Численность поголовья скота резко упала за годы войны, в этом как в зеркале отражалось и военное время, и социальный террор. Чем больше слабела экономика, тем жестче звучали обвинения в «*плохой партийной работе*». Порой партия самым бездарным способом вмешивалась в хозяйство монголов. На местах постоянно происходили хаотичные кадровые перетасовки, в результате которых в руководстве производственных объединений оказывались неумелые люди.

Наступал критический момент: без практического улучшения жизни распространяемая идеология казалась людям беспочвенной. Зазвучали новые «хозяйственные» лозунги: «*каждому багу – школу, медпункт, ветучасток, клуб, радио, электричество...*»⁵¹³ До их реального воплощения было ещё много лет, но воодушевление, настроения ожидания светлого будущего уже распространялись среди людей.

В 40-ых в Монголии завершался очередной этап эволюции МНРП и всего общества вместе с ней. Шло формирование нового привилегированного

⁵¹³ Ф. 17. Оп. 128. Д. 20. Л. 55.

слюя партийных функционеров – служащих. Среди них существовала своя иерархия и соподчинение, но принадлежность даже к самому низшему звену предоставляла определённые социальные возможности. **В 40-ых МНРП** по образу и подобию ВКП(б) стала воистину правящей партией, перерождавшейся в правящий класс – номенклатуру.

Прорастание номенклатуры на местах, осуществление заседаний с обсуждением кандидатур на вакантные должности, личных качеств людей, двигало процесс внедрения идеологии в массы. **Наступление в сфере культуры и образования, воспитание новой национальной интеллигенции – именно эти аспекты жизни общества стали главными в социальных преобразованиях конца 40-ых.**

В начале 50-ых в МНР отмечаются относительные успехи в области тяжёлой и лёгкой индустрии, транспорта и связи, строительства, а также образования и здравоохранения. Несмотря на то, что по ряду показателей (в первую очередь, по животноводству) первый пятилетний план 1948-1952 был провален, помочь СССР и других новых социалистических стран после Второй мировой войны способствовала началу создания материально-социальной базы развития Монгольской Республики. Это в свою очередь влекло за собой дальнейшее оформление прослойки новых государственных служащих, большинство которых были члены МНРП. **Несмотря на увеличение количества служащих, появление монгольских рабочих и выделение тонкой прослойки интеллигенции, превалирующее большинство населения страны оставалось скотоводами, ведущими кочевой образ жизни.**

Если до первой пятилетки социальные преобразования в Монголии обеспечивались в основном политическими и репрессивными мерами, то с начала 50-ых появляется фактор экономического стимулирования, и уровень благосостояния граждан начинает медленно расти. Этот процесс протекает неравномерно и зависит, в первую очередь, от политической конъюнктуры и размера государственных капиталовложений в ту или иную отрасль. Индустриализация и строительство новой инфраструктуры происходит в городах несоизмеримо более быстрыми темпами, чем в отдалённых аймаках и сомонах.

Политической целью пятилетки являлось укрепление централизованного управления экономикой, главной экономической – увеличение поголовья скота, основной социальной – достижение минимального уровня благосостояния граждан МНР. Идеологи первой пятилетки рассчитывали также создать новое *социалистическое* отношение к труду у кочевого населения. Частную заинтересованность пытались затмить духом соревнований ради общего дела. Поднять аратов на борьбу за высокие производственные показатели было делом нелёгким, и первые плоды государственного курса по возвращению национальных передовиков пришли с развитием социальной сферы и системы наград и поощрений к концу 50-ых.

Результатами первой монгольской пятилетки стали дальнейшая государственная монополизация экономики страны наравне с расширением и углублением партийных (и репрессивных) структур, нивелирование частного сектора и укрепление кооперации, а также относительное повышение материального благосостояния граждан.

Взаимосвязь изменений в международной ситуации, внешней политики СССР и Коминтерна с определением курса социального развития Монголии.

Деятели монгольской революции 1921 проявляли большой интерес к русскому большевизму. **Степень участия Коминтерна в становлении и развитии Монгольской Народной Партии была огромна.** Документы Коминтерна показывают, что **революционная власть новой Монголии получала средства в основном от Советского Союза и Коминтерна.**

Русские большевики не только помогли разгромить барона Унгерна и привести МНП к власти в Урге, но и под предлогом уничтожения белобандитов, проникших на территорию Монголии, применили метод «*комбинированной войны*» - сочетание идеологической пропаганды и военных действий. Именно советские и коминтерновские инструктора были первыми создателями программы социальной стратификации ламства и постепенного его нивелирования.

В конфликте между МНП и СРМ 1921-1924 Коминтерн и Коммунистический Интернационал Молодежи поддерживали СРМ, надеясь создать с помощью их юных членов замену МНП.

Коминтерн оказывал беспрецедентное воздействие на борьбу «левых» и «правых» в 1924-1928, с одной стороны, настаивая на преодолении панмонголизма и отмене привилегий Шабинского ведомства, с другой, сдерживая чрезмерно экстремистские порывы «левых». Вопреки целому ряду ошибок, существовала линия, которой коминтерновцы неукоснительно следовали, и она заключалась в воспитании верных национальных партийных кадров. Регулярно, в особенности как подготовка к очередному съезду партии, по совету Коминтерна в столице и отдалённых аймаках осуществлялась чистка, насаждалась новая администрация и народные хуралы. Коминтерн проводил жёсткий курс на переструктурализацию традиционного монгольского общества и выкристализацию новых элементов монгольского общества путём перетасовки верхов и низов.

В главе III затрагивается внешнеполитический аспект преобразований в МНР в 1927-1928. Политика Японии в Восточной Азии, отношения МНРП с Народно-Революционной Партией Внутренней Монголии, провал надежд Коминтерна на революцию в Китае, победа Гоминдана и многие другие аспекты международной ситуации на Дальнем Востоке провоцировали националистические настроения в монгольском обществе и воодушевляли «правых». Их победа на VI съезде МНРП настораживала Москву и Коминтерн, незамедлительно приступившего к подготовке к VII съезду. Основной причиной победы «левых» на съезде мы считаем неукоснительно выдержанную Коминтерном линию капитальной перетасовки кадров и привлечения низов.

С конца 20-ых в Монголии как и в СССР создаётся миф о внешних и внутренних врагах; Коминтерн призывает к борьбе с международным империализмом (Монголия постепенно «закрывается» для капиталистического Запада и Востока) и его «агентами», которыми оказываются все оппозиционеры существующему политическому режиму. Самыми опасными из них отныне являются панмонголисты, буряты и китайские торговцы, выселение которых с территории МНР постепенно происходит.

На этом фоне расширяется правовая база для дальнейшего развития экономических отношений с СССР, заключается ряд межправительственных

протоколов и соглашений. Советский Союз вплотную приступает к завоеванию (и управлению) монгольского рынка, начинает посыпать в МНР больше специалистов и технического персонала (в особенности, медиков).

Документы Коминтерна свидетельствуют, что **Москва в конце 20-ых настраивала монгол на постепенное расслоение ламства**, «*отделение средних и младших лам от зажиточных духовных иерархов*». Несмотря на это, в июне 1930 ЦК МНРП и Совет Министров МНР приняли постановление о проведении джассской кампании, приведшей к массовым восстаниям.

Осудив «левые загибы» на 3-ем Пленуме ЦК МНРП и провозгласив стимулирующий дальнейшее партийное строительство «*Новый курс*» (на стимулирование экономики монгольское руководство толкали неутихавшие восстания), **монголы получили указание от ВКП(б) на переход к «непосредственному строительству социализма**⁵¹⁴. В политическом плане этот процесс подразумевал воспитание и приведение во власть одного сильного лидера, которым к 1936 стал Х. Чойбалсан, а в социально-экономическом, - дальнейшую национализацию хозяйства страны и развитие кооперативного движения.

В 1933-1934 в МНР (при правительстве Гэндэна) на фоне относительной либерализации торговли (по сравнению с 1930-1932) имели место дискуссии о свободной, независимой от СССР, внешней политике, о национальной идее и уникальности монгольской нации. Происходившее параллельно нагнетание международного напряжения вокруг МНР - территориальные споры между МНР, Маньчжу-Го и Японией, участившиеся пограничные конфликты, деятельность японской агентуры волновали Москву, заставляли ещё жестче воздействовать на монгольское руководство. СССР боялся «*проглядеть*» Монголию так же, как и Китай в 1927.

С 1937-1938 начинается широкомасштабная программа экономической помощи Советского Союза Монгольской Республике. Успехи МНР в создании военно-технической базы и победа на Халхин-Голе в 1939 были достигнуты благодаря СССР.

Вступление СССР во Вторую мировую войну привнесло некоторые изменения в социальную политику в МНР в первой половине 40-ых.

⁵¹⁴ Ф. 495. Оп. 2. Д. 188. Л. 51.

Сократились поставки из Советского Союза, пришлось изыскивать больше внутренних резервов, расширяя диктатуру МНРП. Правительство форсировало политику огосударствления экономики и внедряло систему обязательных поставок сырья и продуктов государству.

В главе VIII описываются международные события после Второй мировой войны, приведшие к признанию независимости МНР и плебисцит 20 октября 1945.

Подъём хозяйства, индустриализация и развитие инфраструктуры во многом зависели от помощи СССР и новых социалистических государств. Зимой 1946 между СССР и МНР были подписаны Договор о дружбе и взаимопомощи и Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве, явившиеся основой для расширения советских инвестиций в Монголию.

Главные выводы работы.

Если к середине 20-ых неравновесное состояние монгольского общества достигло кульмиационной точки, приведя старые и новые элементы системы в состояние крайнего напряжения, а к началу 30-ых определился основной вектор развития, то к 40-ым годам уже произошла частичная переструктурализация константных элементов социума. Нашла своё воплощение латентно присутствующая тенденция объединения кочевников под предводительством сильного и жестокого правителя, «хана-отца», - сложился культ личности Х. Чойбалсана. Была взломана и корпоративная монастырская система, а образовавшийся вакuum начал заполняться новыми партийными структурами. Военные действия на Халхин-Голе отчасти направили в единое русло традиционное стремление монголов к независимости.

Создаваемые в 20-40-ых годах в Монголии государственные, партийные и общественные структуры, с одной стороны, были калькой с советских, с другой, сохраняли черты традиционных отношений среди монголов: почтение-поклонение старшим и начальству, возрастную иерархию, национальную стратификацию и др. Корпоративная система на местах не претерпевала существенных изменений вплоть до конца 30-ых.

Конфискация и коллективизация 1929-1932 и административно-территориальная реформа были призваны стимулировать центростремительные тенденции и создавать предпосылки для развития партийной бюрократии. Дальнейшее дробление территориально-административной системы, разветвление партийных организаций на местах приведёт к их адаптации к «естественному полевым условиям» - **созданию своеобразного «симбиоза» иерархий номенклатуры и традиционных социально-возрастных отношений.** Экспроприация и новое администрирование являлись началом переструктурирования этих традиционных элементов монгольского общества.

Надежды на социалистические преобразования власть возлагала на партийные организации, которые начали бюрократизироваться в 40-ых. Однако вопреки всем съездам и пленумам так называемый **«некапиталистический путь развития»** не затронул глубоко кочевого скотоводства как доминирующего способа ведения хозяйства, этой матрицы социальной системы монголов. Более того, заполняя системный вакуум, образовавшийся после ликвидации старых привилегированных слоёв (князей и лам), новая администрация усваивала при этом традиционную иерархичность властно-патронажных отношений. Поскольку продукты в пользу государства часто изымали репрессивными способами, можно сказать, что государственные заказы и планы занимали место бывших повинностей в пользу князей и монастырей.

Принципы социалистического управления, подробно рассматриваемые нами в этой работе, прижились на монгольской почве. Конечно, этот процесс был довольно болезненным, сопровождался изменением многих стереотипов общества, но в результате, введение новой системы администрации не уничтожило традиционные элементы общества, а привело их к переструктурализации. Здесь мы подходим к формулировке центральной идеи работы. **В XX веке в Монголии состоялся своеобразный «симбиоз» традиционных и социалистических общественных структур, которые и поныне себя не изжили и являются камнем преткновения в проведении реформ в регионе.** Монголия стала образчиком «социалистического пути развития на Востоке», не изжив, а модифицировав корпоративные структуры местной власти, которые продолжают функционировать и по сей день.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Архивы:

Российский Государственный Архив Социально-Политической Истории (РГАСПИ). Ф. 495 (Оп. 2, 3, 4, 152, 154), 17 (Оп. 128), 372, 532, 493.

Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 200.

Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 16.

Национальный Архив Республики Бурятия. Ф. Р-477, Р-248, 475.

Монголын Улсын Түүхийн Төв Архив (Государственный Центральный Исторический Архив Монголии). Ф. 72, 132, 168, 169, 170.

Сборники документов:

На русском языке:

Коминтерн и идея мировой революции. Документы. - Москва: «Наука», 1998. - 947 с.

Народное хозяйство Монгольской Народной Республики. - Улаанбаатар, 1960.

Революционные мероприятия Народного правительства Монголии в 1921-1924 годах, документы. - Москва, 1960.

Советы Сталина И.В. монгольскому премьеру: (Публикация стенограмм бесед И.В. Сталина с премьер-министром МНР Н. Гэнденом в 1934-1935 гг. Пер. с монг.). // Азия и Африка сегодня. - 1991. - №6, С. 53-56.

Цэдэнбал Ю. Избранные статьи и речи (1962-1973). - Москва, 1974.

Чойбалсан Х. Избранные статьи и речи. - Москва, 1961.

Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. Избранные труды. - Улан-Удэ, 1998. - 255 с.

На монгольском языке:

Коминтерн ба Монгол. (Баримтын эмхэтгэл). - Улаанбаатар, 1996. - 503 х.

МАХН ардын хувьсгалын ялалтын толоо тэмцэлд. Баримт бичгууд, 1921 оны турваас долдугаар сар. (МНР в борьбе за победу народной революции. Документы, март 1921 – июль 1921). - Улаанбаатар: Улсын Хэвлэл, 1971. - 415 х.

МАХН-ын түүхэнд холбогдох баримт бичгууд. 1920-1940 он. Нэгдүгээр дэвтэр. (Документы по истории МНРII. 1920-1940. Вып. 1). - Улаанбаатар: Улсын Хэвлэл, 1966. - 419 х.

1921 оны ардын хувьсгалын түүхэнд холбогдох баримт бичгууд. 1917-1921. (Документы по истории народной революции 1921 г. 1917-1921). - Улаанбаатар: Улсын Хэвлэл, 1957. - 311 х.

Халхын голын дайн: нэгэн жарын тэртээд (Баримт бичгийн эмхтгэл). (Война на Халхин-Голе: шестьдесят лет спустя. Сборник документов.) Редакторлаж, оршил бичсэн академич, хошууч генерал В.А. Золотарёв. - Улаанбаатар, 1999.

Литература

Литература на русском языке:

1. Адибеков Г.М., О.Н. Шахназарова, К.К. Шириня. Организационная структура Коминтерна. 1919-1943. - Москва, 1997. - 287 с.
2. Алаев Л.Б. Обмен мнениями. По последним данным разведки мы воевали сами с собой. (К вопросу об основном противоречии нашей эпохи.) // Восток. - 2002. - № 4, С. 51-63.
3. Андрюсов В.Н. Буддизм и тибетская цивилизация // Азия. Диалог цивилизаций. - С-П., 1996. - С. 99-152.
4. Базаров Б.В. Общественно-политическая жизнь 1920-1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. -- 193 с.
5. Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. - Ташкент, 1928

6. Белов Е.А. Загадка Джаламы // Азия и Африка сегодня. – 1995. - №6. – С. 68-71.
7. Белов Е.А. Панмонгольское движение в 1919 г. // Анналы. – 1995. - Вып.2. – С. 55-73.
8. Белов Е.А. Последний «Живой Бог» монголов // Азия и Африка сегодня. – 1996. - №3. – С. 73-77.
9. Белов Е.А. Россия и Монголия в начале XX века (1911-1919 гг.). - Москва: ИВ РАН, 1998. – 235 с.
10. Бира Ш. Путь монгольского народа к социализму. - У-Б., 1974.
11. Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания, письма. - Москва: Наука, 1969. – 419 с.
12. Вебер М. Избранное. Образ общества. - Москва, 1994. – 702 с.
13. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. - Л.: Востлитиздат, 1934. – 223 с.
14. Герасимова К.М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917-1930). - Улан-Удэ: Бургиз, 1964. – 179 с.
15. Головачёв А.И. Тревожные вопросы // Сибирские вопросы. – 1907. - № 1.
16. Гольман М.И. К вопросу о теории некапиталистического развития // VI Межд. Конгресс монголоведов. - Москва: Наука, 1992. – С. 37-46.
17. Гольман М.И. К периодизации развития монголоведения на Западе (50-90-е годы) // Владимирцовские чтения – 3. - Москва, 1995. – С. 51-56.
18. Гольман М.И. К 70-летию установления республиканского строя в Монголии. Круглый стол // Проблемы Дальнего Востока. – 1994. - № 5. – С. 75-79.
19. Гольман М.И. О процессах демократии в Монголии // 70 лет Монгольской народной революции. - Москва, 1992. – С. 104-110.
20. Гольман М.И. Проблемы новейшей истории МНР в буржуазной историографии США. - Москва, 1970.
21. Грайворонский В.В. Некоторые вопросы сотрудничества между СССР и МНР в годы второй мировой войны // Пятидесятилетие Великой Победы и Восток. - Москва: ВИМИ, 1996. - Гл.11. – С. 87-95.
22. Грайворонский В.В. О новой революции в худоне // Владимирцовские чтения – 3. - Москва, 1995. -- С. 56-61.

23. Грайворонский В.В. От кочевого образа жизни к осёдлости. - Москва: Наука, 1979. - 175 с.
24. Грайворонский В.В. Россия и Монголия: современные отношения и перспективы экономического сотрудничества // Россия и Азия: состояние и перспективы сотрудничества. - Москва: ИВ РАН, 1995. - С. 127-130.
25. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.: Гос.рус.геогр. об-во, 1926.
26. Дашибамц Д. Распространение и упрочение идей ленинизма в Монголии. - Москва: Наука, 1978. - 125 с.
27. Дорофеев А. Отчёт по поездке в Северо-Западную Монголию. - Омск: Штаб воен.окр., 1912. - 81 с.
28. Дылыков С.Д., Чимитдоржиев Ш.Б. Южная (Внутренняя) Монголия под гнётом китайских эксплуататоров // Историко-культурные связи народов Центральной Азии. - Улан-Удэ: БИОН, 1983. - С. 119-137.
29. Жабаева Л.Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. - Улан-Удэ, 2001.
30. Жамцаано Ц. Бурятское народническое движение и его критик // Сибирские Вопросы. - 1907. - № 25.
31. Жуковская Н.Л. Буддизм в истории монголов и бурят: политический и культурный аспекты // Буддийский мир. - Москва, 1994.
32. Заятуев Г.Н. Краткая биография цанит-хамбо Агвана Доржиева. - Улан-Удэ, 1991. - 47 с.
33. Заятуев Г.Н. Первые газеты революционной Монголии. - Улан-Удэ, 1962.
34. Зиновьев А. Коммунизм как реальность. - Москва, 1994. - 495 с.
35. Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. - Москва: Восточная литература, 1957. - 300 с.
36. Ендон Д. Антифашистская коалиция и МНР // Международная жизнь. - 1995. - №7. - С. 31-35.
37. Из хроники общественной жизни Сибири // Сибирские Вопросы. - 1907. - № 2.
38. Ильин К. Краткая справка о периодической печати Монголии // Современная Монголия. - 1933. - № 3. - С. 47-53.

39. История Монгольской Народной Республики. Издание третье. - Москва, 1983. – 661 с.
40. История социалистической экономики МНР. - Москва: Наука, 1987.
41. Каллинников А. Национально-революционное движение в Монголии. - Москва, 1926.
42. Козин С.А. Сокровенное сказание монголов. Хроника 1240 г. - М.-Л., 1941.
43. Козлов Н.К. Трёхлетнее путешествие по Монголии и Тибету (1899-1901 гг.). - С-Пб., 1913.
44. Котвич В. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. - С-Пб., 1914.
45. Кошkin А.А. Как готовился Халхин-Гол // Новая и новейшая история. - 1988. - № 6. С. 42-55.
46. Крадин Н.Н. Империя Хунну. - Владивосток, 1996.
47. Кузьмин Ю.В. Позиция демократической интеллигенции России в «монгольском вопросе» после Синьхайской революции в Китае // XIII науч. конф. «Общество и государство в Китае». - Москва, 1991. - Ч.2. - С. 89-91.
48. Курас Л. О переходе бурят в Монголию // Байкал. - Улан-Удэ, 1991. – Т5. – С. 128-130.
49. Лигдэн Б. Участие МНР в войне против милитаристской Японии // Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоенное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии. - М.: Наука, 1977. – С. 139-146.
50. Ломакина М.И. Голова Джа-ламы. - У.-У.-СПб, 1993.
51. Лузянин С.Г. Автономная Монголия в системе международных отношений 1915-1919 // Владимирцовские чтения – 3. - Москва, 1995. – С. 71-85.
52. Лузянин С.Г. Коминтерн, Монголия и китайская революция 1925-1927 гг. // Восток. – 1996. - №1. – С. 65-76.
53. Лузянин С.Г. Монголия в русско-китайских отношениях 1911-1917 гг. // Китайская традиционная культура и проблемы модернизации. - Москва, 1994. – Ч. 1. – С. 181-184.
54. Лузянин С.Г. Монголия: между Китаем и Советской Россией. 1920-1924 // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. - №2. – С. 71-85.
55. Лузянин С.Г. Монголия между Россией и КНР: исторический опыт и современные реалии // Восток. – 1996. - № 6. – С. 110-113.

56. Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. – Москва: ИДВ РАН, 2000. – 268 с.
57. Лузянин С.Г. Ялта и монгольский вопрос // Пятидесятилетие Великой победы и Восток. - Москва, 1996. - Гл. 9. – С. 76-83.
58. Лузянин С.Г. Ялтинская конференция и проблемы международно-правового оформления МНР накануне и в годы второй мировой войны // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. - № 6.
59. Йхагва Т. Что же думал Сталин о монголах? // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. - №3. – С. 85-91.
60. Майский И.М. Монголия накануне революции. – Москва: Востлит, 1960. – 301 с.
61. Манхейм, Карл. Диагноз нашего времени. – Москва: Юрист, 1994. – 700 с.
62. Матвеева Г.С. Монгольский революционный союз молодёжи: история и современность. - Москва: Наука, 1983. – 278 с.
63. Матвеева Г.С. Создание материально-технической базы социализма в МНР. - М.: Наука, 1978. – 278 с.
64. Матвеева Г.С. Социалистические преобразования в сельском хозяйстве МНР. - М.: Востлит, 1960. – 114 с.
65. Морозова И.Ю. Китай – Монголия – Россия в XIII веке. Взаимопроникновение общественных моделей // Ломоносов-96. - Москва, 1996. - Выпуск 1. – С. 89-90.
66. Морозова И.Ю. Коды кочевой культуры в цвето-звуковой символике «Гэсэра» // Полигнозис. – 1998. - № 3. – С. 111-115.
67. Морозова И.Ю. Монгольское общество в эпоху перемен (1921-1924) // Восток: история, филология, экономика. - Москва: ИСЛА при МГУ. - № 3 (в печати).
68. Морозова И.Ю. Проблемы социальной истории Монголии XX века. // Российское монголоведение. - Москва: ИВ РАН, 2001. - Бюллетень V. – С. 141-160.
69. Морозова И.Ю. Социальные проблемы истории Монголии XX века // Владимирцкие чтения IV. – Москва, 2000. – С. 79-82.

70. Морозова И.Ю. Стратегия Коминтерна и барона Унгерна в Центральной Азии. // Восток: история, филология, экономика. - Москва: ИСАА при МГУ, 1999. - № 1. - С. 49-56.
71. Морозова И. Ю. Эпическое творчество кочевых народов // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Языки. Фольклор. Литература. - Улан-Удэ, 2000. - С. 244-249.
72. Мясников В.С. Советско-китайские отношения в Центральной Азии: Современное состояние. Проблемы и перспективы // Проблемы мира, безопасности и сотрудничества в АТР и на Дальнем Востоке. - Москва, 1989. - С. 94-105.
73. Надиров Ш.Г. Цеденбал. 1984 год. - Москва: Востлит РАН, 1995. - 189 с.
74. Нацагдорж Ш. Из истории аратского движения во Внешней Монголии. - Москва: Востлит, 1958. - 95 с.
75. Национальное дело // Сибирские Вопросы. - 1912. - № 18.
76. Нацов С.Н. Национальная революция монголов // Коммунистический интернационал. - 1928, август. - № 33-34.
77. Научно-информационные бюллетень Российского Центра Хранения и Изучения Документов Новейшей Истории. - 1996. - Выпуск № 8. - 72 с.
78. Неклесса А.И. Постсоветский мир в новой системе координат // Восток, 1997. - №2.
79. Немой А.С. Советские медики в Монгольской Народной республике. - Москва, 1978.
80. Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. - Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1993. - 492 с.
81. Полтавцев С. Материалы для описания Монголии. - Иркутск, 1913. - 131 с.
Программа партии Прогрессивных бурят Забайкалья // Сибирские Вопросы. - 1907. - № 7.
82. Революционная молодёжь Монголии. - Улан-Батор, 1925.
83. Рерих Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIVвв. // Филология и история монгольских народов. - Москва, 1958.
84. Республика Бурятия -- государство в составе Российской Федерации (к 75-летию образования). - Улан-Удэ: Издательство БНЦ, 1998. - 161 с.

85. Роль и значение помощи международного коммунистического движения в становлении и развитии МНРП. - Москва - У-Б., Политиздат, 1978.
86. Россия и Монголия. Новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. - Москва: ИВ РАН, 2001.
87. Рошин С.К. К 70-летию Монгольской Народной революции // 70 лет Монгольской Народной революции. Материалы межд. Науч. конф. - Москва, 4 июля 1991 г. - Москва, 1992. - С. 5-20.
88. Рошин С.К. О возникновении и развитии социалистического уклада в экономике МНР // Советское востоковедение. - 1957. - № 2. - С. 20-30.
89. Рошин С.К. Они возглавляли революцию // Азия и Африка сегодня. - 1995. - № 9. - С. 63-68.
90. Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). - Москва: ИВ РАН, 1999. - 325 с.
91. Рошин С.К. Развитие социалистических производственных отношений в МНР. - Москва: Наука, 1979.
92. Рошин С.К. Социалистическое кооперирование аратства в МНР // Народы Азии и Африки. - 1963. - № 6.
93. Рошин С.К. Турап Рыскулов в Монголии // Азия. -- 1994. - № 35 (125).
94. Смотрицкий В.Я. Интернациональные связи СССР и МНР 1921-1940. - Кемеров, 1984.
95. Степанова А.И. К вопросу о панмонголизме. - Казань, 1905.
96. Сумуков А.Д. Заметки о положении на периферии МНР за 1931 // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. - 1994. - № 5.- С. 145-156.
97. Табак Ф. Ars Longa, Vita Previs? Pax Mongolica в геисторической перспективе // Афро-азиатский мир: региональные исторические системы и капитализм. - Москва: ИИОН РАН, 1999.
98. Фурсов А.И., Пивоваров Ю.С. Русская система // Политическая наука. Теория и модернизация (проблемно-тематический сборник). - Москва: ИИОН, 1997.
99. Хара-Даван, Эрэнжэн. Чингис-хан как полководец и его наследие. - Элиста, 1991.
100. Цибиков Б. К вопросу о добровольном присоединении Бурят-Монголии к России. - Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1950. - 59 с.
101. Цибиков Б. Разгром Унгерновщины. - Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1947. - 160 с.

102. Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. - Новосибирск, 1981. - Т. 1, 2.
103. Чимитдоржиев Ш.Б. Бурятские деятели в Монголии накануне и в годы народной революции // Национально-освободительное движение бурятского народа. - Улан-Удэ:БИОН, 1989. - С. 99-105.
104. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. - М.: Наука, 1987. – 235 с.
105. Ширапов Ю.С. Роль буддийского фактора в мировоззрении бурятской народнической интеллигенции // Из истории философской и общественно-политической мысли стран Центральной и Восточной Азии. - У-У., 1995.
106. Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 г. - Москва: Востлит, 1971. – 399 с.
107. Шишикин С.Н. Боевые действия Красной Армии у реки Халхин-Гол. - Москва, 1946.
108. Юдин В.И. У истоков монгольской народной революции. – М.: Востлит, 1931. – 69 с.
109. Юзефович Л. Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штенбурга. - Москва, 1993. – 271 с.
110. Яскина Г.С. Монголия: смена моделей развития. - Москва: АПК РАН, 1994. – 364 с.
111. Яскина Г.С. Монголо-японские отношения в годы второй мировой войны // Пятидесятилетия Великой Победы в Восток. - Москва, 1996. - Гл.12. -- С. 95-98.

Литература на монгольском языке:

112. Баабар Б. Буу март! Марвал сонэн. - Улаанбаатар, 1990. – 115 х.
113. Баабар Б. ХХ зууны Монгол: нүүдэл, суудал, гарз олз. - Улаанбаатар, 1995. – Боть 1. – 531 х.
114. Батбаяр Ц. Монгол ба Япон ХХ зууны эхний хагаст. - Улаанбаатар, 1998. -- 227 х.
115. Бат-Очир Л. Бодоо сайд: узэл ба уйл. - Улаанбаатар, 1991. - 56 х.
116. Бат-Очир Л. Догсомын Бодоо (Хэлсэн, бичсэн зүйлийн түүвэр). - Улаанбаатар, 2001. -- 188 х.
117. Бат-Очир Л. Туухийн унэний эрэдл. (В поисках исторической правды). - Улаанбаатар, 1999. – 465 х.

118. Бат-Очир Л. ХХ Зууны Монгол Дахь Улс Төрийн ТҮҮХЭН Үйл Явц. Хянан тохиолдуулсан доктор профессор М. Санждорж. - Улаанбаатар, 1996. - 128 х.
119. Бат-Очир Л. Чойбалсан (Намтрын нь балархайг тодруулахуй...). - Улаанбаатар, 1996. - 207 х.
120. Болдбаатар Ж. Амар сайд. - Булган хот, 1993. - 98 х.
121. Даш Д. Солийн Данзан. - Улаанбаатар, 1990.
122. Цэмид Д. Улаан цэргийн хоржсон туух (Из истории нашей Красной армии). - У.-Б., 1931. - 120 х.
123. Жамбалсүрэн Ц. Ю. Цэдэнбал. - Улаанбаатар, 1996.
124. Зориг Г. Халх Голын байлдааны тухай японы хэвлэлд (Японские публикации о войне у Халхин-Гола) // Дорно дахины судлалын фсуудал. - У.-Б., 1985. - №1 (10). - х. 69-74.
125. Ичиноров С. Нэлжидийн Гэндэн. Үзэл баримтал, уйл ажиллага. - Улаанбаатар, 1994.
126. Ичиноров С., Санжийн Довчин сайдын эдийн засаг, улс төрийн байр, суурь. Улаанбаатар, 1994.
127. Лонжид З., Батсайхан О. Жанжин Данзан. - Улаанбаатар, 1995.
128. Лхамсурэн Б. Монголын гадаад орчин, торийн тусгаар тогтнол. (Внешняя среда и государственная независимость Монголии). - У.-Б., 1995. - 121 х.
129. Монголын тҮҮхийн хураангуй хэрэглҮҮн (1924-1940). - Улаанбаатар: МУИС, 2000. - 87 х.
130. Пүрэвжав С., Дашиjamц Д. БНМАУ-д сүм хийд лам нарын асуудлыг шийдвэрлэсэн нь. - У.-Б., 1965.
131. Пүрэвжав С. Монгод дахь шарын шашны хураангуй тҮҮХ. - Улаанбаатар, 1978.
132. Санждорж М. Ардын төрийн тҮҮХ. - У.-Б., 1974.
133. Хэрээд Л. Жамсран. Монголын Төрийн Тусгаар Тогтолын Сэргэлт. - Улаанбаатар, 1997.
134. Хорьдугаар зууны Монгол. - Улаанбаатар, 1995.
135. Цэрэндорж Г. Нийслэл хурээний монгол худалдааны тоййм 1912-1920. - У.-Б.: Улсын хэвлэл, 1961.
136. Шагдарсүрэн П., Миний мэдэх маршал Х. Чойбалсан. - Улаанбаатар, 2000. - 185 х.
137. Ширендыб Б. Ардын Хатанбаатар Максаржавын намтар. - У.-Б., 1978.

138. Ширендыб Б. Монгол ардын хувьсгалын түүх. - У.-Б., 1969.
139. Ширендыб Б. Хичэнгүй сайд Цэрэндож (1868-1928). - Улан-Батор: Шинжлэх, ухааны академийн хэвлэл, 1965. – 80 х.

Литература на западноевропейских языках:

140. Ashby P.H. Religious Ferment in Asia // Religious Ferment In Asia, edited by Miller R.J. - Kansas, 1974.
141. Atwood Ch. P. Buddhism and popular ritual in Mongolian religion // History of religions. - The University of Chicago press. - November, 1996. - Vol. 36. № 2.
142. Barkmann Udo B. Erste Benmerkungen zu einem traurigen Kapite mongolischer Geschichte – die dreißiger Jahre // Asien, Africa, Lateinamerika. - Harwood Academic Publishers. - 6/1993. - Vol. XX
143. Barkmann Udo B. Religiose Pluralismus und nationale Identität in der Mongolei. // KAS/AUSLANDS-INFORMATIONEN, 02/98.
144. Barkmann Udo B. Zum Politschen Selbstverständnis der Mongolischen Revolutionären Volkspartei. // Asien, Africa, Lateinamerika. – 1996. - vol. 24.
145. Bawden Ch. Modern History of Mongolia. - London, 1968. – 615 p.
146. Borknau F. World Communism. A history of the Communist International. - Michigan press, 1978.
147. Bulag U.E. Nationalism and Hybridity in Mongolia. - New York, 1998.
148. Communist and postcommunist political systems, edited by Stephen White, John Gardner, George Schopflin, Tony Saich. - New York, 1990.
149. Dallin D.J. Soviet Russia and the Far East. - New Haven, 1948.
150. Forbath L. The New Mongolia. - London, 1936.
151. Gunder Frank, Andre. The Centrality of Central Asia // Bulletin of Concerned Asia Scholars. - vol. 2. - n. 2 (1992).
152. Hecker J.F. Religion and Communism. A study of Religion and Atheism in Soviet Russia. - Hyperion press, Inc. Westport, connecticut, 1981.
153. Jacobson, Julius. The Soviet Union Is Dead: The “Russian Question” Remains. Part I: The Communist Past – Myth & Reality. - New Politics, 1995. 0 vol. 5, no. 2 (new series), whole no. 18.

154. Kiyota M. The Buddhist Model for Renewal: An Examination of Contemporary Buddhist Sangha in Asia. // Religious ferment in Asia. - Kansas, 1974.
155. Larson F.A. The Lamas of Mongolia // Atlantic Monthly. – 1930. - Vol. 145, March.
156. Lattimore O. Nationalism and Revolution in Mongolia. - New York, 1955.
157. Lattimore O. Nomads and Commissars. Mongolia revisited. – New-York: Oxford Univ. Press, 1962. - 233 p.
158. Lattimore O., Fujilo Isono. The Diluv Khutagt. Memories and Autobiography of a Mongol Buddhist Reincarnation in Religion and Revolution. - Wesbaden, 1982.
159. Ma Ho-t'ien. Chinese agent in Mongolia. - Baltimore: J. H. Press, 1949. - 249 p.
160. Lindholm, Charles. Kinship Structure and Political Authority: The Middle East and Central Asia // Comparative Studies in Society and History. - Cambridge University Press, 1983. - vol. 28, P. 338-343.
161. Mongolia in Transition. Old Patterns. New Challenges, edited by Ole Bruun and Ole Odgaard. - CURZON, 1996. - 272 P.
162. Morozova I.Y. Buddhism and Revolution in Mongolia // Religion, Customary Law, and Nomadic Technology. - Toronto studies in Central and Inner Asia, 2000. - No. 4. – P. 101-112.
163. Morozova I.Y. Japan and its Influence towards Panmongolism and Panbuddhism // International Journal of Central Asian Studies. Seoul: Institute of Asian Culture and Development. – 1999. - volume 4. – 146-161.
164. Morozova I.Y. The Comintern and Revolution in Mongolia // Cambridge: White Horse Press, 2002.
165. Moses L.W. The Political Role of Mongol Buddhism. - Indiana University: Uralic Altaic Series, 1977. - vol. 133.
166. Naring T. The Break-Up of Britain // New Left Review. – 1977. - № 105.
167. Nearing S. Russia turns East. The Triumph of Soviet Diplomacy in Asia. - New York, 1926.
168. Ossendovski F. The shadow of the gloomy East. - New York, 1925.
- Rosenberg, Daniel Mark. Political leadership in a Mongolian nomadic pastoralist collective. - University of Minnesota, 1977 (printed in 1992).
169. Rupen R. How Mongolia is really ruled. A political history of the MPR, 1900-1078. - California, 1966.
170. Rupen R. Mongols of the XXth century. - Bloomington, 1964. – 361 p.

171. Seiden, Jacob. The Mongol impact on Russia from the 13th century to the present: Mongol contributions to the political institutions of Muscovy, Imperial Russia, and the Soviet state. - Georgetown University, 1971. - (volumes I-III).
172. Smith D.E. Religion and Political Development. - Boston, 1970.
173. Strong A.L. Old and New Gods in Mongolia // Asia. - 1928. - vol. 28.
174. White S., Gatdner J., Schopflin G. Communist and postcommunist political systems. - New York, 1990.
175. Williams R.H. Religion as Political Resource Culture or Ideology? // Journal for Scientific Study of Religion. - December, 1996. - vol. 35. - № 4.